ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

6. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 7.06.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.
Тираж – 2500 экз.
Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ
Роза ТАЛХИГОВА. А *я все живу в ожидании нового дня…* Стихи.....2
Руслан ЮСУПОВ. *Бросая вызов мрачной суете…* Стихи.....30
Тауз ИСС. *Вокзал.* Верлибры.....43
Хьусайн ДЖЕБИЕВ. *Ойланаш къоналле кхийда.* Стихаш.....56

ПРОЗА
Эльбрус МИНКАИЛОВ. *Дагахьбаллам.* Дийцар.....5
Сулиман МУСАЕВ. *Седа.* Рассказ.....23
Иса ГУНАЕВ. *Доза.* Повесть. *Окончание*.....46

ДЕБЮТ
Ася УМАРОВА. *Спокойной ночи, Марисабель.* Рассказ.....10
Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Спасибо, мам. Птица-синица.* Рассказ.....32
Адам ТУМЧАЕВ. *Ойланаш.* Кегий дийцарш.....58
Арби АРСЕМИРЗАЕВ. *Свобода.* Стихи.....63
Зезаг ХАМЗАТОВА. *Письмо другу*.....64

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Исмаил МУНАЕВ. *Магомед Дикаев – поэт и гражданин чеченского народа*.....67

КУЛЬТУРА
Малика ГОРТИКОВА. *Вечные ценности музейного мира*.....70

ПУБЛИЦИСТИКА
Малика ЕЖИЕВА. *По лабиринтам памяти. Хлопок*.....75
Муслим ГАПУЕВ. *Фартовый борец.* Очерк.....83

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Карандашом и ручкой о мире и себе*.....8

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Избранное. Мой путь. Обет. Подготовила Роза МЕЖИЕВА.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Поэзия

Роза Талхигова

А я все живу в ожидании нового дня...

***

Куда деваются друзья
В часы душевной непогоды,
Когда практически нельзя
Перечеркнуть былые годы…

Куда деваются друзья,
Когда они необходимы,
Когда практически нельзя
Перечеркнуть былые зимы…

Когда на сердце – груз потерь,
Когда весна не греет душу…
Когда в распахнутую дверь
Боль вырывается наружу…

Когда немой тоски в глазах
Своих, мы скрыть уже не в силах…
Они живут у нас в сердцах
И в снах предутренних, красивых.

Они приходят, чтоб согреть
Нас теплотой своей сердечной,
Напомнить – жизнь лишь круговерть
И в жизни ничего не вечно.

Идем, по памяти скользя
И слез соленых не скрывая…
Куда деваются друзья? –
Они нас ждут в предверьи рая.

***

Опустела душа, ни гроша за душой,
Ухожу не спеша на бесценный покой.
Ухожу, не скорбя,
мой покой не тревожь,
Променяла тебя на туман и на дождь.

Променяла тебя я на тихие дни,
На осенние парки, ночные огни…
И в бегущей толпе,
что сама круговерть,
Я сумею и взглядом тебя не задеть.

***

После нашей разлуки
весь мир показался мне серым,
Сжалось сердце в груди,
не желая поверить в беду…
Эту горькую тайну
хранят в моей комнате стены –
Я на них опиралась,
я думала, что упаду.
Но на горе чужом
ты не выстроишь счастья
вовеки.
Только истину эту
ты, видимо, просто забыл.
Дни за днями бежали,
сливаясь в огромные реки,
Я уже забывала,
что где-то когда-то ты был.
Заглушая обиду,
старалась шутить и смеяться,
Только нам суждено
было встретиться в жизни опять,
Ты вернулся назад
и сказал, что еще тебе снятся
И улыбка моя,
и по-детски доверчивый
взгляд…
Но поверь:
Не сумею
тебя я простить и забыться,

Нет доверья в душе,
и не будет его никогда.
Первый день,
как в саду
для меня заливаются птицы!
Первый день,
как в мечту
путеводная манит звезда.

***

Ах, как же весело, как никогда,
Мне было весело…
Как будто душу мою беда
Всю занавесила.
Я хохотала, а между тем
Шли люди мимо,
А вслед за нами шагала тень
Почти незримо.
Сквозь смех я думала: сейчас
Случится что-то…
И вот усмешка недобрых глаз
За поворотом
Тебя умчала, как во сне,
Следом шедшая,
А люди думали обо мне:
«Сумасшедшая!»

***

Когда весна настанет вновь
И обо мне напомнит властно,
Ты не ищи красивых слов
И не тревожь меня напрасно.

Когда в ликующих лучах
Заблещет радостное лето…
Не жди, что снова зазвучат
Слова любви перед рассветом.

Когда осенняя гроза
Нежданно в двери постучится,
Не возвращай меня назад:
Ты знаешь – чудо не случится.

Когда метели января
Твою дорогу запорошат,
Не надо, не старайся зря
Казаться добрым и хорошим.

***

Разлука с тобой
оказалась сильнее меня,
И боль не проходит,
и ноет открытая рана,
А я все живу в ожидании
нового дня,
Себя утешаю я
горькой настойкой обмана.
Пытаюсь забыться
в кругу беззаботных подруг,
Пытаюсь влюбиться –
уходит тоска понемногу…
Но только усну:
и глаза твои вспомнятся вдруг,
И с ними сравниться
другие вовеки не смогут.
Но ночь ускользает,
и слезы мои горячи,
А может, сама я
в печали своей виновата?..
И письма мои,
как далекие звезды в ночи,
Уже никогда
не найдут своего адресата.

***

Отчего ты грустишь –
время мчится
невидимой птицей,
Словно дождь запоздалый...
стучится в окно твое дождь.
Затуманился взор
и слегка задрожали ресницы –
Что случилось с тобой?
Понапрасну себя не тревожь!
Все растает как дым…
только память
забыться не сможет,
И окутает землю
слепящими хлопьями снег…
Ты мне просто ответь:
Что волнует тебя?
Что тревожит?
Самый близкий на свете
и самый родной человек.
Шелест листьев весенних
разбудит тебя на рассвете,
И развеет тоску
освежающий
солнечный дождь…

Мне светло оттого,
что ты просто живешь
на планете,
И легко оттого,
что печали моей не поймешь.

***

Безрадостной любви
развязка тяжела,
И сердца не согреть –
тепла от пепла мало.
Падет каштанов медь –
и словно не жила,
А все пустые дни –
существовала.
Лишь в день рожденья трав
припомню, что жива,
Что чувствовать пока
душа не разучилась…
Но в паутину зла,
как будто в кружева,
Не ведая того,
вдруг облачилась.

***

Рядом с тобою жила я,
жила, понимаешь?
Рядом с тобою дышала
и верила в жизнь…
Так почему же
ты веру мою забираешь?
Так почему же
душа моя падает вниз?
Я ухожу.
Знаю, слез и прощаний
не будет.
Я не вернусь
и обратного поезда нет.
Только однажды
тебя на рассвете разбудит
Мой позабытый
почти что уже силуэт.
Ты не пугайся,
я рядышком только присяду,
Чтоб затеряться
в тени твоих
черных ресниц…

Вновь удивиться
небесному, синему взгляду –
И раствориться
среди позабывшихся лиц.

***

Увы, моя последняя попытка
Уйти от грез…
И эту жизнь – мучительную пытку
Принять всерьез.

Последние слова, что пророню я
(Их горше нет),
Последняя слеза, что оброню я
Тебе вослед.

Но ты с усмешкой
провожаешь осень –
«Вернется вновь»,
Но ты не знаешь, что она уносит
Мою любовь.

Печальная улыбка тихой ивы
В ночи зажглась…
Последняя попытка –
Быть счастливой –
Не удалась!

***

Передай хоть весточку
с капелькой дождя,
Коль не жаль…
И она укутает, глупую меня,
Словно шаль.
Позабуду горести. В этот миг
За окном
Засияет все, засверкает мир
Серебром.
Может, убаюкают хоть на миг
Те слова…
И припомнится милых глаз
Синева…
Дай же весточку, окажи же мне
Эту честь.
Упадет звездой и сгорит во мне
Эта весть!

Проза

Минкаилов Эльбрус

Дагахьбаллам

Дийцар

…КIедачу диван тIе а хиъна, паргIатваьлла Iаш вара ХIарон, сан ден шича, дезткъа шо кхаьчна воккхастаг. Да дIаваьллачул тIаьхьа тхан цIийнан хьалхара стаг ву иза вонехь а, диканехь а. Массарал воккха воццушехь, шена тIе лаьцна-кх цо и дукъ – мохь даима а и дIакхехьалур болчо буьллу-кх шен белшаш тIе… Къежбелла корта, хебаршка яхна юьхь… Вистхилар а ду цуьнан цхьа тийна, дахаро гIелвича санна, амма суна хеза цо олу хIор дош.

Со иза волчу веана, Москвара и цIа веъна аьлла хезна. ХIокху тIаьхьарчу шерашкахь сих-сиха цамгарш лехьо волавелла иза.

Цуьнан къамел сих-сиха юкъахдоккху къорачу йовхарша… И тIамехь хилла чевнаш бахьнехь ду – сихха этIийна, тIекхочург, яккхалург дIа а яьккхина, кийрахь ерш йита а юьтуш, дIатегна иза, гуч-гуччу йохку йоманаш санна… Пехашкахь йисна гаьргаш ю цунна уггар йоккха новкъарло йийраш – жимма шелвелча, вожаво цара…

Цунна чевнаш йиначул тIаьхьа кхузткъа шо а сов хан яьлла. ХIетахь, когаш тIе ма хIоьтти, госпиталера ара а ваькхина, цкъа масех денна цIа а ваийтина, юха, хьем ца беш, тIаме хьажийнера иза. ХIетахь къона вара, хIуъу лан а ницкъ бара…

Шерийн йохалла чевнаша шаьш йиц ца йолуьйтура…

…ХIарон дахарехь ларош стаг вара, дикчу балхахь а волуш. ХIара тIемаш бовллалц болх дIа ца теснера цо, пенси вахча а. Шен могашалла ма-хуьллу ларйора цо даим а, ен харж а, йойу хан а ца лоруш – хIор шарахь бохург санна, санаторе воьдура, ю мел бохучу клиникехь, больницехь хуьлура. ХIинца а, Толаман 60 шо кхочуш, Iедало ахча а делла, ЦКБ-ехь а, «Барвиха» санаторехь а хиллера иза…

– Оцу поезда чохь шелвелла моьтту суна суо, – элира цо, юха а тIеяьхкина йовхарш тийча. – ХIуьттаренна санна, цкъа йохъеш, юха шелъеш яра вагонаш…

…Ас хьалха а дуккха а къамелаш динера цуьнца. ХIума дика дагахь лаьтташ а, говза дийца хууш а вара иза. Шен хенахь дIа ца яздинера дедас, цуьнан шичоша, ур-аттал дас а дийцинарш – хьаьдда-ведда лелаш, кхоьур ву-кх бохуш Iашшехь, цхьаъ вукхунна тIаьхьа дIабахара уьш… ХIароне ас тIамах лаьцна дуьйцуьйтура – финнашца хиллачу а, Сийлахь-Боккхачу а тIемашкахула чекхваьлла вара иза.

ХIунда ду а ца хаьа, амма цхьана хоршахь дIадоьду къамел юкъах а даькхина, ас хаьттира цуьнга:

– Ваша, хьуна дукха хIума гина, дукха хIума лайна ахь… Амма царах хьуна уггар а боккха дагахьбаллам биснарг хIун ду?..

И ойлане вахара, жимма дIа а таьIна. Гуш дара, ойланаша цунна тIеIаткъам беш хилар, дагалецамех цунна беза мохь хиллий…

Ницкъ гулбеш санна, жимма Iийна-а, доккха са а даьккхина, дийца волавелира ХIарон…

…Иза дара тIеман хьалхарчу деношкахь, билггал де-м дага ца догIу суна… Прибалтикехь лаьтташ яра тхан полк… Соьца вайн юьртара кхин цхьаъ а вара, Ахьмад…

Кхин нохчий, суна хууш, бацара... 45-мм яккхий тоьпаш яра оха лелош. ТIеман хьалхарчу деношкахь билгалделира, полк декъазчу хьолехь хилар – снарядаш яцара, юург а… Немцойн танкаш яра, чот-барам боцуш… Царна дуьхьал хIиттина дара тхо… Снарядаш чекх а йовлий, юьсура расчеташ… Танкаш, ма-йоггIура, тIехула лелхара яккхийчу тоьпашна, бовда ца кхиъна салтий а хьошуш…

ТIеман кхоалгIачу дийнахь тIебеанчу бодано къелхьарбехира тIаьххьара биснарш – тхо хьаннаш йолчу агIор юхадевлира…

Немцоша минаш а, яккхий тоьпаш а еттара хаддаза… Тхо хьунхьахула дIагIерташ инзаре доккха тата делира… ШолгIа а, кхоалгIа а лилхина снарядаш гено эгнера… Со дийна вара, хIара аьлла, чов а яцара… Хьала а гIаьттина, тIера латта дIадоккхуш, дегIах куьг а тоьхна, накъостех хилларг къасто вуьйлира со… Масех гена воццуш Iуьллуш вара, меттах ца хьовш…Уггар хьалха Ахьмаде кхайкхира ас, амма и со хезехь воцучух тера дара…

Дукха хан ялале, цхьацца-шишша вогIуш, тIебаьхкира дийна биснарш – шовзткъе ялх стаг. Ахьмад цаьрца вацара…

…Суна иза карийра, цхьана доккхачу диттах а таьIна, хиъна Iаш… Цунна чов йинера, чIогIа луьра чов…

– ХIарон, со… кхин дIа валур вац… ЦIахь дIадуьйцур ду-кх ахь… хIара хьал муха нисделира… – халла элира цо.

– Ахьмад, вайх хирг цхьаьний хир ду… Жимма са а даьIна, вайнаш болчу агIор дIатаьIар ду вай. Ас хьо гехь хьур ву!

Иза гIийла велавелира:

– Дерриг а дIадаьлла… Букъ… БукъдаьIахк кагйина… Меттах а ца хьало, когаш тIе хIоттар ца дийцича а… Хьайна ницкъ а ца беш, дIагIо… Со вита кхузахь… Цхьа граната а лой…

– Ма дийца… Вуьтур вац… Цхьаьна дIагIур ду вай…

Ахьмад меттахвала гIоьртира, амма цхьа шийла мохь а болуш, бертал вуьйжира...

– Ахьмад, Ахьмад! – кхайкхира ас цуьнга, тIе а кхетта, амма иза дуьхьал вист ца хилира…

Сахуьллаш кхетамчу веара иза. Ас ша ги вуллуш, цо юха а элира, ша витахьара аьлла…

Тхо дикка дIадахара хьуьнан юкъахула… Суна хала дара, сайл волу Ахьмад а, тхойшиннан герз а дIатекхо, амма и вуьтийла дацара. И охьа а виллина, сецча, юха хьала цагIаттаваларна кхоьрура со…

Доьлху-уш, цхьана некъа тIе кхечира тхо. Кхин дIа хьун яцара… Цу некъал дехьа ялтин аре яра, хьакхаза дисинчу ялтин аре… Бай-й хьоькхучу мохо тулгIенаш йохура дешин басахьчу лекха кхиинчу мекхан, хIорда тIехь санна… Суна дагатесира вайн юрт… Эскаре вахале, буьйсана наб ца кхеташ, Терка йистехула дуьйлалой а лелий, бердашна гена йоццуш дIайолалучу ялтин арахь, дIа а тевжий, къамелаш деш Iийна хан, сахила доллалц, догий, оьгучу седарчашка а хьоьжуш… ХIинца суна уллохь Iуьллу Ахьмад а хуьлура тхоьца…

…Гонаха бIаьрг тухуш севцира тхо… Дукха хан ялале гIовгIа хезира… Иза тIеттIа чIагIлуш яра… Юха, бIаьрго ма-лоццу еха, танкийн колонна гучуелира… Иза инзаре боккхачу саьрмаках таръелира суна, эчиган саьрмаках – иза тIебогIура, сетта а сетташ, даг чу кхерам а туьйсуш…

– Сихо е! Довдий, некъал дехьа довла! – дийкира командиран аз.

Гехь Ахьмад а волуш, со а дIаведира, тIаьххьара ницкъ а гулбина. Мекхан арен юкъа дуьйлира тхо.

– Совца ма совца! Некъаца схьабогIуш, вайн лар гур ю немцошна. Ма-хуьллу некъанна гена довла деза!.. – дIа куьг а кховдийна, мохь туьйхира командиро.

Накъостий дIабахара, сой, Ахьмаддий а витна.

Ахьмад кхетамчохь вара, амма чIогIа гIелвеллера иза. ХIора дош а халла тоттура цо шена чуьра схьа…

– ДIагIуо, ХIарон… Хьо кIелхьаравала а мега…

…Тхойшиъ вижна Iуьллура, стигала а хьоьжуш… Малх богура, аьхкенан малх… Вайн цIахь санна бовха-м бацара иза, делахь а… Бамба санна, кIайн яйн мархаш яра, бIаьстенца ло дешаш басешкахь лайн кIайдаргаш санна, стигалахь кхозуш… Со ойланашка велира – хьал доьхна дара… Юьхьах а хьекхалуш, тIекхозабелла мекхан кан схьа а баькхкхина, шина куьйга юкъахь хьакхийра ас… ТIера схьаяьлла чич, «хIупп» аьлла дIа а яькхкхина, мекхан буьртигаш кхаьллира…

…Тхо лоьхуш совца а ца совцуш, немцоша ялтин аренах цIе теснера… Масех танк лаьттара, шайн еха биргIанаш тхуна тIе а ерзийна… Царна тIера охьа а биссина, немцой бара хьийзаш, цхьацца къамелаш а деш, бийла а буьйлуш… Мох уьш болчу агIор схьахьоькхуш бара, цо цара дуьйцу къамелаш схьакхачош санна хийтира суна… Юха, хетарехь, цхьа сацам а бина, танкаш чу а хевшина, дезачу боларца тхо долчу агIор схьахаьхкира цара уьш…

– ДIагIуо, дIа… – кхин вист а ца хуьлуш, шен дисинчу гIоррах со дIатеттира цо…

Со накъостий дIабаханчу агIор дIахьаьдира, цара йитинчу ларашкахула…

Малхо якъийна аре йогура… ЦIе сиха яьржира, мохо марсаяькхира иза… Хеталора, и цIе сайна тIаьхьауьдуш санна…

Ахьмаддий, сой хиллачохь сецира танк… Цу чуьра аралилхира герз а карахь салтий… Иккхинчу гранатан гIовгIа хезира… Юха танк меттахъхьайра, жимма хьалха а гIоьртина, саца а сецна, ша йолччохь хьийза юьйлира… Со дерригенах а кхийтира…

…Тхо иттех висира дийна… Юха а тIаме а хIиттира, чевнаш а хилира, денна а накъостех а дуьйлура…

Дагахьбаллам-мий… Дагахьбалламаш дуккха а бисна, амма Ахьмад оцу ялтин арахь витарх берг санна кхин бац… Ас церан гергарчаьрга а ца дийцина иза… Хьоьга а доьху ас, со дийна мел ву, ма дийцалахь цхьангга а… Суна ишта а ду хала… Амма, иза тIеман арахь вита а витна, со кIелхьара ваьллий цуьнан нахана хаахь, со царна хьалха юьхьIаьржа хир ву… Ткъа сан дан хIума ца хиллий тIехь волчу Далла а, цунна хьалха хIоьттинчу Ахьмадна а, кестта хIутту волчу суна а хаьа иза…

Хиллачун сурташ ойланехь луьстуш санна, дуьхьларчу пена тIе а хьоьжуш, кхин вист а ца хуьлуш, дикка хан яькхкхира цо. Со хIетахь ца кхийтира – суна иза дийца а дийцина, байбира-те цо шен даг тIера мохь, я кхин а сов базбира-те? Суна хIинца а ца хаьа иза…

…Тхойшиннан и къамел хиллачул тIаьхьа масех де даьлча цамгаро вожийра ХIарон… ТIамо дерина дегI а, дахаран галморзахаллаша этIийна дог а кхачийра…

2006 шо.

К нашим иллюстрациям

Лидия Довлеткиреева

Карандашом и ручкой о мире и себе

Ася Умарова родилась 3 ноября 1985 года в Калмыцкой АССР. С 1993 года живет в Чеченской Республике, в селе Пролетарское. За время военных кампаний за пределы республики не выезжала. В 2008 году окончила отделение журналистики ЧГУ. В 2009 году прошла постдипломный курс по специальности журналистика в Кавказском институте СМИ в Ереване (Армения). Статьи публиковались в России, Грузии, во Франции и Великобритании. Увлекается графикой. Картины выставлялись в России, Америке, Италии, Германии, Бельгии, Польше и Грузии.

Впервые молодая художница из Грозного Ася Умарова заявила о себе в Германии, где ее тогда еще детские рисунки были представлены в рамках выставки «Дети Чечни за мир». С тех пор прошло более десяти лет, девушка пробовала себя в разных направлениях живописи и остановилась на сюрреализме. Хотя стиль ее искусствоведы определяют по-разному – графический импрессионизм или романтизм. За это время ее картины побывали в ряде европейских стран, а персональные выставки художницы состоялись в Тбилиси (две) и в Грозном (одна). Работы в основном черно-белого цвета и выполнены простым карандашом и углем.

«*Автопортрет*».

Ася Умарова хорошо знакома с творчеством нашего художника Вахита Заураева. Он сюрреалист. Однажды Вахит попросил ее показать свои картины. Она принесла. И каково было удивление начинающей художницы, когда он их похвалил. Он подсказывал Асе, что стоит делать, а какие ошибки надо исправлять. Благодаря Заураеву, у девушки появилась возможность впервые участвовать в выставке с профессиональными художниками во время юбилея Национального музея Чеченской Республики в декабре 2009 года. А азам изобразительного искусства ее обучала известная в Чеченской Республике художница Фатима Даудова.

Рисовать углем Ася в первый раз попробовала во время войны. Закончились краски, гуашь, акварель, карандаши, пересохли фломастеры. И когда она выкидывала просроченные таблетки из домашней аптечки, то обнаружила много активированного угля. Им и был сделан рисунок. «Уголь – очень капризный материал, но с ним хорошо получаются пейзажи и портреты. Он придает картине бархатистость. Будто бы роспись по шелку. Чувствуется настроение, дыхание жизни, переменчивость погоды», – считает художница.

А когда наступил мир, появились гуашь, фломастеры, акварель, – и работы стали яркими и разноцветными. В то время она увлеклась техникой Ван Гога. В 8-м классе даже сделала несколько копий его картин. Но нельзя понимать творчество буквально. «Многие думают, что нарисованный мной полуразрушенный дом означает войну, но на самом деле это отражение моего внутреннего мира. И если он разбит, то, значит, у человека душевная рана...»

– делится Ася секретами своей мастерской. Часто на создание картин наталкивает та или иная мелодия, возникшие чувства и переживания рождают некий ассоциативный ряд, который просится на холст. А иногда всего лишь бытовая проблема способствует тому, что карандаш в руках начинает «говорить». Понятно, что, как и многие творческие личности, она не любит объяснять смысл своих картин. Зачем? Каждый откроет в них что-то особенное для себя, возможно никак не соотносящееся с авторской идеей.

«*Портрет поэтессы*».

Ася относится к тому типу творцов, о которых принято говорить: талантливый человек талантлив во всем. Какое-то время она очень успешно выступала как профессиональный журналист, в том числе на страницах газеты «Чеченское общество». Играла в молодежном театре. Она неравнодушна к чтению, а самый любимый автор – загадочный Франц Кафка. В детстве девочка писала дневники, как, впрочем, многие в этом возрасте, но позже уничтожила «островки» своих откровений. После войны опять взялась за перо. Литературный дебют состоялся в журнале «Нана» (Грозный). Живя недолго в Грузии, Ася с удовольствием посещала литературное объединение молодых писателей «Молот». А 13 июня 2011 г. стала дипломантом Первого конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии. Конкурсное произведение вошло в сборник «Новые сны о Грузии». Ее проза выходит в престижных литературных журналах – «Дружбе народов», «Звезде», «Юности». Что же рисует Ася словом? В своей повести «Остывшие гильзы» и рассказе «Спокойной ночи, Марисабель» она пытается осмыслить прошедшие на нашей родине войны, тонко проникая в психологию подростка, глазами которого перед читателями предстают трагические события новейшей чеченской истории. Но, как и в живописи, Ася и здесь пробует себя в разных направлениях. У нее есть не только реалистические, во многом автобиографичные произведения, но и рассказы, и даже повесть с элементами фантастики, мистики.

«*Когда над тобой смеются*».

В этом номере журнала «Вайнах» мы представляем вниманию наших читателей «двойную оптику» Аси Умаровой – рассказ «Спокойной ночи, Марисабель», иллюстрациями к ряду материалов служат ее работы «Автопортрет», «Портрет поэтессы», «Потеря защиты», «Когда над тобой смеются», «Там, где хорошо», «Солнце из мусора», «Успокоение», «Мир без книг», «Права человека», «Продолжай верить», «Потерянное детство», а на обложке журнала представлены картины: 1. «Любовь», 2. «Нет мечты», 3. «Война», 4. «Тот, кто смог».

Дебют

Ася Умарова

Спокойной ночи, Марисабель

Рассказ

Тамерлану было семь лет, когда началась война. Как и все мальчишки в его возрасте, он мечтал поехать в Бразилию, чтобы сфотографироваться с известными футболистами. Тамерлан хотел несколько лет пожить в жаркой стране, а потом на обратном пути совершить хадж в Мекку. Старшая сестра умоляла взять ее с собой, но он был непреклонен. «Понимаешь, это очень серьезная поездка. И ты там будешь лишней», – серьезно отвечал Тамерлан, почти как взрослый. А до семи лет он занимался тем, что изрисовывал все обои в комнатах. Он рисовал войну. Танки, солдат в касках, оружие, взрывы, кровь и патроны. «Пусть бы он только рисовал. Но он всегда озвучивает каждый взрыв», – возмущалась мама.

Когда началась война, у Тамерлана закончились краски. Если сначала он еще как-то пытался выйти из трудного положения, смешивая цвета, например, зеленый он получал путем смешивания синего и желтого, оранжевый – красного и желтого, а коричневый – зеленого и красного, то потом и их не осталось. Закончились карандаши, фломастеры пересохли, и тройной одеколон, который он доливал в стержень, не давал уже цвета. Закончились цветные мелки. Наконец, и бумаги не осталось. Для Тамерлана это было катастрофой, он был в отчаянии.

– Тамерлан, магазины закрылись, все, понимаешь? Сейчас война и людям не до этого!

– Но я хочу рисовать, мама. Может, у этих продавцов завалялись краски дома, а мы просто не знаем? Может, продавцы скажут, на каком складе они покупали краски, и мы поедем туда? – настаивал он.

– Как ты не можешь понять? Сейчас война. Людям не до твоих рисунков. У людей горе. Твои рисунки их не накормят и не спасут! Забудь! Ясно?!

Но Тамерлан не собирался сдаваться. Он нашел остатки обоев в сарае, пустые коробки из-под конфет в кладовке. Так появилась бумага. Он рисовал ручкой, потом простым карандашом и, когда всего этого не стало, начал рисовать углем. Рисовал при свете керосиновой лампы, которую не могли долго жечь. Нужно было экономить. Керосиновую лампу зажигали строго на два часа. А свечи были редкостью. И быстро заканчивались. Исключением были свечи из гуманитарной помощи «Красного Креста», которые могли гореть до десяти дней. На одного человека давали девять таких свечей. Но такую гуманитарку дали только один раз. Наверное, «Красный Крест» решил, что все люди разъехались и никого не осталось в городе.

Однажды ребята ему рассказали, что они побывали на полуразрушенном заводе «Электроприбор» и там было очень много цветных мелков, бумаги и ручек. Тамерлан, не сказав маме ни слова, пошел на этот завод. Огромный пятиэтажный завод. Все стекла выбиты. Верхние этажи снесены разорвавшимися бомбами.

– На заднем дворе – склад, там есть бумага, ручки и цветные мелки. Побыстрее, а то я слышал, что сюда любят ходить снайперы, – закричал кто-то из мальчишек и принялся откручивать какие-то детали от заводских машин. Осторожно протиснувшись в приоткрытые ворота склада, Тамерлан стал быстро заполнять свою авоську. Вдруг сверху на его голову падает камешек. Кажется, его сердце на мгновение перестало биться.

– Кто здесь?! – раздался мужской голос.

Тамерлан осторожно поднял голову и увидел мужчину в камуфляжной форме, зависшего в окне пятого этажа со снайперской винтовкой.

– Что ты тут делаешь? А ну марш домой, пока я твоим родителям не рассказал.

– А я знаю, кто вы. Вы снайпер. Вы хотите убить человека? – спокойно ответил Тамерлан, ему показалось, что он в этот момент очень похож на Мерфи из фильма «Робокоп». Он почувствовал, что он настоящий герой, но его счастье длилось не долго.

– Не шуми, – сказал мужик вполголоса. – Забирай быстро этих ребят и уходите отсюда.

Ребята долго бежали по полю, стараясь не оглядываться. Дома Тамерлану здорово влетело, но он был счастлив. Теперь он мог рисовать!

Запись в личном дневнике Тамерлана: «Привет, Марисабель! Все мои рисунки черно-белые. Только несколько рисунков цветных. Я так хочу рисовать цветные картины, но у меня нет красок, фломастеров, карандашей. Вокруг и так все серо, еще и мои рисунки точно такие же. Как ты думаешь, Марисабель, у меня будут когда-нибудь цветные картины? Помнишь, я тебе рассказывал про мой калейдоскоп? Правда, жалко, что он сломался? Я так бежал в подвал, что не заметил, как калейдоскоп выпал из кармана. На него, оказывается, наступили те, кто бежал позади меня. У нас нет электричества, поэтому нет телевизора. Когда не нужно ходить за дровами и не так сильно бомбят, я любил подниматься на нашу крышу и смотреть через калейдоскоп на небо днем. Знаешь, так красиво было. Марисабель, как ты думаешь, когда у меня появится новый калейдоскоп?»

***

Во время войны некоторые люди стали страдать психическими расстройствами. И это было очень страшно, когда вполне здоровый человек вдруг становился ненормальным. Их преследовали фобии. Боязнь не только перед военными, но и страх перед обычными людьми, шорохом, шумом. Так произошло и с тетей Тамерлана. Она была высокой, красивой, с длинными каштановыми волосами. Любила носить сумку из крокодиловой кожи, а еще фиолетового цвета блестящее облегающее платье. Она хотела сфотографироваться в этом платье в центре Грозного. На память. Но все время почему-то откладывала. И теперь это стало ее навязчивой идеей. Она все время порывалась идти в центр Грозного, чтобы сфотографироваться. А это было невозможно, ведь кругом шли боевые действия. Никто не мог ее понять. Потом умерла ее мама от сердечного приступа. Конечно же, это тоже повлияло на ее состояние. Ей вдруг стало казаться, что все хотят ее отравить, убить. Что ее все не любят и ненавидят. Не раз Тамерлан заходил к ней с горячей едой от мамы, но она кричала на него:

– Пошел вон отсюда! Я знаю, что вы все хотите меня отравить. Я не притронусь к еде. Отстаньте от меня все!

Любимой едой тети были манты. Но денег в семье Тамерлана на мясной фарш не было. Отец полмесяца развозил тюки сена по домам. За это давали небольшие деньги. Они накопили необходимую сумму и купили фарш. Мама раздобыла картошку, морковь, лук и томат для приправы. Наконец они приготовили манты. Родственница видеть не могла отца и мать Тамерлана, она обзывала их сумасшедшими. Поэтому они старались не попадаться ей на глаза, чтобы не раздражать ее. Это было очень унизительно, но они понимали, что тетя больна, им было жаль ее. Мама с папой передали заветную тарелку с мантами, и Тамерлан пошел к ней. У тети выпирали кости на ключицах, скулы, костлявые руки, потому что не ела. К тому же она была лысой: ей обрили голову. Она была больна. Но лечить себя не давала. В комнате пахло лекарствами.

– Я... я принес твои любимые манты... – осторожно начал Тамерлан.

– Твоя мама приготовила, я же знаю. Не буду есть, вы все хотите отравить меня.

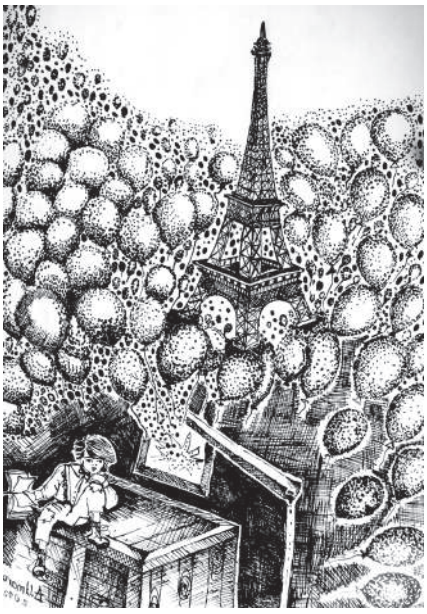
– Это я приготовил, – соврал Тамерлан и неожиданно для себя заплакал, в то же время стараясь придерживать тарелку с мантами, чтобы не уронить.

– Я сказала, чтобы ты унес все. Он приготовил... не приготовил ты. Врешь, как и твои родители!

– Поешь, пожалуйста. Ты же любишь их. И папа с мамой тебя любят.

– Иди отсюда! Вы специально подсыпали яду, зная, что я люблю манты. Какие вы все жестокие! Ничего, скоро закончится война. И я обязательно сфотографируюсь у «Чеховки». Я не больна, слышите? Не больна! Просто я похудела, а вы... вы меня все ненавидите и хотите убить!

Тамерлан со всех ног бежал к своему дому. Он долго плакал и не мог прийти в себя, потому что понимал: тетя скоро умрет. Он видел, как переживал отец. Тамерлан старался вспоминать только хорошее о тете. Особенно он любил вспоминать, как они ездили в Ставрополь к дяде. Автобус долго не подъезжал к их остановке. Было пять утра. Все спали. А они стояли у дороги, и ему было очень холодно. Тетя смеялась, и они оба закутались в ее большой свитер. И почему-то Тамерлан тоже смеялся как ненормальный. Они старались друг друга пересмеять. Он вспоминал это даже тогда, когда привезли ее мертвое тело в их дом.



«*Продолжай верить*».

«Привет, Марисабель! Я долго тебе не писал. Ты, наверное, сама поняла. Да... тетя умерла. Знаешь, я боюсь теперь ночью проходить возле дома, где она жила. Она мне снится по ночам. В основном это страшные сны. Как ты думаешь, Марисабель, если бы не было войны, она бы осталась жива? Мне ее так не хватает. Спокойной ночи, Марисабель».

***

20 сентября. В семье составляют заветный список школьных вещей, которые необходимо купить для Тамерлана. Дело в том, что Тамерлан почти целый месяц не ходил на занятия, у него вообще не осталось вещей, в которых он бы мог ходить в школу. У него были две пары брюк. Джинсовые он носил четыре года, они стали ветхими от частой стирки и сейчас больше походили на шорты, чем на брюки. А молнию невозможно было затянуть, так как джинсы стали маловаты. Были еще летние брюки, которые также превратились в шорты. Спортивная обувь уже несколько раз рвалась, и ее невозможно было починить. К тому же осень на дворе. Нужна сразу зимняя обувь, потому что осенняя – уже большая роскошь. Последний раз ему купили зимние сапожки на деньги, собранные от продажи сыра два года назад. Мама четыре месяца продавала сыр, чтобы собрать заветную сумму на зимние сапоги. Товар привозили из Ингушетии. Не было и школьного ранца. Тамерлан сам связал себе сумку из шерстяных ниток и два года носил ее, несмотря на то, что над ним глумилась вся школа. Шерстяные нитки были разных цветов.

Родители Тамерлана работали учителями. Они принимали участие в разных митингах и акциях протеста и публично требовали отдать заслуженную заработную плату. Но вместо зарплаты они получали выговоры от начальства

за активную жизненную позицию. Однажды мама Тамерлана дала интервью корреспонденту НТВ и ее показали по местному телевидению. Мама заявила: «При рабовладельческом строе рабам давали хоть похлебку один раз в день. А мы даже этого не имеем!» Тамерлан тогда не понимал, что вообще имела в виду мама. Но он был горд тем, что ее показали по телевидению и его мама теперь известна.

На семейном совете было решено продать бычка, не будет же сын учителей ходить в школу, как босяк. И вот заветная сумма на руках! В буржуйке приятно потрескивают дрова.

– Мама, а ты купишь мне гуашь? А ватман купишь?

– Я же сказала – только самое необходимое, – строго ответила мама.– Нужно сделать запас продуктов, неизвестно, как еще все обернется.

– Мама, ну если останутся деньги, ты же купишь?

– Мы купим тебе две пары теплых брюк, – мама сделала вид, что ничего не расслышала. – Обязательно водолазку, свитер, куртку, зимнюю обувь, осень уже заканчивается. Шапку...

– «Найк», мама, как у Хасана. «Найк», хорошо?

– Ты дашь мне договорить? Так... Книги, тетради, ручки...

Тамерлан долго не мог заснуть. Он уже представлял, как идет в школу в новой одежде со всеми книгами и школьными принадлежностями. Как давно он ждал этого момента! Но на следующий день случилось страшное: на рынок запустили ракеты «земля–воздух». Погибло много людей. В городе началась паника. Родители не могли прийти в себя, особенно мама: «Как это допустили? Это же базар, там не было никаких боевиков! Там были только мирные граждане, это невозможно понять! За что нам такое?» Папа угрюмо молчал.

– Ну почему? Почему именно сегодня? – эгоистично возмущался Тамерлан.

– Как тебе не стыдно! – закричала мама. – Там погибли дети, чьи-то родители. Если бы мы поехали туда с утра, нас тоже не было бы в живых. А ты думаешь только о себе!

– А в чем я буду в школу ходить?

– Не будет школы. Наверное, скоро опять будет война.

Но Тамерлан не хотел ничего слушать. Он думал только о том, что ему не купили обновок. Родители обещали повезти на рынок и обманули. Вот что было главным.

– Это вы, взрослые, во всем виноваты! Это вы начинаете войну. Вы убиваете людей, вам всегда хочется убивать друг друга... – с этими словами он стал рвать фотографии известных актеров, срывая их со стены в своей комнате. Брюс Ли, Арнольд Шварценеггер, Сильвестр Сталлоне, Ван Дамм и другие лежали на полу. Тамерлан плакал, как маленькое дитя, у которого отняли любимую игрушку.

23 сентября школу закрыли. Это был ужасный день. Прямо во время уроков налетели самолеты и стали бомбить. Директор школы и учителя выводили детей из школы и отправляли домой. К школе уже бежали некоторые родители, со слезами хватали детей и бежали обратно.

«*Солнце из мусора*».

«Привет, Марисабель! Мне не купят новых вещей. Только, пожалуйста, не спрашивай почему... Скоро начнется еще одна война. Знаешь, после первой войны я только один раз успел побывать в городском парке и поесть мороженого с родителями. А из нашего класса дети каждый месяц туда ходили. Марисабель, я так устал от всего этого. Я так давно не кушал шоколада и не жевал жевательной резинки. Большинство моих друзей уже уехали беженцами в соседние республики, но папа с мамой решили не уезжать никуда. «У нас нет денег, а попрошайничать я не собираюсь», – заявил отец. А я бы хотел уехать, мне страшно здесь оставаться, но я не могу это сказать, боюсь, что меня назовут трусом. Спокойной ночи, Марисабель!»

***

1994 год. 28 ноября. Тамерлан идет к другу Алеше. Дело в том, что его мама и бабушка не пришли посмотреть сериал «Просто Мария», как бывало обычно. Перед началом фильма мама жарила на сковородке семечки, а тетя срывала виноград. И они, уютно устроившись под навесом, внимательно смотрели, чем же закончится очередная серия. И вот Алеша не пришел вечером, чтобы покататься на велосипеде. Тамерлан боялся, что он тоже может уехать в любое время, тогда не остается никого, кто будет с ним играть. Но слова, сказанные Алешиной мамой, привели его в полное отчаяние.

– Алеша собирает вещи в своей комнате. Мы завтра с утра уезжаем. Военные действия приближаются.

Нет, в это невозможно поверить. В комнате Алеши повсюду валяются вещи. Он быстро собирает чемодан, запихивая туда нужное и ненужное.

– Алеша, почему ты не пришел покататься на велосипеде?

– Потому что мама не разрешила. Мы уезжаем. Можешь оставить велосипед себе. Я не смогу его увезти.

Тамерлан молчит.

– А ты когда уедешь? – спросил Алеша.

– Мы не уедем. Нам не к кому ехать. А ты к кому едешь?

– У меня отец там живет. Мы продали наш дом вчера. Теперь здесь будет жить другая семья.

– А разве... – но Тамерлан ничего не сказал, хотя ему очень хотелось спросить, почему до сих пор ему не приходилось видеть его отца. – Нет, ничего. Приезжай, когда закончится война, обещаешь?

– Ну, мы не знаем, когда закончится война. Может, она вообще не закончится. Все зависит от обстоятельств. Так мама сказала.

Тамерлан медленно шел по улице к своему дому. Рядом скрипел теперь уже его велик. Нужно смазать маслом. А вообще, зачем ему велик, если нет Алеши? Ведь у них столько много общего было! Игр, споров, наклеек, копилок, коллекций марок, гуляний допоздна, тайн... А сейчас? Всего этого не стало. И вряд ли Алеша приедет, ведь его мама сказала, что война не скоро закончится. Почему так происходит в его жизни? Ведь это несправедливо! У него не было близких друзей, кроме Алешки. И вот война отнимает и его. Через два дня уехали две русские учительницы, которые жили на их улице. Постепенно село пустело, становилось тоскливо и страшно от мыслей о будущем. А что будет с ними, когда придут федералы? Странно, но чеченских боевиков Тамерлан еще не видел. «Кто они? И зачем нужна эта война? Кому?» – он так и не мог найти ответы на свои вопросы.

«Марисабель... Когда уехал Алеша, мне казалось, что я больше не смогу жить. Мы были такими близкими друзьями. Когда я проходил мимо их двора, то вспоминал, как мы играли, спорили, секретничали. Марисабель, прошло уже шесть лет, как уехал Алеша. И я точно знаю, что он не вернется. Ведь они продали свой дом. Марисабель, спасибо за то, что ты есть. Ведь я сейчас

стал намного старше и мне нельзя жаловаться. Но у меня есть ты, с которой я могу поговорить по душам, и никто не сможет мне сказать, что я жалуюсь, как девочка. Пожалуйста, береги себя».

***

Тамерлан всегда мечтал совершить подвиг, чтобы о нем узнали все и чтобы мальчишки восхищались им. Например, Султан проник в окоп к федералам и принес оттуда военный ранец. Он гордо ходил с этим ранцем, и мальчишки говорили, что он самый смелый. Еще они слышали массу историй про чеченских боевиков. Например, иностранные журналисты за 1500 долларов попросили одного из них сделать двойное сальто, закинуть лимонку в танк и сделать двойное сальто обратно. И танк взрывается. Знаете для чего? Ни за что не догадаетесь! Чтобы сделать хорошие кадры. Ради красивых кадров они были готовы на все. Они видели, как военный это сделал. Но в этот момент не успели заснять. Еще они любили снимать, как рушатся многоэтажные здания. Они говорили: «Вау!» Говорили «Вау!» тем многоэтажным зданиям, где раньше жили люди. А может, в этом здании еще оставались люди? Может быть, военные оставались... неважно, с чеченской стороны или с российской. Может, там осталась чья-то любимая книга, мячик, кукла или запасы продуктов. Может быть, люди сидели за столом и обедали, а может, кто-то писал великую повесть или роман, кто-то собирал картины на выставку... Но сейчас это все не так важно. Это просто «ВАУ!». Еще все обсуждали, как один оператор после бомбежки снимал плачущего мальчика около трупов и раненых. Увидев журналиста, мальчик с криком побежал к нему:

– Дяденька, помогите! Дяденька, подождите.

А тот как будто ничего не слышал. Он включил камеру и снимал, снимал...

Тамерлану пришла в голову идея: посередине дороги, где проезжала колонна танков с российскими федералами с Терского хребта, слепить снеговика. Его поддержали ребята с улицы, они дружно слепили большого снеговика, даже приделали груди. Едва закончили, как показалась колонна, детвора еле успела спрятаться за забором. Колонна подъехала к снеговику и остановилась.

– Сань, а ну иди, проверь, что за... что за чучело впереди стоит! – закричал один.

– А если это взорвется?

– Отставить. Проверил, быстро!

– Снеговик это.

– Сань, глянь... да снеговик-то у нас грудастый, – и все стали громко смеяться.

Солдат несколько раз осторожно дулом автомата ткнул снеговика, тот развалился. В этот момент дети побежали от забора с криками: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Военные направили дула автоматов в их сторону. Но, слава Аллаху, стрелять не стали.

По снеговику проехала длинная колонна танков, и его не стало.

Об этой истории узнали родители, и, конечно же, всем крепко влетело, особенно Тамерлану как зачинщику.

У двоюродных братьев Тамерлана сохранилась видеозапись, как они в 1997 году играли в снежки во дворе их дома. Они попросили отца включить мотор, так как электричества не было. Для детей это был большой праздник. На записи они такие счастливые и беззаботные! Как по мановению волшебной палочки, исчезла война, и они превратились в настоящих детей: кидали друг в друга снежки, лепили снеговика, прорыли туннели через высокие сугробы, катались по льду. Громко кричали, смеялись, что было в последнее время им несвойственно. Несколько раз выходила тетя и говорила, что не нужно так громко смеяться. У людей горе: у кого-то родные погибли, у кого-то пропали. Не принято было в то

тревожное время демонстрировать свое хорошее настроение, одеваться в яркую или блестящую одежду. Не принято было краситься девушкам или праздновать дни рождения. Конечно, все это присутствовало, но общественность осуждала таких людей, их считали безнравственными.

«Как ты, Марисабель? Я все время рассказываю о себе. И ни разу не поинтересовался, как ты? Давай отвлечемся от войны и полетим высоко в небо, к звездам. Знаешь, я тебе никогда не говорил, но я умею летать. Не веришь? Но это правда. Мы полетим с тобой в Бразилию. Мне не потребуется виза, билет на самолет, бронь в гостинице, потому что я волшебник. А сейчас я пишу тебе из самого Рио-де-Жанейро. Правда. Сегодня я сфотографировался со всеми футболистами. Они даже позвали с собой пообедать... Не веришь? И правильно делаешь, но помечтать-то я могу? Спокойной ночи, Марисабель».

***

Две бабушки Тамерлана в 1944 году были депортированы вместе с другими чеченцами и ингушами в Казахстан. После возвращения из ссылки они мечтали побывать в родовом селении, откуда их депортировали. Обе рассказывали очень много историй об этом высокогорном селе в Шаройском районе, где прошло их детство. Бабушке Хаде было всего двадцать лет тогда. Она была замужем, и брат ее мужа воевал на фронте. Воевал за Советский Союз. В селе было много мужчин, воевавших на фронтах Великой Отечественной. Но после победы над Германией их как врагов народа отправили в ссылку, вслед за своими земляками. Десятки лет они искали своих родственников, некоторых не застали в живых.

Селение, где жила бабушка Хада, называлось Райна. Это место и вправду было похоже на рай. Она рассказывала, как ходили собирать ягоды, ловить рыбу, учились в школе. Хотя школа находилась далеко, в нескольких километрах от их дома. Дети обязаны были посещать школу, иначе с семьи взимался денежный штраф.

Бабушка Хада умоляла отца Тамерлана повезти ее в это селение. Она тяжело заболела и считала, что, если вернется в свое родовое село, где прошла ее юность, то обязательно поправится. Ее ноги были отекшие, и она не могла долго ходить. Одышка, больное сердце и повышенная восприимчивость ко всему, что происходит вокруг. Отец Тамерлана решил осуществить мечту матери чего бы ему это ни стоило. Сначала он сам поехал туда. Затем повез строителей и ближайших родственников. Они быстро сколотили небольшую хижину. Здоровье бабушки ухудшалось. Вместо кровати соорудили деревянные нары, а полки сделали из досок. И вот в 1994 году, спустя ровно пятьдесят лет, бабушка побывала в родном селении. От села Шарой до заветного места не было дороги, была только пешеходная тропа, и ей пришлось идти пешком. Отец Тамерлана иногда нес ее на спине, так как она не могла идти. В селе Райна бабушка только и делала что плакала. Она обходила руины стен, где раньше располагался их дом, трогала камни. Показывала место, где их собрали. Это был страшный день: горели дома, кричали дети, мычал скот, выли собаки. Люди не знали русского языка и не понимали, чего от них хотят военные. К сожалению, бабушке не помог родной воздух, через неделю ее пришлось привезти обратно домой, в Грозный. Через четыре месяца у бабушки остановилось сердце.

Другая бабушка Тамерлана, Селимат, жива. Ей сейчас восемьдесят семь лет. Она ослепла. Передвигаться ей очень трудно. Отец Селимат был председателем колхоза села Кесалой, куда входило и Райна. Селимат была на два года старше Хады. Она тоже не может без слез вспоминать то время, когда разлучали родителей и детей, жен и мужей. Потом, в Казахстане, они многие годы искали друг друга. До места выселения они ехали в вагонах восемнадцать дней. По

дороге люди умирали – кто от голода, кто от холода. Некоторые старики отдавали свою еду детям, считая, что они и так пожили, пусть хоть дети останутся в живых. Умерших выкидывали на остановках, поэтому несколько дней люди в вагоне скрывали от военных, что у них есть мертвые. Нужду приходилось справлять в этом же вагоне, просверлив дырку в полу. Так и ехали: деревянный вагон для скота, весь в щелях, а за вагоном – лютая зима. И примерно человек сорок женщин, мужчин, детей, стариков. Не каждый из них подходил к этой дырке, чтобы справить нужду, поэтому многие девушки и женщины умирали от того, что лопались мочевые пузыри.

И еще в этих вагонах рождались дети, было много беременных женщин. На местах поселения их встретили враждебно. Бабушка Селимат рассказала, почему так произошло. Оказывается, местным казахам сказали, что везут предателей родины, что это дикари, почти людоеды, и поэтому с ними нельзя общаться. Переселенцы были грязные, голодные и больные. Не было сменной одежды, средств гигиены, чтобы помыться, еды на первое время. Их расселили по сараям и баракам. «В первое время было очень трудно, – рассказывала бабушка. – Мы голодали. Приходилось и воровать, чтобы выжить. Но потом, когда казахи увидели, что мы мусульмане, как и они, что и молимся одинаково, отношение к нам изменилось». Вскоре им дали по корове на семью.

«*Успокоение*».

О том, что ее отец жив, она узнала три года спустя. Вот как рассказывала об этом бабушка Тамерлану: «Меня не оставляла мысль о родителях. Ведь после того, как нас посадили в эти ужасные вагоны, я их больше не видела. И вот через три года моей жизни в Казахстане узнаю, что мои родители находятся в двухстах пятидесяти километрах от нашего села Каспан, совхоз «Ленинский», где нас разместили. Мне передали записку. После того как немного устроились на чужбине, мы начали передавать записки друг другу, чтобы все знали, кто и где находится. Я не находила себе места от счастья. Но просто так поехать туда я не могла, нам не дозволяли выходить из села без разрешения коменданта. Я стала упрашивать начальство разрешить мне поехать туда, но они смотрели на меня, как на ненормальную. Ответ был один: «Поездки к родственникам запрещены!» Я не знала, что делать. Начала ходить во дворы к казахам и просить любую работу. Было все равно, что за работу они мне предоставят, главное – накопить денег, чтобы увидеть папу и маму. Так прошел год. Денег было достаточно, и начальство к тому времени более или менее смягчилось. Было страшно ехать одной, но желание увидеть родителей – сильнее. Невозможно описать то, что я испытала, увидев родителей. Мы пробыли вместе одну неделю, надо было возвращаться. Их комендант оказался добрее нашего и разрешил моему отцу проводить меня до нашего селения. Ехали в санях, это была самая счастливая поездка в моей жизни. Дорога была долгой, было очень холодно, морозно, но я этого не замечала. Главное – мы встретились, родители и братья – все живы, чего еще мне нужно? После этого мы виделись чаще, но всегда об этом нужно было уведомлять начальство, то есть коменданта». Тамерлан все записывает: это домашнее задание, которое дали в школе. Тема сочинения: «Депортация в рассказах очевидцев».

«Марисабель, мне так стыдно. Нас в школе попросили написать сочинение на тему выселения чеченцев по воспоминаниям наших бабушек и дедушек. Я не знал всего этого. Им столько всего пришлось пережить! Почему они никогда не рассказывали про выселение? Это ведь так тяжело все в себе держать. Когда бабушка рассказывала, то слезы так и лились у нее из глаз. Интересно, когда я стану таким старым, я тоже никогда не буду говорить о том, что пережил? Останусь ли я таким добрым, как они?

Спокойной ночи, Марисабель!»

***

Тамерлан с детства страдал бронхиальной астмой. У него была аллергия на фрукты и овощи красного цвета, на пыль, на мучные изделия, на перо и пух птицы, на шерсть. Его спасал только специальный лекарственный аэрозоль. Тамерлан назвал ее «пшикалкой». После применения лекарственной «пшикалки» приступы одышки проходили. Родители пытались вылечить Тамерлана. Водили по больницам. Но врачи говорили, что они бессильны, что болезнь может пройти с возрастом. Советовали два раза в год ездить на море.

– Он задыхается, аэрозоль закончился, – в доме паника. Тамерлан мечется на полу, громко дышит. Все его тело стало красным, а футболка – мокрой от пота.

– Тамерлан, пожалуйста, все будет хорошо! – плачет над ним мама. Отец пытается взять его на руки, но Тамерлан не отпускает мать.

– Мама, помоги мне! – хрипит он, вены на его шее вздулись. Казалось, еще чуть-чуть – и он задохнется. Сестра плачет, она знает, что аптеки не работают и купить лекарство невозможно.

«*Век без книг*».

Вдруг мама резко вскакивает: «Лед! Быстрее принесите лед!». Отец бежит во двор и приносит сосульку. Мама крошит ее на мелкие кусочки: «Глотай, глотай быстрее!» Этот рецепт из народной медицины спас Тамерлана. Он потихоньку пришел в себя. Мама знала еще много способов лечения. Когда все бежали в подвал, она с сыном оставалась дома, потому что ему нельзя было долго находиться в сырости. Они укрывались пледом и просто лежали на полу в доме, крепко обнявшись, пока не пройдет обстрел или бомбежка. И мама при этом пыталась рассказывать что-нибудь смешное, чтобы отвлечь его от взрывов.

«Марисабель, ты здесь? Вчера мне было очень плохо, закончилась «пшикалка». Я держусь, как могу. Но мне трудно, очень трудно. Мне страшно, я не хочу умереть от приступа удушья. Хоть бы скорей закончилась война и заработали больницы».

***

Тамерлан перечитал все детские книги из домашней библиотеки. Ему очень хотелось читать еще. Тогда он вспомнил о сельской библиотеке. Ведь там было полно книг! Он подождал, пока мама пойдет за водой к соседям, и побежал туда.

Дверь библиотеки была раскрыта настежь и висела на одной петле. Повсюду валялись книги. Стены в следах от пуль. Стеллажи лежали на полу. Стекла окон были выбиты. Осколки валялись повсюду. Ему было страшно заходить, потому что он был наслышан, что иногда заброшенные здания минируют. Но желание читать было сильнее, и Тамерлан осторожно ступил на порог библиотеки. Он поставил на место маленькую вазочку и подошел к шкафу, где лежали книжки для самых маленьких. Но как только он притронулся к книжкам, полка с грохотом упала. Тамерлан испугался и, схватив первую попавшуюся книжку, побежал домой.

Маме он ничего не рассказал об этом. Он просто поудобнее устроился в кресле и стал читать книжку. Он не знал еще, что это были реальные записи на самом деле существовавшей девочки. Это был «Дневник Анны Франк». Девочка описывала все пережитое в убежище, где они с семьей скрывались от нацистов, потому что они были евреями. Они жили на чердаке, куда вход закрывала книжная полка. И семья Анны Франк не выходила никогда на улицу. В первой части дневника Анна описывает свое беззаботное детство, школьников, забавные происшествия. Потом уже чувствуется тревога, что скоро произойдет что-то плохое. Переезд в Голландию и жизнь в убежище. Многие фразы тронули Тамерлана. Одна из них: «Пока я могу видеть это – безоблачное небо и солнечный свет – я не смею грустить». И еще: «Если тебе грустно и одиноко, поднимись в хорошую погоду на мансарду и посмотри в окно: на дома, крыши, небо. Пока ты можешь спокойно смотреть на небо и пока душа у тебя чиста, счастье возможно».

После прочтения книжки Тамерлан стал интересоваться у родителей, что стало с этой девочкой, которая вела этот дневник. Оказывается, их семью предали и сдали военным и, как всех евреев, их отправили в концлагерь. Анна скончалась через год. А отец выжил, нашел дневник дочери и опубликовал его. Эта история настолько потрясла Тамерлана, что он тоже решил вести личный дневник. Только он свой дневник адресовал Марисабель, потому что ему очень нравилось это имя. Ему хотелось подражать Анне, и, так же как она, Тамерлан описывал настоящую жизнь. Дефицит продуктов, изношенная одежда, зачистки федералов, военные истории об их селе, про друзей, свои мысли.

– Папа, если со мной что-то случится... Пожалуйста, постарайся издать мой дневник, – серьезно сказал он однажды вечером изумленному отцу.

Перечитав пару страниц, отец строго посмотрел на сына.

– Неужели ты не понимаешь, что с нами будет, если твой дневник попадет в руки федералов?

– Ты хочешь, чтобы отца забрали, а наш дом сожгли? – вступила в разговор мама.– Сынок, это очень опасно, понимаешь? Нельзя это писать. Как ты не можешь понять.

– Но Анна Франк писала правду.

– Я же тебе рассказывал, что с ней произошло. Нельзя. Пиши лучше о том, каким красивым будет наш Грозный, когда закончится война. Пиши, что ты пошел в школу в новой одежде, с новым ранцем, с букетом пионов. Пиши...

– Но это неправда. Я хочу быть, как Анна.

«Привет, Марисабель. Я так счастлив, что ты есть у меня. Ты единственный человек после Алеши, которому я рассказываю все-все. Это так здорово иметь подругу. У тебя такое красивое имя. Пожалуйста, поддерживай меня всегда. Мне очень нужны дружба и поддержка».

***

Отец Тамерлана во время войны хоронил людей. Странно было видеть, как стал одеваться папа. Вместо обычного хорошо отутюженного костюма на нем теперь висели спортивные брюки, «олимпийка», а сверху – большая

дутая куртка. Вместо ботинок – развалившиеся спортивные кеды. Эта обувь досталась ему от чеченского боевика, папе, наверное, стало жаль военного, и он отдал ему свои новые зимние сапоги, свитер, куртку. А сам теперь ходил в этих обносках. После окончания боевых действий МЧС и «Красный Крест» очищали город от трупов, а папа и другие жители хоронили их на местном кладбище. Тамерлана туда не пускали, но он знал, что некоторые трупы привозят без рук или ног, или без головы, а некоторых обгрызли собаки. Они почти все без документов, папа их фотографирует или записывает особые приметы или одежду. Это нужно для родственников, которые будут их потом искать. Вместо необходимой надгробной каменной плиты-чурта они ставят дощечку с номером. После кладбища отец приходит уставший и хмурый, уходит в свою комнату и не разговаривает ни с кем. Мама просит детей не шуметь, а сама, выполняя работы по дому, молча плачет. Тамерлан понимал тогда, что его отцу тяжело видеть трупы, разорванные на части. Однажды он нарушил запрет отца и пришел на захоронение. То, что он увидел, повергло его в шок. С громким криком он побежал с кладбища, отец еле догнал его. Но успокоить Тамерлана было невозможно, у него началась истерика. «Увезите меня отсюда! Я тоже хочу в Ингушетию! Я не хочу видеть войну!» – кричал он.

И Тамерлан стал убегать из дома. Он ничем не объяснял свое поведение. Его находили в разных местах. Родители понимали, что ему и без их наказания тяжело.

– Ну почему, скажи? Ну почему ты убегаешь? Объясни нам наконец.

– Я не знаю, – только и мог выговорить Тамерлан.

– Может, мы тебя чем-то обидели? Скажи, что тебя не устраивает?

После долгого молчания Тамерлан поднял глаза на маму:

– Война меня не устраивает, война! Я хочу одеваться так, как я хочу. Хочу кушать фрукты, сладости, рыбу. Хочу заниматься спортом, рисовать, танцевать. Хочу гулять допоздна, играть. Я не хочу бояться военных, не хочу прятаться в подвалах. Мне надоело все, понимаете? Я устал от этой войны! – кричал он.

– Война скоро закончится, – только и смогли сказать родители.

– Когда она закончится? Скажите точное число, месяц, год!

– Мы должны быть сильными. Ты же мужчина!

– Я устал быть сильным, понимаете, устал! Лучше бы меня убили. Ну почему этот снаряд не попадет в меня, чтобы меня не стало? Почему пуля не попадает в меня? Почему гибнут люди, а я почему-то не умираю?

– Не говори так. Все в руках Аллаха! Что изменится, если ты будешь продолжать убегать из дома?

– Ничего! Ничего не изменится. Как и не изменится, если не стану убегать из дома. Я так устал от всего!

«Марисабель... Пожалуйста, забери меня отсюда. Сделай это тогда, когда я буду крепко спать. Я так устал. Война – это очень и очень плохо. Успокой мою душу и перенеси меня в царство добра и мира. Пусть там будет много разноцветных красок, как в моем старом калейдоскопе. Мне хочется насытиться разноцветной жизнью».

***

Что такое «зачистки»? Это когда военные проходят по дворам и ищут боевиков или оружие – это формальная версия. А неформальная – военные «зачищают» все, что плохо лежит у населения. Во время обысков случались курьезы. Так, во время одной зачистки всем мужчинам федералы задавали один и тот же вопрос:

– Воевал? За кого воевал?

Этот вопрос они задали Ахмеду, соседу Тамерлана, который был известен

тем, что никогда не врал. Тамерлан замер, услышав вопрос, который тому задали, ведь он не сможет соврать.

– Воевал? – спросил российский военный.

– Да, воевал, – спокойно ответил Ахмед.

– За кого воевал? За Дудаева или за Ельцина?

– Я воевал за Дудаева.

– Ну, тогда пошли с нами.

Сестра Ахмеда стала громко причитать.

– Пожалуйста, отпустите его. Вы знаете, он врет, он вообще на голову тронутый.

– Женщина, отойдите.

И его, как и других задержанных, повели на совхозный ток. Туда же сбежались плачущие женщины и дети.

Через два часа Ахмеда и остальных мужчин отпустили. Они шли избитые, но счастливые, что их отпустили. А могли расстрелять или увезти с собой. И только Ахмед не был побитым. Все с удивлением стали спрашивать, почему его не били. Оказывается, кто-то из военных, главный, попросил не бить Ахмеда, он сказал: «Хоть один в деревне смелый нашелся!»

Конечно, после такого случая всем захотелось стать такими же смелыми. Один парень во время обысков закрылся в своем доме, и российские военные кричали, чтобы он открыл дверь, иначе они закинут лимонку. На что парень закричал: «Хоть папа римский придет, не открою!» И военные закинули лимонку. Он остался жив, только лицо сильно пострадало: у него до сих пор шрамы.

Однажды военные пришли на очередную зачистку села. И так получилось, что они проверили только одну улицу, где жил Тамерлан. Дедушка его любил поболтать, неважно с кем. Он на костылях подошел к одному солдату и начал на ломаном русском:

– Пенсий нэт. Пособий нэт...

– Все есть, дедушка, все вам высылали. Это ваша власть оружие закупила на эти деньги.

После окончания обысков военные покинули село. На этот раз попались «хорошие» военные, они унесли с собой только видеокассеты и пять банок черешневого компота. Родители Тамерлана вздохнули с облегчением. Через полчаса к ним пришел дядя с другой улицы.

– Это правда, что военные на вашей улице провели обыски?

– Да, полчаса назад ушли.

– Странно.

– Почему?

– А почему они на нашу улицу не пришли? – разочарованно произнес дядя.

– Наверное, времени не было у них.

– И все-таки, почему они на нашу улицу не пришли? – еще больше погрустнел дядя. Он продолжал об этом говорить снова и снова. И в конце концов вывел из себя отца Тамерлана:

«*Права человека*».

– В следующий раз, если они вдруг придут ко мне, я их очень сильно попрошу, чтобы они навестили именно твой дом. Я скажу, что ты был сильно огорчен тем, что они не навестили тебя, ладно?

Все присутствующие дружно засмеялись.

После окончания первой войны улицы стали переименовывать в честь тех чеченских военных, которые погибли на войне. Появились новые праздники в

школах, где Тамерлан и другие дети посвящали свои стихотворения героям. В такие праздники обычно устраивались народные гулянья, жертвоприношения, накрывали столы и раздавали семьям погибших продукты. Начали переименовывать села.

«Привет, Марисабель! Знаешь, во время обысков военный громко закричал: «Есть в доме мужчины?» Мама ответила: «Вот мой муж и сын». Я впервые был рад, что я такой маленький и что ростом не вышел. Это так страшно, когда на тебя смотрит дуло автомата».

«*Потерянное детство*».

***

Их пригородный поселок располагался недалеко от лесополосы. И когда отключили газ, люди начали рубить деревья именно в этой лесополосе. И лесополоса исчезла бы, если бы в центральной мечети старейшины официально не сделали заявление – не вырубать деревья вблизи села. Они предложили вырубать старые сады, все равно их надо убирать после войны. Рядом с домом Тамерлана росла красивая акация, это было любимое дерево тети. И вдруг такая картина: Ислам, их сосед, выходит в тапочках и вальяжной походкой направляется к этому дереву. В одной руке топор, в другой – сигарета. Тамерлан быстро побежал к тете. Та как раз месила тесто.

– Что? Где он?! – крикнула она.

С ее рук падали кусочки теста, но она не замечала этого.

Когда Ислам увидел приближающуюся соседку, он стал быстро слезать с дерева.

– Как тебе не стыдно! Далеко идти, видите ли, ему лень! А ну, слезай быстрее оттуда!

– Да слезаю я, не кричи.

– Хочу – буду кричать, а хочу – не буду. У нас был уговор – не вырубать деревья? – Ислам чуть не упал с дерева. – Ну-ка, быстро надел тапочки и пошел отсюда! Только посмей мое любимое дерево срубить, лично со мной будешь иметь дело.

Все деревья в лесополосе были с метками. Люди срезали кусочки коры и на голой древесине писали буквы или какие-то знаки – это означало, что дерево нельзя трогать, оно уже занято. Вначале все смеялись над этим, но потом привыкли. Акация очень медленно горела, и все старались нарубить дрова именно из нее. А вот другие деревья горели очень быстро. Печку нужно было всегда контролировать, чтобы огонь не потух. Спички были дефицитом, их берегли и расходовали экономно. В доме быстро становилось холодно, когда затухала печка. Поэтому семья посменно дежурила около нее. В домах стены и все вещи были покрыты копотью. Приходилось постоянно все чистить.

«Привет, Марисабель. Как ты думаешь, если война будет длиться долго, то наша лесополоса закончится? И деревья исчезнут? Каждый день мы вырубаем деревья, чтобы было дома тепло и чтобы приготовить еду. А если не останется деревьев, то мы погибнем от холода и голода?

Спокойной ночи, Марисабель…»

Проза

Сулиман Мусаев

Седа

Рассказ

Под монотонный стук колес поезд «Нальчик-Москва», рассекая ночной мрак, мчится на север. Чечня осталась далеко позади. За окном тьма. В купе тускло горит лампочка. Двое молодых людей, едущих в Воронеж, – студенты вуза – давно взобрались на верхнюю полку и уже спят. Висхан сидит, подперев подбородок рукой, и смотрит в окно, хотя в этой темени ничего нельзя разобрать. Правда, его это и не очень интересует – просто ему сейчас не спится. Неожиданно он чувствует, что на него смотрят, и оборачивается. Девочка на нижней полке, что лежит, укрывшись одеялом, быстро закрывает глаза.

– Не спится, Седа? – мягко улыбается Висхан.

– Нет, не могу уснуть, – видя, что он не сердится, девочка, осмелев, садится, свесив ноги. – Я хочу пить!

Достав из сумки из-под стола бутылку «Фанты», он наполняет граненый стакан и протягивает его девочке.

Седе пять лет. С огромными синими глазами, рыжими волосами, полненькими щечками, Седа – очень красивый ребенок.

– Дада[1], а почему Мадина с нами не поехала?

– Ты же знаешь, она в школу ходит, у нее экзамены скоро.

Выпив воду, она вдруг спрашивает, подняв на него глаза:

– А мы к маме поедем?

– Что? – он на какое-то время теряется, потом, стараясь не выдать свое волнение, отвечает: – Конечно, и к маме заедем.

Поставив стакан на столик, Седа какое-то время смотрит в окно, потом, не оборачиваясь, спрашивает:

– Дада, а за что меня Баба[2] невзлюбила? Я ведь делала все, что ты мне говорил…

Он не нашелся, что ответить этому ангелочку…

В тысяча девятьсот девяносто пятом году, после начала в Чечне войны, он уехал к своей сестре, что жила в Орловской области. В девяносто девятом, когда вернулся, как ему тогда казалось навсегда, началась вторая война. Когда после очередных «зачисток» без вести пропал сосед, Висхан вернулся обратно, к сестре. Но работы не было, и он отправился по окрестным деревням. Однако безрезультатно…

Как-то к нему приехал один чеченец из соседней деревни.

– Я был в Пасынках – деревня есть такая, – сказал он после ужина. – Работка подвернулась – коровник надо отремонтировать.

На второй день они отправились в Пасынки.

…Висхан сидел в машине, любуясь проносящимися за окном видами. «Удивительный край! – думал он. – Летом не найдешь места краше Орловщины, а зимы здесь такие мрачные – завоешь от тоски. А как прекрасна в этих местах весна! От аромата пенных гроздьев на черемухе аж голова кружится».

– Ты чего это кислый такой? – повернулся к нему Идрис, прервав его размышления. – Не боись, без работы не останемся. Тем более, если мы согласимся взять осенью вместо денег пшеницу. Это тоже неплохой вариант. У меня есть где ее хранить. А зимой, когда зерно подорожает, продадим.

– А если не возьмут? – засомневался Висхан.

– Ты что? – рассмеялся Идрис.– Как это не возьмут?! В крайнем случае, сдадим пивзаводу, они с руками оторвут.

Через три дня Висхан, Идрис и его двоюродный брат Леча уже меняли крышу фермы в Пасынках. Им выделили небольшой двухкомнатный домик рядом с конторой.

До распада Советского Союза чеченцы регулярно приезжали сюда на «шабашку». Школа из силикатного кирпича, колхозные склады, коттеджи – все это было построено ими. За последние годы, когда «шабашки» уже прекратились, в деревне не было построено ни одного дома. Большинство жителей Пасынок теперь составляли русские, переехавшие недавно из новых государств Средней Азии и Украины. Своим характером, поведением они во многом отличались от коренных жителей деревни.

Недалеко от них жила одинокая старушка, баба Оля. Она часто наведывалась к своим новым соседям, то картошки принесет, то фруктов каких или молочка. Или же приходила, если понадобится какая-нибудь помощь по хозяйству.

Как-то в пятницу (в пятницу они не работали) Висхан сидел на лавочке у палисадника, наслаждаясь погожим днем. Скоро подошла и баба Оля. Висхан встал и поприветствовал бабушку – хотя тут это было не принято и многие не понимали, почему это он вдруг вскакивает ни с того ни сего, он не мог не делать то, к чему был приучен с детства. Было заметно, что бабушке очень по душе его обходительность.

– Сиди, сиди, – сказала она, присаживаясь рядом. – Отдыхаете сегодня?

– Да, – Висхан тоже сел, – решили устроить сегодня выходной, передохнуть. Да и вещи надо постирать.

– Правильно, правильно, – закивала баба Оля, – без отдыха нельзя, тем более если вкалывать, как вы. Вон ведь у наших рабочих целых шесть выходных в неделю, – оба рассмеялись.

В деревне была бригада строителей, которую местные жители окрестили «Пузырь». Более месяца назад они начали строить летний загон для скота, но до сих пор даже колья не все забили. Да и когда забить, если они день-два работали («калымили», как они сами говорили) на частников, потом несколько дней глушили самогонку, пока не пропивали все заработанные деньги?!

– Приходи сегодня, затопишь баньку, – баба Оля поправила платок. – Я петушка дам, зарежешь, – у нее было более сорока кур.

– Не надо, баб Оля, спасибо, вы и так нам уже четыре дали. Да и мясо барана, что на прошлой неделе купил Идрис, еще не закончилось.

– Ничего, мне-то, старой, зачем столько кур?! Просто от скуки вожусь с ними. Только вот когда сын приедет с внучатами, забью сразу несколько… Что-то, правда, давно их нет, – с тоской вздохнула она.

Помолчали. Потом баба Оля повернулась к нему:

– А у тебя мать есть?

– Да, есть.

– Пишет?

– А у нас почта не работает, – грустно улыбнулся Висхан.

– Бедная, как она, верно, убивается по тебе! – покачала головой баба Оля. – Эх, несчастные вы люди, как вас мучают боевики эти проклятые! Но ничего, ничего, скоро все наладится…

«Боевиков-то в нашем селе никто давно не видел, вот от федералов только житья нет», – подумал Висхан, но вслух ничего не сказал. Да и что тут скажешь?!

Все равно не поверит. Произвол, творящийся на его родине, и вранье, которым кормили бабу Олю и еще тысячи, миллионы людей по всей стране, были как небо и земля. Слова «чеченец» и «террорист» уже стали синонимами. Все же он не выдержал и произнес через некоторое время:

– И боевики мучают, и федералы.

– Жестокая вещь – война, – глубоко вздохнула баба Оля. На его последние слова она не обратила внимания – либо не слышала их, либо они ей не понравились. – Не дай Бог увидеть ее снова. Моему поколению раз уже довелось испить ее горькую чашу. И отец мой вернулся с фронта калекой, без руки, дядю убило под Курском.

– А при немцах вы здесь жили?

– Конечно. Я ведь и родилась тут, и выросла, – с некоторой гордостью ответила она.

– А как немцы вели себя? Как относились к местным? – Висхан знал, что зимой сорок третьего этот район был под немецкой оккупацией.

– Как могли вести себя эти изверги?! Как звери! – баба Оля провела рукой по лицу. – Сразу, как заняли деревню, устроили в клубе штаб. В каждый дом определили на постой по два-три солдата. К нам, к счастью, никого не привели – семья у нас была большая, жили тесно. Так они за зиму всех деревенских кур и свиней слопали. Помню, как-то мать отправила меня к своей сестре за солью. Это было в первые дни оккупации. У клуба я увидела солдата – наверное, это был часовой. День выдался очень морозным, немец стоял, притопывая и хлопая себя по плечам. С одежкой у них было худо, а к нашим русским морозам они не привыкли, – она улыбнулась, затем продолжила: – Забыв, куда бежала, я стояла, сняв шерстяные варежки и дуя на руки, глазела на часового – мне шел двенадцатый год, все ведь интересно, до всего дело. Я первый раз видела фашиста и была поражена, что он так похож на человека. Неожиданно немец замер и уставил на меня свои синие глаза. У меня от страха подкосились ноги, и я осталась стоять, не имея сил убежать. Немец посмотрел по сторонам и бросился вдруг ко мне. Выхватив у меня из рук варежки, он стал натягивать их на свои посиневшие руки. От страха я заревела. В эту минуту открылась дверь, и из клуба, закуривая папироску, вышел офицер. Увидев меня плачущую, часового, натягивающего варежки, он бросил папиросу и стал кричать что-то на своем языке на солдата. Немец протянул мне варежки, я схватила их и бросилась наутек, напрочь забыв про соль.

В позапрошлом году, когда ехал домой, Висхан купил сестренке видеомагнитофон. Началась война, и во время очередных «зачисток» федералы, никого не стесняясь, взяли магнитофон, который стоял на тумбочке. «Положите на место, вы не имеете права!» – Висхан шагнул вперед, но его сбил с ног приклад автомата, который обрушил на него долговязый солдат. «Будешь вякать, и тебя заберем!» – бросил кто-то, добавив крепкий мат.

– А много людей убили немцы? – очнулся Висхан от воспоминаний.

– Расстреляли троих местных у оврага за околицей: секретаря нашего сельсовета Якова Алексеевича как коммуниста, мельника Ивана и еще одного мужика, Семена – они якобы поддерживали связь с партизанами.

Время близилось к полудню, день становился жарче, но здесь, под яблоней, было довольно прохладно. Легкие порывы ветерка доносили ароматы полевых цветов. За дорогой, через несколько домов, у деревянного забора девчонка играла с куклой. Куколка была без рук. Доносился голос девочки, которая что-то говорила кукле. В открытом окне показалась женщина и позвала девочку, но та, увлеченная игрой, не услышала ее. Тогда женщина, повысив голос, крикнула еще раз, добавив: «Паразитка!» Девочка испуганно вскочила и бросилась домой, оставив куклу лежать в траве. Скоро из дома послышались ругань матери и плач дочери. Висхана, наблюдавшего за это картиной, словно током пронзило: «Седа??? Она назвала ее Седой? Или же Светой?»

– Кто это? – перебил он бабу Олю, которая что-то увлеченно рассказывала.

– Кто? – не сразу поняла та. – А-а, Наташка-то… Да шалава она, вот кто. Чуть ли не каждый месяц меняет мужика, от пьянки никогда не просыхает.

– А девочка… Как ее зовут?

– Седа. Кстати, она ее от чечена родила, – бабушка пытливо посмотрела на него. – А почему ты спрашиваешь?

– Я подумал, что мне показалось, будто мать позвала ее по-чеченски… А оказалось…

– Лет семь-восемь назад к нам в Пасынки приехали два чечена искать работу. Через пару недель, когда работы не нашлось, один уехал. А второй – Алик его звали – остался жить с Наташей. Тогда Наташа жила с матерью, теперь ее уже нет в живых. Через год, следующим летом уехал и Алик. К этому времени у них уже родилась дочка. Наташа ждала его, говорила всем, что он обещал вернуться. А может, и обманывала нас, не хотела, чтобы мы знали, что ее бросили – не знаю. Потом начала пить, поменяла нескольких мужей. Сейчас живет с этим алкашом. Раньше она неплохо обращалась с дочкой, теперь же держит ее в черном теле: может, мстит, что отец девочки бросил ее. И отчим бьет ее часто, особенно когда не на что похмелиться, – баба Оля встала. – Пойду, курам корм задам. Не забудь придти баньку затопить.

Через несколько дней, когда направлялся в магазин за сахаром, Висхан увидел Седу: она стояла у калитки. В магазине, кроме сахара, он купил йогурт и килограмм шоколадных конфет. По дороге домой остановился рядом с девочкой, присел на корточки и подозвал ее:

– Седа, иди сюда!

Девочка стояла и смотрела на него.

– На, возьми, – он протянул ей пакет.

В глазах Седы читались и недоверие, и удивление, и страх. Она сделала по направлению к нему несколько неуверенных шагов. Висхан притянул ее к себе и обнял...

Проходя мимо дома, ему показалось, что кто-то в окно наблюдает за ним.

После этого он часто виделся с Седой, приносил ей разные сладости. Непривыкшая к ласке девочка очень привязалась к Висхану. Она внимала каждому его слову, благодарно смотря своими большими синими глазами, рассказывала свои детские истории, задорно смеялась.

Работа близилась к концу. Висхан выглядел в эти дни удрученным, его словно что-то сильно тяготило.

Они с Идрисом прибивали шифер на крыше, а Леча подавал листы снизу.

– Идрис, я хочу забрать эту девочку с собой, – неожиданно заговорил Висхан, беря из большой алюминиевой чаши гвоздь.

– Какую девочку? – не понял Идрис.

– Ну девочку эту, Седу. Хочу забрать ее с собой домой.

– Как, забрать? – Идрис отложил молоток в сторону. – Зачем она тебе?

– Она же чеченка! – горячо произнес Висхан.

– Э-э, брат, брось ты! – захохотал Идрис. – Если ты собираешься забрать отсюда всех детей, рожденных от чеченцев, ты повезешь домой целую дивизию!

– Мне жаль ее, Идрис. Понимаешь, жаль!

– Кажется, ты уже того! – Идрис покрутил пальцем у виска и вновь рассмеялся. – Заработался! Иди, передохни немного.

– Я серьезно говорю. Подумай сам, кем она вырастет среди этих пьянчуг?

– А ты подумал, отдаст тебе ее мать? – оборвал свой смех Идрис. – А ты подумал, как быть с законом? Что, удочеришь ее?

– С матерью ее я переговорю. Говорят, у них с мужем часто возникают ссоры из-за нее – ненавидит он ее, шахидкой обзывает. Если понадобится, я и деньжат им подкину. А с законом… С законом как-нибудь улажу. В крайнем

случае, скажу, что это моя дочь. Не думаю, что у этого Алика (интересно, как его звали? Али? Алхазур? Или по-другому как?) есть регистрация в ЗАГСе с Наташей.

– Делай, как знаешь, – махнул рукой Идрис. – Вижу, ты уже все решил.

Вася, муж Наташи, не мог скрыть радости, узнав, зачем пришел Висхан. Сама Наташа выглядела растерянной. Седа же, едва завидев его, бросилась навстречу и теперь сидела у него на коленях. Хозяева, судя по всему, были заняты решением важной проблемы: поиском денег на очередной загул. Лица опухшие, глаза красные, на покосившейся табуретке – несколько мятых купюр и мелочь. В комнате грязь, на столе немытая посуда с остатками еды, пустые бутылки у шкафчика, разбросанные по полу окурки.

Договорились они довольно быстро. У самых дверей мать вдруг бросилась к дочери, обняла ее и глухо заплакала. Из ее глаз потекли слезы, оставляя на щеках грязные разводы. У Висхана защемило сердце. На какое-то мгновение у него зародилось сомнение, правильно ли он поступает, разлучая мать с дочерью… Выйдя за дверь, он вдохнул полной грудью свежий воздух.

Висхан отвез Седу в соседний район, в Шатилово, к сестре. Когда они уезжали из Пасынок, на остановку, запыхавшись, прибежала Наташа. Она бросилась к дочери и долго рыдала, прижав ее к груди. Потом встала и быстрым шагом ушла, ни разу не обернувшись.

У Лауры, сестры Висхана, было четверо детей, двое сыновей и две дочери. Старшему сыну исполнилось двенадцать, младшей дочери пошел четвертый. Седа провела с ними более полугода, научилась за это время чеченскому языку. Висхан все это время работал.

– Согласится ли наша мать принять ее? – спросила его как-то Лаура.

– Конечно, согласится. Посмотри на нее, какой красивый ребенок! – бодро произнес Висхан, хотя сам не был уверен, что мать приветствует его шаг.

Наступил апрель. Вместе с Седой он отправился домой.

Увидев, что он приехал не один, мать удивилась. Она сначала подумала, что это одна из дочерей Лауры.

– Кто это? Неужели Хава?

– Нет, не Хава… Она… Она теперь наша… – Висхан замялся.

– Что-о? – нахмурилась мать.

– Наша… Ее зовут Седа…– он нервно потер руки.

– А-а, я так и знала, что ты там прибился к какой-нибудь русской потаскушке! – закричала она. – И мать ее, наверное, скоро заявится! Ноги ее здесь не будет! Слышишь? Ноги этой змеи не будет в нашем доме!

– Мама, ты меня неправильно поняла… Это не моя дочь… Она теперь наша…

С большим трудом, так как его часто перебивала мать, Висхану удалось рассказать историю девочки. Седа же все это время стояла, прильнув к нему, уставив на бабушку свои широко раскрытые глаза. Ее пробирала дрожь. Если бы она даже не знала чеченского языка, поняла бы, что Баба (Висхан наказал ей называть ее так), изрыгающая проклятия, часто выставляя в ее сторону указательный палец, сразу за что-то невзлюбила ее. Зашел Рукман, старший брат Висхана, тот встал и поприветствовал его.

– Ты только послушай, что говорит твой сумасшедший братец! – напустилась на него Падам. – Явился с каким-то безродным щенком: «Дарасти вам!» А я-то, дура, совсем тут замоталась, пытаясь сладить сватовство с дочерью Абдаррахмана, Сацитой, зная, что сын мой не может связать и двух слов, а он, неблагодарный, явился: «Она теперь наша!» – совсем не похоже передразнила она. – А глаза-то, посмотри в ее бесстыжие глаза! Бесенок, а не девочка! Тьфу!

– Подожди, мама, – перебил ее Рукман и, задав несколько вопросов о его

жизни на Орловщине, сестре, замолчал. Было заметно, что и он не очень доволен появлением в их семье чужой девчонки.

– Сколько я старалась, пытаясь уговорить Самарт, сколько нервов истрепала, – не унималась Падам, – через какие унижения пришлось пройти! А ведь Самарт не раз спрашивала меня, не живет ли мой сын там с русской! Ни одна мать ведь не хочет видеть свою дочь несчастливой. Еле удалось сговориться с ней… Что я теперь скажу?

– Какая еще Самарт? – Висхану стало неловко, что мать говорит подобные вещи при старшем брате. – Не надо ни с кем сговариваться.

– Конечно, не надо! Ведь скоро заявится твоя невеста!

– Мама, я же сказал тебе…

– Замолчи! О Боже, за что мне такое наказание?! Какой позор! Сколько сил я потратила! – взялась она вновь за свое. – Какую девушку нашла! Дядя – юьртда[3], братья в Москве на хорошей работе…

Висхан встал и прошел в соседнюю комнату. Подошла Мадина и обняла за плечи:

– Не обижайся на нее, она скоро отойдет. Просто все это слишком неожиданно для нее… Знаешь, как она по тебе скучала?!

Поезд остановился. Седа уже спала. Хлопают двери соседних купе, доносятся голоса: «Предъявите, пожалуйста, документы». Проверка. Куда, интересно, доехали? Похоже, что это Белгородская таможня. Висхан достает из внутреннего кармана пиджака паспорт, раскрыв его, вкладывает пятидесятирублевую купюру и бросает на столик. Все документы у него, правда, в порядке, но он чеченец, и этим все сказано… Постучав, открывают дверь:

– Ваши документы!

Просыпаются студенты. У одного из них в паспорте не хватает какой-то печати, и ему приходится выложить двести рублей. Проверив документы и содержимое сумок, уходят. Да, без денег сейчас никуда. Деньги правят миром. И его родной матери они застили глаза. Висхан ведь помнит, как в детстве мать часто рассказывала про эту Самарт, какая она плохая, зловредная женщина. А сегодня, когда у них появились деньги, когда сыновья ее на хороших работах, она не против породниться с ними. Висхан запретил матери сватать дочь Самарт. Вечно недовольная мать, мрачно сопящий брат, соседи, друзья с их подколами – не о таком приеме дома он мечтал. Даже его друг Аслан не преминул сказать при случае ехидно:

– Зачем тебе эта незаконнорожденная? Ты что, своих детей не можешь иметь?

Пару раз он заметил и свою сноху, которая, думая, что ее никто не видит, отвесила Седе подзатыльник:

– Навязалась на мою голову, дрянь!

«Чем тебе-то мешает эта бедняжка?» – грустно подумал Висхан.

Правда, при Висхане сноха вела себя с Седой очень ласково, называя ее не иначе как Одуванчик. Только вот обмануть детское сердце было невозможно. Мадина, которая училась в одиннадцатом классе, сын Рукмана Адам и Висхан – вот их девочка искренне любила.

Как-то утром Висхан, умывшись, прошел на кухню. Здесь он увидел Седу. Она сидела на стуле, вся сжавшись, опустив голову, обхватив плечи своими маленькими ручонками.

– Седа! – позвал он.

Девочка никак не отреагировала, словно не слышала его.

– Седа, что с тобой? – он подошел к ней, опустился перед ней на корточки и поднял ее голову за подбородок. Она бросилась в его объятья и заплакала навзрыд. Все перенесенные обиды и унижение выплеснулись из ее глаз слезами. Они падали на его плечи, обжигая его. Висхану казалось, что слезы

ее, прожигая плечи насквозь, докатываются до сердца и ранят его..

– Почему ты плачешь? Кто тебя обидел?

– Мы с Адамом… рвали… рвали в саду… вишни… Роза поругала… сказала… что лук топчем… Меня ударила… а Адаму… Адаму нарвала в чаше… – всхлипывая, рассказывала Седа.– Потом она сказала Бабе, что я… что я сломала ветки, и… Баба отругала… отругала меня…

– И только?! Какие пустяки! – Висхан попытался улыбнуться. – Не плачь, я сейчас тебе тоже нарву…

– Не хочу я!

– А Мадина где?

– В школу пошла.

Висхан взял девочку на руки. «Бедная ты, бедная! – думал он. – Не познала материнской ласки при живой матери, и на родине отца оказалась лишней…» Вошла Падам.

– Что, уже наябедничать успела? – бросила она.

– Мама, зачем ты так? Почему вы мучаете ее? – укоризненно произнес Висхан.

– Что с ней сталось? – Падам насмешливо скривила губы. – Что мне с ней, как с княжной обращаться? Пылинки с нее сдувать?

– Мне жаль ее. Она, доверившись мне…

– А меня тебе не жаль? Меня кто пожалеет? Покрыл на старости лет позором мою седую голову! Все в глаза смеются…

– Да кто смеется? Кто? Вон сын Абдуллы привез из Сибири двух своих дочек, и никто с них не смеется.

– Сын Абдуллы привез своих дочерей! Своих! Понимаешь? А эта…

«Выходит, сын Абдуллы, который произвел на свет двух девочек от женщины, с которой не заключил законного брака, лучше меня, просто пожалевшего эту несчастную сироту…» – с грустью подумалось ему.

– Я уезжаю, – сообщил вечером Висхан Мадине.

– Как – уезжаешь? Почему? – помрачнела Мадина.

– Через год мы вернемся, – словно боясь передумать, быстро добавил он.– За это время и мама привыкнет к мысли, что Седа наша. Да и работы тут нет. Даст Бог, накоплю немного денег и вернусь через год.

Под монотонный стук колес поезд «Нальчик-Москва», рассекая ночной мрак, мчится на север. Чечня осталась далеко позади. За окном тьма. В купе тускло горит лампочка…

Перевод с чеченского автора.

---

[1] Дада (чеч.) – папа.
[2] Баба (чеч.) – бабушка.
[3] Юьртда (чеч.) – глава сельской администрации.
[4] У чеченцев снохи не называют по именам родственников мужа.

Поэзия

Руслан Юсупов

Бросая вызов мрачной суете…

Бросая вызов мрачной суете,
Похожая на гордую принцессу,
Идет в своей природной красоте
Одна из видных женщин Гудермеса.

С осанкою красавиц прошлых лет,
Походкой величавой и степенной
Идет она, и ей кивают вслед:
Какая стать, какой типаж отменный!

Наверняка, в ней – голубая кровь,
И нет отбоя ей от кавалеров,
И уж, конечно, в ней кипит любовь,
Не знающая ни границ, ни меры.

Такое впечатленье создает
Она невольно обликом прелестным.
И кажется, душа ее поет,
Внимая гордо
комплиментам лестным.

Ошибочен, однако, первый взгляд:
Достойная такой любви высокой,
Красавица который год подряд
Живет одна, как в келье одинокой.

И пряча ото всех свою тоску,
Пытаясь быть на людях
безразличной,
На самом деле варится в соку
Из собственной же грусти
безграничной.

И тайно озирается вокруг,
И тихо, незаметно сердце плачет
В кругу непривлекательных подруг,
Завидуя их счастью и удаче.

Я не люблю

Я не люблю, когда теряю день,
Столкнувшись с пустотою
и бездушьем.
Я не люблю, когда бросают тень
На светлые и родственные души.

Когда святая, чистая любовь
Становится невинной
жертвой сплетен,
Когда от чьих-то мерзких,
пошлых слов
В душе святой прибавится отметин.

Я не люблю, когда нельзя любить
Всей силой сердца, не таясь, открыто,
Когда нельзя любовь до дна испить,
А дверь к ее источнику закрыта.

Я не люблю в полсилы верить, жить,
Коль выпал жребий
горячо влюбиться.
Я не хочу и дня один прожить –
Вдруг не успею
счастьем насладиться.

Письмо

О как давно не получал я почту!
Письмо в конверте –
это как свиданье.
Сажусь читать я,
чтоб ответить срочно
И тут же погрузиться в ожиданье.

Родное что-то уже в первой строчке.
Читаю дальше на одном дыханье.
О сколько жизни на одном листочке,
Где даже рук твоих благоуханье!

Письмо издалека – и ты вдруг рядом,
Перед глазами. Только не коснуться.
Я строчки провожаю
жадным взглядом,
Как сладкий сон,
где я боюсь проснуться.

Но я продолжу это сновиденье –
Перо при мне, да и бумаги много.
Ложатся строки – сердца откровенье –
И просится письмо к тебе в дорогу.

В поисках самого себя

Как хорошо, что я живу.
И ничего, что жизнь – мгновенье.
Я с благодарностью приму,
Приму ее благословенье.

Приму и радость, и тоску.
Приму и снег, и дождь, и слякоть.
Как хорошо, что я могу
И говорить, и петь, и плакать.

Как хорошо, что я могу
Пройти тропою белоснежной,
Да беззаботно на бегу
Окинуть взглядом мир безбрежный.

Я не увижу все вокруг,
Мне до всего не дотянуться.
Но встречу я немало рук
Друзей, которые найдутся.

И, может, встречу пару глаз,
Что вдруг пленят и очаруют,
Что в жизни каждому из нас
Любви мгновения даруют.

Когда ж наступит мой закат,
Пусть жизнь нежданно оборвется.
И пусть друзья меня простят,
Что без меня стареть придется.

Пусть я до цели не дойду,
Не допишу, не дочитаю.
Пусть, не насытившись, уйду,
Еще чего-то ожидая.

Пусть буду где-то я в пути,
Пожму еще кому-то руку.
Дай бог мне лишь себя найти,
А жизнь пускай идет по кругу!

Суть жизни

Что дали мне полвека
Доселе пройденных дорог?
Я понял сущность человека,
Но жизни суть понять не смог.

В чем смысл нашего рожденья?
А первый крик и первый шаг?
А годы нашего взросленья,
И слезы, если что не так?

А радость встреч и боль разлуки,
А сокровенные мечты?
В любви протянутые руки,
Потом сожженные мосты.

Еще падения и взлеты,
Еще борьба добра и зла,
Души прекрасные полеты,
И лед, и искорки тепла?

И вдруг на гребне круговерти
У той последней полосы
В объятиях коварной смерти
Перестают ходить часы.

Навеки стрелки застывают,
А жизнь не длится даже век,
И потому к богам взывает
Суть не понявший человек.

Я не стану другим

Сердце мое – мой бесценный мотор,
Сила моя ты и слабое место.
Боль за людей, за вражду и раздор
Давит тебя да и месит как тесто.

Ты же безмолвно вбираешь в себя
Горе чужое и слезы, как губка.
Жизнь не щадит, не жалеет тебя.
Жизнь неразборчива, как мясорубка.

Сколько ж в тебе еще пыла, огня?!
Может, не стоит гореть, сокрушаться?
Ты же не камень ведь и не броня...
Так нам с тобою, друг,
не продержаться.

Будь же ты в меру беспечным, глухим.
Пусть будет стук твой
немного размерен.
Но ведь и я тогда стану другим –
Я же меняться совсем не намерен.

Дебют

Мадина Абдулвагапова

Спасибо, мам...

Я родилась 26 марта 1992 года в селе Знаменское Надтеречного района. Детство прошло разное. Именно разное – не тяжелое, не легкое, не на одном месте. Многим «обязана» и войне... Всегда была тихим, молчаливым ребенком, вечно сидела с книжками, благо, старший брат – медаль бы ему за это – невероятным образом научил меня читать, едва мне стукнуло четыре года. Помню, была такая вредная привычка, за что мне часто попадало – читать во время еды, положив книгу перед тарелкой. К десяти-одиннадцати годам я уже переключилась на домашнюю библиотеку – мама у меня филолог, преподаватель русского языка и литературы, папа – историк – представьте-ка, какой подбор жанров у нас там был... Я любила читать все, все подряд, начиная с научной фантастики и детективов и заканчивая классикой французской литературы. Своего любимого Виктора Гюго, «Собор Парижской Богоматери», я на спор со старшим братом, уверявшим, что не осилю, прочла за пару дней в тринадцать лет. Все это, впрочем, вовсе не исключало возможность различных сумасбродств – во втором классе я долго не возвращалась домой после уроков и после долгих нервических поисков мама обнаружила меня в книжном магазинчике на соседней улице, самозабвенно обсуждающей достоинства пионерского галстука с тетенькой-продавщицей.

В 2010 году окончила Знаменскую СОШ № 1. Лучшее время в моей жизни... Старалась держать марку по всем предметам – как говорил булгаковский Бегемот: «Ноблес оближ – положение обязывает» – что в итоге вылилось в традиционную уже в нашей семье золотую медаль... Но не этим красочны были мои школьные годы. У нас был школьный театр, специализирующийся на мюзиклах – звучало новинкой для зажатых сельских школьников... Моим дебютом на любительской сцене нашего театра «Лира» стала премьера литературно-художественной постановки «Я вас любил» по мотивам романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Помню, на следующий день на пороге школы нас встретила ошеломленная библиотекарша с фразой: «Ну, надо же... Впервые, впервые за мою практику такое – ни одного томика «Онегина» на полках не оставили, все разобрали!». Гастроли наши дошли до Грозного, где всякие серьезные дяденьки вручали нам награды за увлекательную творческую самодеятельность, первое место в республике как никак. С тех самых пор за мной закрепилось прозвище Мечта Онегина. Вот так вот прививали вкус к классической литературе у школьников...

После того у нас было еще немало постановок, большей частью по мотивам классических произведений. Особенным успехом пользовался наш «Тазит» по поэме А.С. Пушкина. Но и пофантазировать случалось – в новогодних мюзиклах.

Как-то раз, усердствуя в желании быть хорошей доченькой, я предложила маме помочь с написанием сценария к новогоднему мюзиклу (памятка: мама – организатор). Все это вылилось в то, что к полуночи, после невероятно смешливого вечера, на столе лежал плод моих усилий – готовый сценарий, который, к моему удивлению, удалось воплотить за неделю репетиций. С тех пор это стало моей не особо обременительной обязанностью. Мы подбирали сюжеты, переделывали тексты песен, мастерили костюмы и декорации из подручных средств (бальные платья, пошитые из старых занавесок и самые невероятные исторические костюмы, какие только подсказывала фантазия, до сих пор хранятся в так называемом школьном музее). И все это для того, чтобы в итоге блеснуть перед придирчивым школьным зрителем и заслужить свою долю восхищения.

В 10 классе, на базе подаренной школе техники, мы надумали организовать школьное радио. Будучи неопытным ди-джеем, я набрала себе команду из нескольких бойких одноклассниц и через пару дней радиостанция «Гольфстрим» вышла в свой первый эфир. Любимой рубрикой у наших ребят на тот момент была передача во всеуслышание робких анонимных посланий с признаниями в симпатии различной степени. Где-то даже должна была сохраниться коробка со всей этой амурной корреспонденцией...

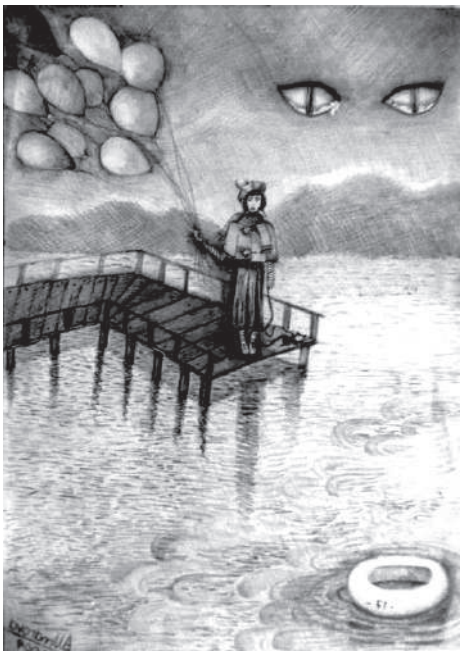
Будучи натурой рассеянной, отчасти творческой и мечтательной, я, конечно же, писала стихи. Но отчаянно не любила давать их кому-либо читать. Разве что самым близким друзьям по экземпляру. Оригинал же часто терялся, поскольку вдохновение самым наглым образом посещало меня только в исключительно неподходящие для этого моменты. На уроке математики, например... Сейчас, являясь уже студенткой второго курса отделения журналистики (как меня занесло на эту специальность, когда я направлялась в университет с твердым намерением подать документы на отделение педагогики и психологии, для меня до сих пор остается загадкой), я иной раз тоже могу к концу пары обнаружить у себя в тетради вместо лекции нечто невообразимое в шестнадцать строк и с хромающей рифмой.

А однажды неожиданно для себя я написала рассказ. Тема была близкая и больная, затрагивающая сломанные войной судьбы. Вечером того дня мне позвонила моя учительница-друг, которую позволительно мне называть просто Заремой, попросила выручить, мол, время поджимает, а им на Всероссийский конкурс сочинений к юбилею Великой Победы послать нечего. Я принесла ей «Лето сорок первого...», прочитав, она молча посмотрела на меня и этот ее взгляд был для меня лучшей наградой...

Были и другие. Плакать хочется, даже топать ногами от безнадежности – столько сюжетов ускользает от меня в повседневности. То, что мне удается записать, лишь в малой части отражает задуманное – не хватает слов, оборотов, а образ не ждет, коварно тает и ускользает. Проснувшись среди ночи, торопливо стараясь ухватить ускользающие мысли, нити сюжетов, спихнув их в несколько листов помятой бумаги, я первым делом бегу к маме, моему бессменному цензору: «Мам, вот, послушай...», зачитываю ей, покорно жду упреков за погрешности в стиле и склонность к некоторому цинизму, и, самое главное, ее улыбки... А остальное уже не имеет значения. Спасибо, мам...

Птица-синица

Рассказ



«Потеря защиты».

Балкон был слишком узок и тесен, чтобы что-то хранить там; сушить белье мешала растущая возле дома на удивление раскидистая рябина, загораживающая полбалкона словно диковинной ширмой. Зимой здесь было холодно, а летом жарко и всегда неуютно и грязно.

И только девочка любила этот балкон. Здесь были ее владения, ее укромный уголок, ее маленький собственный мир. Оттого-то она всякий раз пугалась, когда мама принималась выговаривать папе: «Застекли ты уже, наконец, этот дурацкий балкон! Одна грязь и сквозняки с него! Того и гляди кто-нибудь в дом залезет! И кому вообще в голову пришло на первом этаже балконы делать?»

Девочке было четырнадцать лет; невысокая, стройная и гибкая, она любила мечтать в тени рябины, незаметно вглядываться в чужие окна, наблюдать неторопливый мир тесного пыльно-асфальтового двора… Она смотрела на случайных прохожих и по паре-тройке самых приметных черт лица, по одежде, походке придумывала их привычки, их жизнь, их беды и радости…

Девочку звали по-разному: Лейла, Леля (это дозволялось только маме), Лель, Лейла Асланбековна (по имени-отчеству, если на нее сердились или она сама на себя сердилась) – и это непривычное полное произношение приходилось постоянно отстаивать... Пронзительные синие глаза по сравнению с ее хрупкостью казались огромными... Маленькая птичка. Птица-синица...

На балконе девочка дружила с котом. Кот был из соседнего дома, стоявшего углом, так, что девочка могла с балкона видеть окна крайней квартиры, где жил ее хвостатый приятель.

Кота тоже как-то звали. Но девочка его имени не знала и потому звала четвероногого то Серым, то Товарищем, то еще как-нибудь.

Девочка впервые приметила кота года два назад. Он, конечно, жил здесь и раньше, но Лейла не обращала на него внимания. Мало ли котов бегает по двору!

Тогда стоял погожий летний день. Лейла стояла на балконе и ела бутерброд с колбасой. Кот бродил внизу и что-то высматривал в низенькой, полузасохшей траве, бывшей некогда газоном. Принюхивался, замирал, чуть подергивая кончиком хвоста…Случайно оброненный кусочек сервелата – и вот уже Лейла с интересом наблюдает, что станет делать кот. Он осторожно принюхался – и крохотный кусочек нежнейшего сервелата исчез так быстро и незаметно, будто его и не было вовсе. «Кис-кис-кис» – позвала Лейла кота, перегнувшись через перила балкона, насколько это было возможно, и уже намеренно бросая вниз кружок колбасы. Но кот испуганно отскочил в сторону. Девочка замерла, затаила дыхание и будто случайно взглядывала порой на кота. Он, выдержав некоторую паузу, подошел к колбасе, поглядел надменно и принялся есть –

будто делал одолжение. Потом развернулся, вспрыгнул на окно соседнего дома и исчез в крохотном квадрате открытой форточки.

С тех пор девочка часто выходила на балкон и ждала появления кота. В ожидании разглядывала чуждый, манящий мир соседнего окна. Короткие тюлевые занавески легкой дымкой застилали сумрак комнаты. На подоконнике стояли два горшка с пышными ярко-красными геранями и большая фотография в рамке. Фотография была развернута чуть боком, и если хорошо вглядеться – можно было разглядеть на ней красивую стройную женщину в белом платье и маленькую девочку. Обе – смуглые, темноволосые, и, как виделось Лейле, удивительно похожие друг на дружку.

Лейла часто видела и саму хозяйку кота. Полная, смугловатая, как те двое с фотографии, – кто они ей? сестра с племянницей, дочь ли с внучкой? – и, несмотря на полноту, удивительно походившая на них, она то вытирала пыль, то поливала герани, то просто смотрела в окно, поглаживая своего кота. Лейла, конечно, не знала, да и не могла никогда знать ее, но радовалась почему-то, встретив ее где-нибудь в магазине или просто на улице, вспоминая о той маленькой, только ей, Леле, да полосатому коту известной связи между ними.

Отношения, сложившиеся поначалу у девочки с котом, трудно было назвать дружбой. Кот лишь высокомерно принимал из ее рук скромные угощения и за это позволял ей поверять ему все радости и горести, все самые сокровенные тайны. Осмелев, он стал по стволу рябины забираться на балкон и там подолгу сидел рядом с девочкой. Но стоило попытаться погладить его или просто сделать неосторожное движение – и кот уходил прочь, обиженный таким отношением к своей персоне.

Однажды Лейла шла по двору. Кот, ее знакомый, забился в угол между домами и отбивался от маленькой серовато-рыжей собачонки; одна лапа была укушена, и кот то и дело поджимал ее. Лейла бросилась выручать его. Она хотела чем-нибудь замахнуться на собачонку, но вспомнила вдруг слышанное где-то – никогда не следует махать перед собакой руками. И потому она просто топала ногами и кричала отчаянным голосом:

– Уходи! Уходи прочь! Убирайся!..

Собака попыталась было ее цапнуть, но девочка каким-то чудом увернулась.

– Пошла прочь! Уходи вон!

Собака пару раз визгливо тявкнула и разочарованно отправилась восвояси. Не остывшая от своей восторженной ярости, она еще несколько раз сердито оглянулась на кота и его защитницу.

Вот теперь, когда уже все кончилось, Лель испугалась – отчаянно, до дрожи в коленях. Об опасности, о боли не думалось – но что сказали бы дома... Навряд ли что-то хорошее. Кот попытался запрыгнуть на свое окно, но покалеченная лапа мешала ему. Лель взяла сопротивляющегося кота на руки и аккуратно подняла на свой балкон. Быстро – пока мама не обнаружила непрошеного гостя – примчалась домой.

Кот просидел на балконе до вечера. Ночью или ранним утром он ушел и не показывался с неделю – видно, сидел дома и зализывал свои раны.

Потом он снова стал появляться на балконе, но – удивительное дело! – с некоторых пор стал позволять девочке гладить себя и даже брать иногда на руки. Порой он сам грациозно вспрыгивал ей на колени. Лель задумчиво чесала кота под подбородком и шептала ему в мохнатое маленькое ушко о самом сокровенном.

Через год после знакомства с котом Лейла увидела женщину и девочку с фотографии. Девочка, конечно, была уже намного старше, чем на фото, и оттого еще больше похожа на мать. Резвая, непоседливая, то с задорной хитринкой, то с какой-то неведомой грустью в огромных темных глазах… Лель и видела-то ее пару раз – но уже по привычке сочиняла ей целый мир.

Однажды девочка играла с большим розовым мячиком. Одна – ранним утром детей во дворе еще не было, яркая бабочка, неведомая нездешняя птица… Мяч залетел вдруг на балкон; Лель бросила его обратно несколько оробевшей девочке и улыбнулась ей, девочка смущенно улыбнулась в ответ.

Месяц гостили две незнакомки, большая и маленькая; месяц Лейле было легко и радостно, будто это были ее долгожданные гости и давние друзья. А потом все вернулось на круги своя, лишь то и дело вспоминала Лель ту робкую улыбку.

***

Взрослея, девочка все больше сживалась с балконом. Она уже стеснялась зачарованно глядеть в незнакомые окна и не шептала коту свои нехитрые тайны, а только в мыслях вела с ним разговор, поглаживая густую серую шерсть…Кот, старея, как-то сжался, сник, стал сухим и маленьким и не всегда ему удавалось запрыгнуть на балкон с первой попытки. Рябина загораживала уже не полбалкона, а большую его часть, засыпая холодный пол то листьями, то потемневшими сморщенными ягодами.

Вот и теперь Лейла сидела на балконе, положив на холодный цементный пол специально для этого приспособленную старую подушку с полинявшими вышитыми цветами и букашками. Обхватила руками колени, сжалась вся, будто от холода, и жалобно глядела на пристроившегося у ее ног кота.

«Как мне рассказать тебе, хвостатый, – думала девочка, – что нынче творится…Чудовищно, невообразимо – ночью… мирный город… Глупо как-то – смотрю телевизор и будто сама проживаю все это, а стоит попытаться объяснить словами – сразу все оказывается смешно, наивно и жалко. Несуразный я человек…» – кот старался утешить свою подружку, притихшую, подавленную, вот-вот готовую заплакать… Ходил вокруг, терся о ее ноги…

«И чего бы мне дался этот Грозный, чего примерещилось так, что и мыслей ни о чем больше нет... Это ведь глупо, я девочка, я должна веселиться и радоваться жизни! – Лель упрямо встряхивала головой, будто и впрямь вела с кем-то тяжелый, отчаянный разговор, – а я не могу так, когда непонятно и страшно», – и бессильно утыкалась лицом в мягкую кошачью шерсть, погружаясь в ее безмятежную теплоту. Вскочила вдруг, торопливо погладила кота, как бы прощаясь – и умчалась в комнату, к очередному выпуску новостей.

– Лейла, выключи сейчас же! – раздался минут через пять мамин голос. – Сто раз уже все видела! Что там еще нового скажут?

Но Лель как завороженная смотрела на экран и, не запомнив толком увиденного, уже переносилась в привычный мир своих фантазий. Но и он нынче не мог утешить девочку – там все то же самое, только больнее и ближе.

Заслышав мамины шаги, девочка тотчас же выключила телевизор и скрылась в балконной тишине – не дай Бог потревожит кто ее нелегкие мысли!

Соседское окно было открыто, в комнате мерцал телевизор, и обрывки фраз доносились до нее. «Обстрел спящего города…», «...начала огонь…», «Погибло множество мирных жителей…» Придумалось ли встревоженной далекой бедой Леле или и вправду была отчего-то очень грустна и сегодня, и накануне

соседка, то и дело растерянно подходила к окну, глядела куда-то вдаль, теребя гераневые листья; какая печаль поселилась по ту сторону занавесочной дымки? И выходило, что печаль эта – все о том же, о неведомой боли многих, многих людей; и привычно сочиняла Лейла чужую беду, и сама же жила и болела ею, и вздыхала бессильно, не в силах ни узнать наверняка, ни помочь, ни просто быть рядом... А кот утешал хозяйку, как перед тем утешал Лейлу.

***

Вечером, уже ложась спать, Лейла взяла с книжной полки маленький синий радиоприемник. Приемник подарил папа, когда девочке исполнилось десять лет. Первое время он был включен целыми днями. Ей особенно нравилось в вечерние сумерки смотреть, как мигают в два ряда его красные огоньки и неуклюже отплясывать под «модную музыку». Но вскоре ей наскучила эта забава, и приемник долго пылился без дела.

Лишь через несколько лет Лейла нашла ему новое применение. Она абсолютно ничего не понимала в метрах, килогерцах и прочих радиопремудростях, но знала, что в маленьком радиоприемнике умещается чуть ли не весь мир. Разные страны, разные языки... Весь вечер они вместе с папой крутили по очереди колесико настройки над украинскими радиостанциями и пытались разобрать что-то на английском. А потом пришла мама и заявила, что радио только шипит и хрипит, и от этого портится слух. И что Лейле нужно больше думать об уроках, а папе и вовсе несолидно... Но Лель было жаль так скоро расставаться с ее маленьким открытием. Почти случайно она обнаружила, что наушники от сломанного плеера отлично подходят к приемнику, и каждый вечер втайне ото всех изучала этот новый открывшийся ей мир.

Она узнала, что радиостанции «просыпаются» к вечеру, что русское международное радио называется «Голос России». Что на многих зарубежных радиостанциях бывают эфиры на русском языке. Но ночью, в темноте не видно ни часов, ни шкалы настройки, поэтому Лейла понятия не имела, что, где, когда и как искать. Она цеплялась ненароком за все, что было ей хоть немного интересно и понятно и не перебивалось невыносимо противным шипением. То девочка находила русский эфир «Радио Китая», то вдруг ее привлекала какая-то приятная восточная мелодия... Но стоило музыке смениться голосами на незнакомых языках – и Лель без малейшего сожаления пускалась в дальнейшие поиски.

Однажды ее заинтересовала незамысловатая, но милая мелодия. За ней – слова: «Радио Швеции, Стокгольм» – как раз начинался эфир на русском языке. Еще раз повторилась мелодия. Но «Радио Швеции» исчезло вдруг, сменившись каким-то надрывным хрипом.

Через несколько дней Лель снова услышала знакомые позывные, но то, что за ними последовало, было далеко не на русском. Больше девочке «Радио Швеция» не встречалось, но не раз еще мечтала она снова услышать в наушниках: «В эфире радио Швеции. Мы вещаем на русском языке…». А потом и вовсе все выстроилось в логичную цепочку: уютная Швеция из сказок Сельмы Лагерлеф и Астрид Линдгрен, книга про шведского мальчика Эльвиса, ни названия, ни автора которой Лель не помнила, еще какие-то книги, подаренный кем-то календарик с видом Стокгольма… «Радио Швеции».

Но время радио – ночь, а ночью нужно спать. И потому после нескольких бессонных ночей приемник вернулся на книжную полку, чтобы и дальше пылиться без дела.

***

Сейчас мир телевизионных и газетных новостей был невозможно мал для девочки. Она цеплялась за любые малейшие упоминания о Грозном, жадно, как некогда лица прохожих и балконные шорохи, хранила их в растревоженной памяти... Вот тут-то и пришелся кстати маленький синий радиоприемник… Дождавшись, когда стихнут последние предсонные шорохи в соседней, родительской спальне, Лель ставит его рядом с подушкой, укутывается одеялом… включает радио; боится – вдруг сели батарейки. Но все нормально. Привычные хрипы – то громче, то тише; первое, что девочка слышит более-менее отчетливо, кажется ей несколько странным. Язык не украинский и не белорусский, но на русский похож чрезвычайно, если только внимательно вслушиваться. Однако передача полностью повторяет российские выпуски новостей, это знакомо и неинтересно маленькой искательнице.

Что-то на английском, но шум невозможный, не разобрать ни слова… «Голос России» – это всегда успеется. Потом и вовсе непонятное, со страшным хрипом.

Немецкий… Темп речи не очень быстрый, Лейла отчетливо, как на уроке, слышит слова – но не знает ни одно из них. Только мало значащие сами по себе союзы и предлоги... Ну да, во всяком случае, не про Грозный.

Украина – певучий, «колыбельный» язык, который так любит Лейла и который так смешит всегда ее папу. «...агрессия», «нарушение миротворческого соглашения», «вторжение на территорию...» Ах, так! – легкий поворот колесика настройки, и вдруг – о радость! – знакомый мотив. «В эфире «Радио Швеции». Мы вещаем на русском языке…»

***

И снова день; и снова девочка сидит, неуклюже поджав ноги, и под шорох рябины ведет свой безмолвный разговор с котом.

«Такие вот, знаешь ли, новости. Радует «Радио Швеции», ничего не скажешь... Мало того, беспокоятся, как бы никто от нашей великой воинственности не пострадал! Мол, в сложившихся условиях трудно сохранять спокойствие, надо бы пересмотреть собственную систему безопасности!» – бунтарски вскидывает голову, и тут же понимает, что ни при чем тут она и никто ни при чем, а просто так и должно было быть... Все до нее, глупой птицы-синицы, сказано, рассказано и по полочкам разложено. Недостаток информации, влияние сильных мира... Вот только она-то любила Швецию – детский уютный мирок, любила открыточный Стокгольм; и оттого – будто личная ей, Леле, обида, а на кого обижаться – неведомо.

Кот внимательно глядит на девочку. О чем грустит его подружка? Почему задумчиво жует недозревшую горькую ягоду рябины, напряженно вглядываясь в соседнее окно?

***

Но среди случайных мыслей, среди шведской Лелиной печали был и другой вопрос, который не мог разрешить никто. Почему так грустна хозяйка ее пушистого товарища? Почему так печально рассматривает фотографию на окне, а у неполитых гераней желтеют листья?

Кот, наверное, знал ответ; но коты не умеют говорить. И неизвестное девочка по привычке домысливала сама. И выходило, что те двое с фотографии – из Грозного, и женщина в окне ничего не знает об их судьбе. Лейла вспоминала

веселую девочку с розовым мячом, пыталась вообразить ее испуганно прижавшейся к бледной усталой матери – где-нибудь в подвале, среди развалин, пыталась представить ее, наверное, совсем взрослые печальные глаза... Но видится ей лишь дивный летний день, беззаботная, смущенная улыбка; и радость веселой игры, с таким трудом сдерживаемая перед «взрослой» Лейлой... И Лель, сама не меньше девочки оробевшая от неожиданности, кинув мячик во двор, спешит скрыться в комнате. Ах, если б не вечная ее привычка – скрыться, спрятаться, наблюдать неслышно и незаметно за этим миром! Были бы они с незнакомкой лучшими подругами, звонили бы друг дружке по праздникам и иногда просто так... И не пришлось бы Лейле заглядывать понапрасну в чужие окна, и быть бы ей рядом в любой печали и радости.

***

Лейла на ощупь знала теперь шкалу настройки; и знала теперь, что русский эфир «Радио Швеции» начинается в полдвенадцатого, а перед этим – эфир на английском. Что-то похожее на русский – это «Голос России», но на болгарском. Какое-то немецкое радио, названия которого Лейла не знала – передачи на русском о немецких деятелях культуры.

Два диктора «Радио Швеции» – Ольга Макса и Ирина Мокридова. Лель нравится голос Ольги и фамилия Ирины.

Новости о Грозном сменяются новостями местными, шведскими – и, привычно жадная до всего нового, Лель уже и сама не знает, что ей интересней. Закон о перлюстрации электронных сообщений; и «перлюстрация» – странное и незнакомое слово. Лель вспоминает школьные уроки. «Определите значение слова по контексту…» «Утром надо в словарь заглянуть», – как-то расслабленно и сонно думает она; но все, что так важно и необходимо вечером, забудется утром; и толстый коричневый Ожегов останется лежать на самой верхней книжной полке. Погода – в Стокгольме, Мальме, Гетеборге и в заполярной Кируне. Это ведь тот самый Мальме, куда ездила малышка Червен из любимой детской книги…оказывается, он не придуман, этот город, он есть на самом деле, и вовсе не маленький и захолустный, как представлялось отчего-то Лель в детских полусонных дремах под мелодичный, успокаивающий голос матери.

А новости меняются день ото дня. «Военные действия были начаты...», «были обстреляны российские посты, жилые кварталы...» Сухо, бесстрастно, как полагается, читают не ими сказанные слова Ольга Макса и Ирина Мокридова. Какие вы, когда кончается эфир – там, в милом открыточном Стокгольме? Как живете, о чем думаете, о чем болеете и тревожитесь? Вряд ли о Чечне; что вам далекая маленькая страна…

***

На следующий день Лейла, не в силах больше оставаться наедине со своими мыслями, напросилась в гости к своей подруге Азе. Впрочем, это была так себе дружба от случая к случаю, больше по старой памяти о тех временах, когда девочки вместе увлекались всякой мистикой вроде инопланетян и переселения душ, бродили по заброшенным стройкам или пристраивали бездомных котят и мечтали о спасении мира. Тогда Лель без всяких сомнений завела бы разговор о Грозном, о «Радио Швеции», о женщине из окна с геранями... И Аза поддержала бы, утешила и непременно бы что-нибудь придумала. Хотя что тут придумаешь… разве что прямо заявиться и спросить что-нибудь вроде: «А эти ваши родственники, они из Грозного, да?» А что, Аза могла бы, всякие безумные идеи – это по ее части.

Но Аза давно уже предпочитала Лелиному обществу какие-то модные «бутики», выкрасила волосы в рыжий цвет и выстригла косую челку... Вся обвесилась значками и цепочками, обзавелась сумкой какой-то фантастической расцветки... Она и Лелю пыталась увлечь – и та по привычке охотно следовала за подругой, но все больше ощущала, до чего же ей чужды все эти «эмо», «ска» и прочие «неформалы»; музыка, которой так восхищалась подружка, не трогала ее, да и до новых Азиных знакомых, «бутиков», концертов вовсе не было дела...

Косую челку Аза сменила потом на прямую, но до самых глаз; волосы укладывались какими-то неопрятными космами, и считалось, что это красиво. Потом выкрасилась в блондинку, но уверяла всех, что блондинка – это совсем другое. А она – «белая».

А Лель все держалась за давнюю дружбу, тоскуя о прежней Азе.

Девочки сидели на диване, похрустывая чипсами; рядом попрошайничала Азина собачка Муха – маленькое, вертлявое, вечно дрожащее существо. Лейла терпеть ее не могла; но сейчас то угощала ее очередным лакомым кусочкам, то пыталась погладить – и бестолковая псина с визгом отскакивала в сторону, чтобы через секунду вновь виться у ног, жалобно заглядывая в глаза попеременно то одной, то другой девочке... Лель была благодарна Мухе – получалось, что и она, птица-синица, вроде как при деле, с собачкой забавляется, а не сидит с глупым видом, пытаясь сказать что-то внятное.

А разговор не клеился совершенно. Лейла привычно хвалила новую песню незнакомой ей группы, не отличая ее, впрочем, от других, слышанных до этого; обсуждала Азиных друзей, с которыми вряд ли когда-то доведется встретиться…

– Слушай, у тебя родители тоже домой приходят – и сразу в телевизор? Олимпиада там, новости? – начала издалека Лель.

– Ну, Олимпиаду я и сама смотрю, а вот новости… – отвечала Аза, смерив Лель презрительным взглядом (и поделом тебе, птица-синица! кто ты такая, что о себе возомнила? неужто кому-то интересны твои ребячьи заботы?) – И, главное, целый вечер одно и то же, одно и то же! Как самим-то не надоедает...

Кто разберет, что за мысли в голове у ветреной Азы; но то, что она, вечная бунтарка, всегда против родителей, давно известно – так чего еще было ждать! Лель чуть не плачет от досады: теперь-то уж точно не будет того разговора, ради которого и затевала она все это. И уже торопливо, собираясь домой, видит на шкафу, в пластмассовом ведерке из-под майонеза, треснутом, тощую блекло-желтую ветку герани. Хоть и жалкая ветка – но две алые шапки на конце измученных стеблей точь-в-точь такие, как на милом ей соседнем окне. Как зачарованная, глядит она на засыхающее растеньице и, набравшись смелости, спрашивает:

– Аз, тебе эта герань нужна?

– Да ее выкинуть давно пора, мама еще дня три назад выкинуть просила... А что?

– А ты не против, если я заберу ее? Люблю герань...

Аза удивленно пожимает плечами, хмыкает снисходительно – и вот уже Лель мчится домой. Словно на крыльях летит, бережно, словно маленького ребенка, прижимая к себе ведерко с геранью, укрывая его от малейшего дуновения ветерка. А погода совсем портится; с утра все хмуро и серо, и брызжет не то чтобы дождь, а какая-то ерунда.

Лейла ставит герань в углу балкона, нежно глядит на нее... Кот да герань – две хрупкие ниточки, что связывают ее с неведомым миром соседнего окна.

А что, неплохая мысль, вот так подойти да сказать: «Вы знаете, у вас герань точь-в-точь, как у меня!»... Нет, глупость, конечно, совершеннейшая, смешно и по-детски… и все-таки…

Лейла случайно задевает рукой хрупкий стебель, и огненно-красная кисть безжизненно и жалко падает на бетонный пол. Девочка задумчиво вертит цветок в руках, не зная, как теперь быть; привычная «шкурка» молчаливой наблюдательницы невыносимо тесна ей – но как ее сбросить? И нужно ли, или все только фантазия и блажь?

***

Весь вечер родители были заняты. Папа чинил кран в ванной, мама что-то варила на кухне и порой сердито перекрикивалась с папой.

Капли дождя громко стучали по подоконнику. Лейла сидела на кровати и смотрела новости. Дождь мешал; к голосу диктора приходилось напряженно прислушиваться. С кухни доносился тихий звон крышек от кастрюль; всю квартиру окутывали ароматы наваристого мясного бульона.

Довольно молодая усталая беженка надрывным голосом что-то отвечала на вопросы корреспондента. Рядом с ней стояла испуганная девочка лет двенадцати, может, младше, просто очень высокая и взрослая – видимо, дочь. Обе были в какой-то блеклой домашней одежде. Девочка, казалось, хотела прижаться к матери и заплакать, уткнувшись в цветастый халат, но не смела. Не репортаж поразил Лель – не было уже чувства первого впечатления, какой-то новизны, лишь горечь и боль, сопереживание и сознание собственного бессилия. Нет, ей показалось вдруг, что где-то она видела этих двоих. Дочь была очень похожа на мать, и сходство это было Лейле как-то странно, до внутренней дрожи родным и знакомым.

Внезапная догадка поначалу испугала девочку. Нет, этого не может быть. Просто не может, и все тут! Так не бывает; это просто скука и одиночество, да глупая любовь фантазировать обо всем на свете; да слишком много новостей – и все об одном. Откуда ей, глупой птице-синице, знать, о ком плачет женщина из соседнего дома? Кто она такая и откуда те женщина с девочкой с фотографии? Кем они приходятся ей? Где они сейчас? Грозный так далеко, тысячи километров…

«Нет, это не они, просто совпадение, случайность. Я уже совсем больная этим городом, мама права – нечего там смотреть», – думала Лейла. Но все больше убеждалась в обратном. Это была та самая женщина и та самая девочка, улыбнувшаяся ей когда-то. Только теперь девочка была постарше и не улыбалась. «Что делать? Надо же что-то делать...» – беспокойно думала она.

Дверь балкона предательски лязгнула. Пахнуло холодом и промозглой сыростью. Занавеска гигантским пузырем вздыбилась от ветра.

«Глупо, ужасно глупо... Все ж не каменный век; уж если все хорошо – наверное, позвонили, еще как-то дали знать; да и телевизор – зря что ли…»

Лель вглядывалась в соседнее окно. Она еще надеялась увидеть там синеватое мигание экрана. Но в окне было тихо, темно и пусто. Даже форточка была закрыта. Серый кот страдальчески сжался снаружи, и ветер трепал его мокрую шерсть.

«Репортаж уже все равно кончился... Да ведь есть же еще вечерний выпуск новостей, она увидит, узнает... А вдруг ей от волнения плохо стало? Вдруг еще чего случилось?» – думала девочка. Дождь противно покалывал лицо.

– Леля, – раздался откуда-то из кухни сердитый мамин голос, – ты что, балкон открыла? Закрой сейчас же! Выдумала… Сквозняк такой!..

Лейла чувствовала себя как будто в каком-то тумане. Оглядевшись по сторонам, крепко уцепилась за край балкона, перекинула одну ногу, вторую… Мокрые листья рябины бьют по щекам. «Ну, прыгай же, птица-синица!» Зажмурившись, разжала руки и неуклюже приземлилась на мокрый газон.

К ладоням пристали кусочки отваливающейся краски, болело колено, ушибленное и ободранное о шершавую стену. Ветер безжалостно продувал тоненький домашний халатик… «Как в новостях, – подумала Лель, – на улице в халате и домашних тапочках. Нет, это уже бред полнейший! Не смей! Не смей, Леля, так думать! Никогда!»

Она привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до соседнего подоконника, поманила кота... Мокрый озябший кот доверчиво прижался к девочке и вцепился в ее плечо – чтоб не бросила.

Домофон казался почти непреодолимым препятствием. В нужную ей квартиру Лейла никогда не решится позвонить, надеяться на то, что кто-то выйдет или зайдет, было просто глупо. Кому понадобится куда-то идти в такой дождь? А если и понадобится? Что подумают о девчонке с кровоточащей ссадиной на коленке, в домашнем халате и тапочках, с чужим котом на руках?

Из подъезда выходят какие-то парни с надписью «Служба доставки» на одинаковых красных комбинезонах. Лейла плечом придерживает дверь. Колени дрожат. Сердце колотится так громко, что слышно, наверное, на всех этажах, и, вроде, немного кружится голова. Девочка в нерешительности смотрит на звонок. Устраивает поудобней кота на плече и нажимает тугую черную кнопку. Мелодичная тихая трель затухает где-то в недрах незнакомой квартиры. «Убежать, – думает Лель, – бросить кота и убежать. Мало ли кто впустил кота. Нет, нельзя. Назад пути уже нет. Ох, и трусиха же ты, птица-синица. Тише, котяра, не царапайся! Тяжеленный-то... Ну спасибо тебе, полосатый, спасибо, что б я без тебя делала…Ни в жизнь бы не решилась… Вот только скорей бы хозяйка твоя открывала. Не смей нервничать, птица-синица! Что-то скажет мама... Папа просто будет молчать и хмуриться…Спокойно, Леля, спокойно…»

Все эти мысли промелькнули за какие-то доли секунды. За дверью раздавались неторопливые шаги, щелкнул ключ... Лейла прижалась плечом к холодной стене; мокрый кот нетерпеливо вырывался из рук…

«А молодец ты все-таки, птица-синица, удивительнейший молодец! Может, я все-таки ошиблась? Может, это не ее родня и вообще Грозный ни при чем? А может, она уже давно все знает? Да нет же, все хорошо и правильно…»

Дверь приоткрылась. Лель отпрянула от стены, перехватила кота, уже совсем было сползшего с плеча, и стало вдруг легко и понятно – что ни скажешь сейчас, новость эта будет желанной и нужной. А подъезд наполнялся густым духом кухни, цветов и домашнего уюта...

Поэзия

Тауз Исс

Вокзал

Твои перроны опустели.
Кого ты ждешь?
Кому кричишь?

***

Белый Жрец уходит,
Бросив красный факел
В сердце, что восходит, как звезда.

***

Сегодня умерла река,
Не широка, не глубока,
Она века текла, текла,
Сегодня умерла река.

***

Балкону немножко страшно –
Он шагнул в пространство.

***

Я верю тому,
Кто грустит среди общего
шумного счастья,
И первой звезде,
Сзывающей в сумерках
сонмища звезд,
Ребенку
и птице, посаженной в черную клетку,
Дорогам земным
И реке, утекающей в ночь.

***

Скорбящие звуки заката
Мне бросили пламя в лицо.
Шагала ночь кругами ада,
И голос был: «Забудь ее»…

***

Электричка ныряет
В длинный узкий туннель
И увозит с собой
Долгий железный крик.
Сотни, тысячи, толпы людей
В подземельях блуждают,

Будто в поисках давней потери,
И сшибаются двери,
Смыкаются неотвратимо.
В этот миг
В подземелье, которое глубже
могилы,
Понимаю библейское:
«Все – суета»…

***

В этом озере
Вода утонула в воде,
Войдя в глубины тишиной

Джоконда

Не мы ее –
Она нас
Со-зер-ца-ет

***

Мне ранят душу крики птиц
Огнем нечаянного страха

***

Я завидую облакам:
В их свободном движении
Гармония линий,
И змеиная ласка,
И сострадание…

***

Утром
После первого снега
Вдруг стало видно,
Как много голых ветвей
у деревьев

***

Есть звезды разные
кладбищ камней пустынь
домов воды деревьев птиц дорог
людей огня любви цветов и песен
моя же та
что в сумерках красивых
над Родиной торжественно встает

Воспоминание

Глаза весенних женщин
полны недоуменного счастья
охапки пылающих цветов
брызги майской пены
магнетизм притяжений
ярость одиннадцатичасового солнца
стекает с крыш деревьев
плеч и улыбок
краски поют дерутся
созидают до исступления
скорей бы весна…

***

Когда мои глаза
Зароют в землю,
Они взойдут молниями
Красного шиповника.

***

Гребнем рук
Расчеши свои синие волосы
И умойся весенним зеленым дождем,
А потом, взявшись за руки, по лесу
Мы пойдем –
Мы с тобой,
Мы вдвоем…

***

Правда ли,
Что звезды – это души умерших,
Правда ли, что Млечный путь –
Это след любви,
Правда ли, что мир бесконечен
И вечен,
Правда ли, что где-то на свете
есть ты?

***

Муравьиный рассвет расползается,
Тащит добычу – Солнце.

***

Во всех синих почтовых ящиках мира
Лежат мои белые неотправленные
письма к тебе
В желтых мельницах
серыми жерновами
Перемолоты зерна моего горя
Выпечен дурманящий душу
хлеб моей любви
Во всех химеричных женских глазах
Околдованных неуловимостью – ты
Во всех проповедях реликвиях
и молитвах мира – ты
В моей комнате уходящей
Звонким окном в ночные костры – ты

***

Ты открыла дверь моей души
и вошла.
…Следы твоих глаз
Остались на моем лице

***

Я – тень твоего молчания,
Ты шагаешь во мне
До бессмертия.

***

Не рифмуется жизнь с судьбою
Точно так же как дерево с птицей
Как далеко небо от сердца
Никогда не смешаются
дым весенний
с дымом осени
И растрепанный ветер с осенью
Гривы конские со звездою
Не рифмуются
Шепот с криком
Слезы со смехом
Закаты с восходами
Нож холодный с горячим сердцем
Доброта не рифмуется с подлостью
Жизнь любая с любою смертью
И действительность эта с душою
Одиночество с толпою

***

Рождение рассвета,
Как таяние льда.

***

Землетрясенье на земле землетрясенье
Кочуют яблоки в саду из лета в осень
Они планетами летят в горячей ночи
А утром видишь
Тихий сад
Плодами зрелыми забросан…

***

Я храню молчаливость
Над росписью лиц.

***

Людей облитых
желтым светом
За поворот
трамвай увозит
Его колеса брызжа искрами
Немыслимый аккорд выводят
Как будто душу
положили
На грани рельс
и… переехали

***

Мы – респектабельные
Сытые сознанием собственного махрового «я»
Густоволосые лысые или плешивые
В галстуках или без галстуков
Одетые обязательно по моде
Обязательно принимающие пищу три раза в день
Двигающиеся вне времени и пространства
Говорящие умные речи
Пытающиеся не думать о «быть или не быть»
Пытающиеся влюбляться
Выдавливающие из спрессованных внутри слез улыбки
Стесняющиеся подавать нищим милостыню
Не имеющие мужества сказать по большому или малому поводу
Свое
Собственное мнение
Блаженно закрывающие глаза перед подлостью
Принимающие таблетки но не от «зубной боли души»
Ежедневно сплетничающие
Влюбленные в свои отражения в зеркалах
Боящиеся не выспаться
Посылающие космические корабли во Вселенную
Создавшие государства и законы
Убивающие поэтов как собственную совесть
Любящие восходы и закаты
Ненавидящие зло и добро
Поющие Интернационал и неофашистские песенки
Сидящие на ядерной пороховой бочке
Любящие кино
Театры и оперетты
Пьющие вино
Выкуривающие тонны никотина
Создатели тюрем и цветочных оранжерей
Убивающие животных и ограждающие их от пуль заповедниками
Живущие в преддверии XXI века
Верящие или неверящие –
Кто мы?
Какую дверь мы откроем
В ночь на 1 января 2001 года
Куда мы войдем?..

1980 г.

Проза

Иса Гунаев

Доза

Повесть

Окончание. Начало в №№ 3–5.

Обгоняя одну машину за другой, включив аварийные фары, мужчины направились в городскую больницу.

– Будь осторожней, – предупредил водителя сидевший рядом. – Вдруг менты заметят.

– Да менты не страшны, – сказал мужчина, который сидел на заднем сидении, Муса лежал, положив ему голову на колени. – Главное – не соверши аварию. Нам каждая секунда дорога. Парень может не дотянуть.

Муса был в очень тяжелом состоянии. Он был очень слаб, часто терял сознание.

Вдруг на трассе водитель заметил сотрудников ГИБДД.

– Черт! Их нам не хватало!

– Хоть бы не отобрали права, – сказал хозяин машины, сидевший рядом с водителем.

– А каких правах ты говоришь? – отругал его водитель. – Хоть бы дали довезти парня до больницы. Как он там? – спросил водитель у товарища, который держал в своих руках голову Мусы.

– Плохо. Не останавливайся, даже если поднимут жезл. Нам нельзя терять ни секунды. Парень очень серьезно ранен.

Водитель чуть сбавил скорость, когда они подъезжали к сотрудникам. Но полицейский все-таки поднял жезл и потребовал остановиться.

Машина не отреагировала. Хозяин авто крикнул в окно сотрудникам, что они везут в больницу человека в тяжелом состоянии. И водитель прибавил скорость, когда они проехали пост.

На сотрудников полиции не подействовали слова мужчины. Они устроили за ними погоню. Это заметил хозяин машины, который очень переживал за свое водительское удостоверение.

– Зелимхан, останови, – сказал он водителю. – Они погнались за нами.

Но водитель останавливаться не собирался:

– Может, успеем доехать до больницы. А там пусть догонят и делают, что хотят.

– Тебе легко говорить, – не сдавался хозяин машины. – У тебя-то никаких проблем не будет.

– О каких проблемах ты говоришь? – отругал его мужчина, который сидел на заднем сидении. – Тут человек при смерти. Вот у кого проблема.

– Думаешь, ментам мы сможем это объяснить?

– Чего ты так боишься? Менты, менты… Менты что, не люди что ли? Поймут, так поймут, не поймут, так я все возьму на себя. Не переживай.

Пока они спорили, сотрудники догнали их и остановили, перекрыв дорогу своей машиной.

Двое сотрудников полиции вышли из машины и направились к ним.

Водитель тоже быстро вышел из машины и пошел им навстречу.

– Почему не остановился? – спросил водителя сотрудник.

– Понимаешь, командир, – скороговоркой заговорил водитель, – мы везем раненого парня, он в очень тяжелом состоянии.

– Да ты пьян! – воскликнул полицейский. – Ты же на ногах еле стоишь! Второй сотрудник в это время подошел к их машине.

– Речь не об этом, – торопился водитель. – У нас в машине раненый парень.

Давайте отвезем его в больницу, потом поговорим. Он в тяжелом состоянии.

Второй полицейский заглянул в машину, в которой везли Мусу, и быстро сел за руль.

– Быстро посади его в нашу машину и поезжай в больницу, я за тобой, – крикнул он своему напарнику и со свистом тронулся с места.

Второй патрульный посадил в свою машину пьяного водителя. Затем, включив сирену, опередил машину, в которой везли Мусу, и сопроводил ее в больницу.

По пути сотрудники предупредили работников больницы, что они везут раненого.

У входа в больницу их уже ждали медики.

С помощью сотрудников полиции и мужчин, которые привезли Мусу, врачи уложили его на носилки и забрали в операционную.

Сотрудники полиции и трое мужчин остались на улице.

– Кто в него стрелял? – спросил полицейский мужчин.

– Мы не знаем, – ответил за всех хозяин машины. – Понимаешь, командир, мы не хотели в таком состоянии садиться за руль. Я вызвал племянника, чтобы он отвез нас. Мы не знали, что так произойдет.

Хозяин был настолько растерян, что не понимал, о чем говорит. Его решил поддержать приятель, который первым обнаружил Мусу.

– Понимаешь, брат, он просто растерян, он боится, что у него из-за пьянки будут проблемы. Мы просто сидели, отдыхали, когда услышали выстрелы. Потом побежали туда, откуда доносились выстрелы, нашли там этого беднягу, истекающего кровью. Мы быстро забрали его в машину и помчались сюда.

– Ну, этим делом будут заниматься соответствующие органы, – сказал полицейский. – Они уже в пути. И если ты говоришь правду, я вам обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы у вас из-за этого проблем не было. Что мы, не люди, что ли? Вы поступили благородно. Молодцы.

Шел третий час ночи. Врачи продолжали бороться за жизнь Мусы.

Много родственников собралось в помещении больницы. Здесь находились и сотрудники полиции. Муса еще находился в реанимации.

В половине третьего к ним вышел врач. Навстречу поднялись Магомед и Магди.

– Кто вы ему? – спросил врач.

– Я дядя, – сказал Магди. – А это отец.

– Мы сделали все, что было в наших силах, – сказал врач после небольшой паузы. – Но мы бессильны против смерти.

Магди и Магомед опустили головы. Друзья и братья Мусы не смогли сдержать слез.

Сотрудники полиции с пониманием отнеслись к горю семьи и покинули помещение. Но перед этим они подошли к Магди и Магомеду.

– Примите наши соболезнования, – сказал старший. – Мы пойдем. Но вы, наверное, понимаете, что мы будем вынуждены вас еще потревожить. Мы должны будем разобраться в этом деле.

Магомед настолько больно воспринял смерть Мусы, что не мог даже говорить. Он изо всех сил пытался держать себя в руках.

– Да, конечно, – сказал Магди. – У вас своя работа. Приходите, разбирайтесь. Мы в вашем распоряжении.

Больше всех из друзей переживал смерть Мусы его самый лучший и близкий друг Анзор. Пока, конечно, еще никто не знал, от чьих рук погиб Муса, даже не знали, кого подозревать. Муса был не тем человеком, у которого могли быть враги. Больше всего информации было у Анзора. Днем ранее Муса расспрашивал его о Казбеке. Но Анзор решил пока никому ничего не говорить.

– Когда мы можем забрать тело? – спросил Магди врача.

– Когда вам будет удобно, – ответил тот. – Наша карета скорой помощи в вашем распоряжении, если потребуется.

Воспользовавшись услугой больницы, уложив труп в машину скорой помощи, родственники и друзья Мусы поехали домой.

Когда труп Мусы занесли в дом, а машину скорой помощи отправили обратно, старший брат Мусы, Мовсар, собрал на улице его друзей.

– Кто мог это сделать? – спросил он их. – У вас есть хоть какая-нибудь информация?

Все пожимали плечами.

– Вчера утром он расспрашивал меня о Казбеке, – сказал Анзор. – Я не хотел об этом говорить, пока не появится хоть какая-то зацепка. Ты же понимаешь, как опасно в этом деле ошибиться или сказать что-нибудь необдуманно, к чему может привести неосторожно брошенное слово.

– Кто такой Казбек? – спросил Мовсар

– Мы учились вместе, в одном колледже. Не знаю, зачем о нем спрашивал Муса, но Казбек наркоман. Его даже отец выгнал из дома.

– Что их может объединять?

– Понятия не имею.

Здесь же находились еще трое двоюродных братьев Мусы. Это были сотрудники полиции, и они были при оружии.

– Ты знаешь, где он живет? – спросил Мовсар.

– Да, – ответил Анзор.

– Назови адрес.

– Адреса я не знаю, но могу привести к его дому. Но дома мы его вряд ли застанем. Он там не живет.

– Ничего, – сказал Мовсар. – Пусть и его родня хлебнет с нами горя, которое их сын принес в наш дом.

– Не греши, – предостерег его брат-полицейский. – Мы еще не знаем, кто это сделал.

– Больше никто не мог, – сказал Мовсар. – Я в этом уверен.

Мовсар с вооруженными братьями и Азором быстро сели в машину и уехали.

Анзор, конечно, знал адрес Казбека. Но он специально его не назвал, чтобы братья Мусы взяли его с собой.

На улице уже начало светать, когда братья Мусы приехали к дому Казбека.

Мовсар подошел к воротам и стал громко стучать.

– Кто там? – послышался мужской голос со двора.

– Откройте ворота, – крикнул Мовсар.

– Кто вы? Кто вам нужен? – голос постепенно приближался к воротам.

Братья приготовили оружие к бою, сняв его с предохранителей.

– Открой ворота, и ты узнаешь, кто мы и кто нам нужен.

Щелкнул ключ в замке, и Мовсар силой открыл ворота, отталкивая мужчину. Хозяин, мужчина средних лет, очень испугался и растерялся, когда во двор вбежали вооруженные полицейские.

– Здесь живет Казбек? – спросил его Мовсар.

Один из братьев приставил к голове хозяина пистолет и, приложив палец к губам, предупредил того, чтобы он не кричал.

– Он жил здесь, – дрожащим голосом ответил мужчина. – Но его давно не было дома. Он уже давно здесь не живет.

В это время к ним во двор вышел мужчина пожилого возраста. Это был отец Казбека. При виде вооруженных людей, один из которых приставил пистолет к голове его сына, старику стало плохо, и он медленно осел на землю.

Мужчины подбежали к старику и подхватили его. Сын побежал в дом. Один из братьев преградил ему дорогу.

– Я за валидолом, – сказал тот. – Для отца.

Его пропустили.

Через пару секунд сын прибежал к отцу и подал ему валидол и стакан воды.

– Кто вы? – спросил старик, когда пришел в себя.

– Вы отец Казбека? – спросил Мовсар.

– Да, – с трудом ответил старик.

– Около трех часов назад погиб мой брат. Мы располагаем информацией, что он умер от рук Казбека. Где Казбек?

Старику было очень трудно говорить.

– Лучше бы вы убили меня, чем прийти с такой новостью в мой дом. Смерть я принял бы легче, чем эту новость. Салман! – позвал старик своего сына.

Сын присел рядом с отцом.

– Что, отец? – спросил он его.

– Найдите его, – сказал отец сыну. – Найдите. Не ждите, пока эти парни его найдут первыми. Не дайте им испачкать руки его грязной кровью. Найдите и убейте его. Я не вынесу такого позора.

– Хорошо, отец. Обязательно найдем, только ты успокойся.

– Я очень боялся этого дня. Я чувствовал, что это когда-то произойдет. Не смог я уберечь семью от позора. Вот что нам принесли его наркотики. Делайте с нами что хотите, – обратился старик к братьям Мусы. – Мы виновны перед вами. И готовы искупить свою вину.

Братья переглянулись и решили покинуть дом виновников их горя. Ничего не ответив хозяевам дома, они развернулись и вышли из этого двора.

– Жаль, что не успеем отомстить до восхода солнца, – произнес Мовсар, когда они отъехали от дома Казбека. – Но надеюсь, что долго ждать не придется. Я очень не хотел, чтобы он дожил до рассвета.

На улице уже было достаточно светло, когда братья приехали домой.

Во двор Магомеда с раннего утра начали приходить люди, чтобы разделить горе его семьи.

В тот же день, после дневного намаза, тело Мусы, как того велит религия, было предано земле. Его похоронили в горном районе Чечни, на их родовом кладбище.

На второй день после похорон, вечером, в доме Магомеда собрались мужчины семьи. В зал пригласили Малику. Что и как произошло, они уже знали, но Малику нужно было выслушать.

Малика еле двигалась. Видя ее состояние, Магди разрешил ей сесть и попросил рассказать все, что ей известно, в мельчайших подробностях.

С большим трудом Малика рассказала мужчинам все, как и просил Магди, до мельчайших подробностей.

Магомед слушал Малику с большой болью в душе. Конечно, он ей верил, верил каждому ее слову. Ему было больно даже смотреть ей в глаза, было искренне жаль эту маленькую, хрупкую девочку, которая только начинала жить, а жизнь уже послала ей такое тяжелое испытание.

Наконец, Малика закончила говорить. Ей больше нечего было добавить. Она сидела среди мужчин, словно ягненок в окружении волков. В зале наступила тишина. Все ждали, какую оценку словам Малики даст Магомед.

– Когда Муса был жив, – наконец произнес Магомед, – ты была мне невесткой. Теперь ты мне дочь. Иди, Малика, отдохни.

Малика еле встала и вышла из комнаты. Здесь теперь остались одни мужчины, и они обсуждали план дальнейших действий.

Ближе к полудню следующего дня в дом Магомеда пришел Шамиль, имам их района. У Магомеда в то время находился и Магди. Они были оповещены о визите посланцев и ждали их.

Здесь же, в зале, где вчера совещались мужчины семьи Магомеда, они собрались тем же составом, и дополнили его только двое имамов-парламентеров.

– Ко мне вчера ночью пришли люди по просьбе рода наших обидчиков. Это имам их района, Ваха-хаджи, – сказал Шамиль. – Как вы знаете, в республике создана комиссия по примирению кровников. Мы с Вахой-хаджи входим в эту комиссию. Но не поэтому мы у вас дома, мы просто обязаны прийти к вам.

Наши обидчики просят принять их с прошением о помиловании.

– Спасибо вам за богоугодное дело, – сказал Магди. – Семья, которая не столкнулась с кровной враждой, наверное, никогда не поймет ни одну из сторон конфликта. Тяжело как одной, так и второй стороне. Одни живут в постоянном ожидании, что получат новость о смерти своего человека. Вторые – надеждой, что вот-вот кровник попадет в их руки и они отомстят обидчику. Избавить людей от этого тяжкого груза очень богоугодное дело. К взаимному прощению нас призывает не только Всевышний. Руководство республики делает все возможное для этого. Комиссия, в состав которой вы входите, – дополнительное тому подтверждение. Да поможет вам Аллах! Конечно, мы знали, что они пришлют людей. И твоего визита мы тоже ждали, Шамиль. Мы вчера очень долго совещались и приготовили вам ответ. Нам жить с ними на одной земле, в одной республике. Конечно, мы не можем враждовать тейпами. Мы не исключаем, что если бы Муса оказался ловчее, хитрее и сильнее того парня, возможно, сегодня нам пришлось бы отправить к ним парламентеров. Возможно, нам пришлось бы опустить перед ними головы и просить о помиловании. Но ситуация повернулась так, что они виновны перед нами. Неизвестно, что нас ждет завтра, возможно, кто-то из наших ребят так же опозорит и унизит нас перед другими тейпами. Ведь молодежь не всегда управляема. Молодые быстры, самонадеянны, горячи, и часто этим доставляют хлопоты. Все мы смертны, каждый человек умрет, но и умирают люди при разных обстоятельствах. Кто-то по неосторожности, кто-то из-за чьей-то халатности, но сегодня мы говорим о случае умышленного убийства. Как мы знаем, безнаказанность порождает зло. Мы вынуждены были бы простить кровь, мы не имели бы права объявлять кровную месть, если бы смерть нашего человека настала в результате совместного распития спиртного или произошло бы это в дорожной аварии и так далее. Но этот человек хотел принести в наш дом, в нашу семью позор и унижение. Муса погиб, защищая честь своей семьи и нашего рода. Он не имел ничего общего с этим человеком и наркотиками. И ничего плохого о нем мы не слышали. Ты знаешь нас, Шамиль, знаешь нашу семью и знаешь, говорю ли я правду.

Шамиль согласно кивнул головой.

– При всем уважении к вам, – продолжал Магди, – к вашей комиссии, к нашему руководству, я не смогу простить этого человека. Кроме того, что мы мусульмане, мы еще и чеченцы, и граждане России. Мы живем под тремя законами: шариата, адата и Конституции. И какой бы вопрос перед нами ни встал, мы должны искать золотую середину. А решить проблему, соблюдая все эти три закона, не нарушая ни одного из них, я не представляю возможным. Кровь же нужно смыть только кровью. Я говорю о крови, пролитой умышленно.

Имамы согласились с ним. Магди закончил свою речь, предоставляя слово Магомеду.

– Дети хоронят родителей, – после небольшой паузы начал говорить Магомед. – Это закономерность. Конечно, им это тяжело, но еще тяжелее родителям хоронить своих детей. Родители видят, как растут их дети, они радуются их первому шагу, первому слову. Но дети родителей такими не видят, они узнают родителей уже взрослыми, здоровыми, сильными. Никто, наверное, не поймет, как мне было тяжело смотреть на то, как тело Мусы укладывают в могилу. Извините, что я так говорю. В этот момент перед моими глазами пробежало все его детство. Я вспоминал, как этот маленький, беззащитный человечек радовался жизни, его первый шаг, его первое слово, его первый смех. Это очень тяжело, Шамиль, Ваха-хаджи. Я никому, даже злейшему врагу, не смогу пожелать такого. Ты знаешь, Шамиль, как я воспитал своих детей, как о них отзываются люди. Извините еще раз, что я так говорю. Не жалей меня, скажи, как есть. Ты когда-нибудь слышал плохое о моих детях, племянниках и вообще о моей семье?

Шамиль отрицательно покачал головой.

– Детей воспитывать очень трудно, – продолжил Магомед. – А еще труднее их хоронить. Мы не можем враждовать тейпами из-за одного заблудшегося в жизни человека. Поэтому, мое слово: пусть приходят. Мы их примем, простим,

но виновника простить мы не сможем. Ты должен нас понять, Шамиль, должны понять и они.

Магомед тоже закончил свою речь, теперь слово оставалось за имамами.

– Мы внимательно вас выслушали. Ты хочешь задать им вопрос? – обратился Шамиль ко второму имаму.

– Я знаю о вашей семье только со слов Шамиля, – сказал Ваха-хаджи. – И сегодня я убедился в правдивости его слов. Для меня большая честь находиться под крышей вашего дома, да убережет этот дом Всевышний от бед, и познакомиться с вами. Мне нечего вам сказать. Я с вами целиком и полностью согласен. Вы очень мудрые старцы, спасибо вам за ваш жизненный опыт, который вы передаете нам, молодым. Мы очень рады и горды, что у нас есть такие учителя, у которых нам есть что перенять и передавать подрастающему поколению. Обо всем, здесь услышанном и сказанном, я передам им. И в указанный вами день мы придем к вам.

Магди не стал откладывать день примирения в долгий ящик. Каждая секунда ожидания решения вопроса кровной мести давалась очень тяжело как одной, так и второй стороне. Но сегодня время не позволило бы им собраться и положить конец кровной вражде между тейпами, которая находилась в самом начале. И во избежание провокации, как сказал Магди, вопрос нужно решить в кратчайшие сроки, ведь затягивание могло привести к непредсказуемым последствиям.

На следующий день, ближе к обеду, к дому Магомеда начали приходить люди. Это были люди их тейпа. Они собирались, чтобы встретить людей тейпа Казбека.

Эту встречу старейшины тейпов, с участием представителей муфтията, проводили для того, чтобы у крови, пролитой Казбеком, не было продолжения. Конечно, представители тейпа Казбека не просили простить кровь самому виновнику трагедии, тем более, их уже известили, что прощения Казбеку не будет, так как он шел на убийство умышленно. Он и своим доставил немало хлопот из-за своей наркозависимости. Они и сами были готовы остановить его любой ценой. Но Казбек находился в бегах.

Обычай кровной мести официально запрещен. Но это древний, многовековой закон гор, обычай предков, он в крови и в костях горцев. Этот неписаный закон существует здесь веками. Этот закон в горах служил сдерживающим фактором. Если человек будет знать, что несколькими годами, проведенными за решеткой за убийство, он не отделается, что зло, исходящее от него, вернется так же, прежде чем совершить это страшное преступление, он все тщательно взвесит.

Семью Магомеда оповестили о прибытии противной стороны.

Делегации обеих сторон встретились на окраине города. Впереди шли старейшины и имамы.

Встреча длилась недолго, с обеих сторон здесь собрались сотни мужчин.

Переговоры проводили имамы, приглашенные представителями тейпов.

Они договорились, что их тейпы не будут враждовать между собой. О прощении крови самому виновнику их общего горя, Казбеку, его родственники не просили, но обещали, что не будут прикрывать его.

На том делегации разошлись.

Прошло более двух недель с тех пор, как убили Мусу. Семья Магомеда получила новость о том, что в Астраханской области был обнаружен и задержан Казбек. Его задержали за употребление, хранение и распространение наркотиков.

Эта новость в тот же вечер собрала мужчин семьи Магомеда в его доме.

– У кого какое предложение? – обратился к собравшимся Магди.

Здесь в основном были молодые ребята, в том числе и сотрудники полиции, двоюродные и троюродные братья Мусы.

– Я считаю, что одному из нас нужно попасть в тюрьму, где находится этот человек, и свершить месть, – предложил один из братьев.

В семье потерпевшей стороны не произносилось имя кровника, пока тот еще жив. Это считалось оскорбительным.

– А как ты планируешь попасть туда? – спросил Магди.

– Ну, у нас ведь есть и свои родственники, сотрудники органов. Они помогут сфабриковать дело, и легко можно будет добраться до него.

Конечно же, это предложение вызвало усмешку собравшихся.

– Ну и дурак же ты, Аслан, – отругал его Магомед. – Уголовников нам в семье еще не хватало. И вообще, чем ты думаешь? Во-первых, не было суда, неизвестно еще, куда его отправят. Во-вторых, ты хочешь создать проблему на работе своим братьям, сотрудникам. Не нужно торопиться. Мести ему не избежать. Люди ждут десятилетиями. И мы подождем, сколько нужно. Он все равно попадет в наши руки.

Мужчины еще долго совещались и, решив подождать подходящего момента, разошлись по домам.

Со слов своих родственников, сотрудников полиции, Мовсар узнал о том, что в поимке и задержании Казбека активное участие принял Юсуп. Друг детства и одноклассник Мусы, он использовал все свои и отцовские связи и возможности для его поимки и задержания. Юсуп даже выехал в Астраханскую область, и, воспользовавшись связями отца, сам принял непосредственное участие в задержании Казбека.

На следующий же день Магомед пригласил Юсупа в гости, чтобы поблагодарить его за оказанную поддержку их семье.

– Теперь, благодаря тебе, мы сможем хотя бы держать его под наблюдением, – сказал Магомед.

– Я счел своим долгом сделать это, – сказал Юсуп. – Такие люди не должны и не могут находиться на воле. К тому же этот человек убил друга моего детства. Моего лучшего друга. Я извиняюсь, что не совершил месть. Во-первых, мы находились на территории другого региона, а во-вторых, мы находимся в правовом поле России. Мы должны подчиняться и ее закону.

– О каком извинении ты говоришь? Ты сделал для нас очень многое. Конечно, мы не можем и не будем нарушать Конституцию, нам этого и не позволят. Но чеченцами мы должны оставаться в любом случае.

О том, что именно Юсуп способствовал скорейшему задержанию Казбека, конечно же, узнали и остальные друзья Мусы.

На второй день после встречи Магомеда с Юсупом, друзья решили собраться вместе и посетить могилу Мусы.

Над могилой друзья простили друг другу прошлые обиды. Здесь они собрались тем же составом, что и на свадьбе Мусы. Анзор, Аслан, Юсуп и трое других их одноклассников. Только Муса лежал в сырой земле. Здесь они дали слово друг другу, что до конца своих дней будут верны дружбе и больше никогда не переступят закон шариата.

Прошло пять месяцев, как семья Магомеда похоронила Мусу.

За это время в Грозном состоялся суд над Казбеком, его осудили на семь лет. Сначала Казбека отправили за пределы республики, но после руководством республики была создана комиссия по делам осужденных. Комиссия занималась тем, что переводила заключенных граждан в тюрьмы республики для отбывания дальнейшего срока на родине. В их число попал и Казбек.

Магомед и Магди категорически запретили своим даже предпринимать попытки совершения кровной мести, пока Казбек находился в руках правоохранительных органов. И братьям Мусы оставалось только терпеливо ждать окончания срока Казбека.

Однажды, глубокой ночью, Малике вдруг стало плохо, и Мовсар со своей женой отвезли ее в роддом.

Рано утром Мовсар приехал домой поговорить с отцом. Луиза и Лейла остались с Маликой в больнице.

– Отец, дела Малики очень плохи, – сказал Мовсар. – Врач сказала, что

им, возможно, придется сделать выбор между матерью и ребенком. Я не стал давать ответа от себя. Как нам быть? Что им ответить?

Магомед был очень подавлен. Он не исключал такой поворот. Малика столько пережила за последнее время. Шантаж и вымогательство Казбека, смерть мужа. Конечно же, все это не могло не сказаться на состоянии ее здоровья.

– Я чувствовал, что это может произойти, – после паузы ответил Магомед. – Конечно же, нужно сохранить жизнь матери. Ребенок, даже если и родится, не будет здоровым. А у Малики растет еще ребенок, без отца. Поезжай Мовсар, спасите Малику.

Мовсар быстро встал и покинул дом. Дети Мовсара и сын Мусы находились у племянника Магомеда, который жил по соседству, за ними присматривала сноха.

Ближе к обеду Мовсар приехал домой и сообщил отцу новость, которую тот очень боялся: врачи не смогли спасти жизнь ребенку.

– Что поделаешь? – сказал Магомед. – На все воля Аллаха. Значит, не дано было этому человечку увидеть свет земной, может, оно и к лучшему. Он ушел к своему отцу ангелом. А кто был-то хоть? Мальчик или девочка?

– Девочка, – ответил Мовсар.

Здесь Магомед не смог сдержать слез. Они потекли с его глаз ручьем. Мовсар понимал, что Магомед не хочет, чтобы он видел его таким, и быстро покинул комнату, оставив отца один на один со своим горем.

Имя внучке Магомед дал Хадижат. И похоронили Хадижат в тот же день рядом со своим отцом.

Прошло пять лет. Семья Магомеда узнала о том, что Казбек освобожден условно-досрочно. Днем к нему пришел имам их района, Шамиль. Он сообщил Магомеду, что Казбек за время, проведенное в тюрьме, осознал свою вину и ошибку. Что тот больше не употребляет наркотики, раскаялся в содеянном и просит у них прощения.

Магомед не дал ему ответа. Он сказал имаму, что посоветуется с семьей и даст ответ завтра.

Вечером в доме Магомеда снова собрались мужчины.

– Сегодня приходил Шамиль, – сказал Магомед. – Какой ответ мы ему дадим?

Конечно, время взяло свое. Оно хоть и не совсем, но как-то залечило раны в сердцах мужчин. Жизнь постепенно вошла в свою колею, и прежней злости и желания отомстить в сердцах собравшихся не было.

– А какой ответ хочешь дать ты? – спросил его Магди.

– Мусу нам уже не вернуть, – после небольшой паузы ответил Магомед. – Наш кровник, по словам Шамиля, понял свою ошибку, кается, совершает намаз, просит прощения. Имеем ли мы право не прощать, если к этому призывает нас Всевышний? Всевышний говорит нам: «Прощайте друг другу грехи и ошибки, и Я прощу вам». Нужно уметь прощать, нужно учиться не совершать ошибок. Я не смог бы его простить, если бы он продолжал вести аморальный образ жизни. Если бы он продолжал сеять зло на земле. Но сегодня это не тот человек, что был до ареста. Конечно, это мы знаем только со слов Шамиля, но не доверять его словам у нас нет основания. Человек, который вел аморальный образ жизни, который хоть в какое-то время понял, что он вел себя и жил неправильно, остаток жизни проводит так, чтобы на его ошибках учились другие. Я считаю, что мы должны дать этому человеку шанс. Шанс исправить свои ошибки и возможность дать урок другим. Если мы его не простим, нас люди осудят. И будут правы.

Наступила долгая пауза. Конечно, собравшиеся были полностью согласны с Магомедом. Но, как и обычно в большинстве случаев, молодежь мучил один вопрос: «Не примут ли люди их прощение за слабость, за несостояние свершить кровную месть, не засмеют ли их?» И старшие их, конечно же, понимали. Сами когда-то были молодыми, горячими и неопытными.

– Трудно с тобой не согласиться, – нарушил тишину Магди. – Но я понимаю и молодежь. Им достаточно одного нашего слова, одной маленькой искорки, и кровопролитие будет иметь продолжение. Мы не боимся крови, но и не должны дать продолжаться кровопролитию. Мы должны бояться народного суда. А народ нас осудит, если мы не простим. Лично я никогда не думал, что смогу простить виновного, тем более, если он пролил кровь. Но это тот случай, когда мы должны так поступить. Когда мы должны дать ответ Шамилю?

– Он сказал, как только сможете,– ответил Магомед.

– Не будем ждать. Не будем мучить себя и людей. Я понимаю, в каком они сейчас состоянии.

Магди отправил своего сына и племянника за имамом.

Шамиль не заставил себя долго ждать. Не прошло и получаса, как он сидел перед Магомедом и Магди. Братья рассказали ему о своем решении.

– Да отблагодарит вас Всевышний за принятие мудрого и единственно правильного решения, – сказал имам, выслушав их. – Всевышний воздаст вам за это. Я сегодня же отправлюсь к ним с этой приятной новостью. Завтра, по воле Всевышнего, мы положим конец кровной вражде. Освободим людей и себя от этих тяжких оков, мучительного ожидания.

Той же ночью, прямо из дома Магомеда, Шамиль отправился к семье кровника, договориться о времени встречи примирения на завтра.

Рано утром следующего дня у дома Магомеда собралось много людей. Это были мужчины их тейпа. Собравшись на улице, они пешком пошли к тому же месту, что и в прошлый раз, чтобы встретиться с людьми тейпа Казбека. Поход возглавили Шамиль и еще двое имамов.

Наконец, люди встретились на окраине города. С каждой стороны здесь участвовали сотни людей. Каждый, кто мог принять участие в этом богоугодном деле, считал это для себя обязательным.

– Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного, – начал выступление мулла, возглавлявший сторону виновников. – Этими людьми на меня возложена великая миссия. Они уполномочили меня вести с вами переговоры. Они принесли горе в ваш дом, в вашу семью. Сегодня они стоят перед вами, низко склонив головы, они виновны перед вами, они признают свою вину. Они просят вас простить их. Простить за то, что не досмотрели за своим человеком и позволили ему пролить кровь. Ради Аллаха, Ради Пророка (С.А.С.), ради наших шейхов и устазов, ради всех невинно убиенных на этой земле, ради нашего лидера, который днем и ночью борется за мир и благоденствие на нашей многострадальной земле, ради нашего будущего и будущего наших детей мы просим вас, просим простить нас, просим освободить от этих тяжких оков. Нам на этой земле и в потустороннем мире не на кого и не на что рассчитывать, кроме как на милость и прощение Всевышнего. И чтобы Всевышний простил нам грехи, нам нужно самим прощать их друг другу.

Имам закончил свою речь, предоставляя слово второй стороне.

– Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного, – начал выступление имам Шамиль. – На меня также возложена великая миссия участвовать в этом богоугодном деле. Мы надеемся, что вы понимаете, что эти люди вполне в состоянии свершить кровную месть. Но, ради Аллаха, ради пророка (с.а.с.), ради наших шейхов и устазов, ради всех невинно убиенных на этой земле, ради нашего лидера, который днем и ночью борется за мир и благоденствие на нашей многострадальной земле, ради нашего будущего и будущего наших детей эти люди прощают вас.

После выступления имамов к потерпевшей стороне, в ряд по одному, шли люди виновной стороны. Первыми шли имамы, за ними старейшины, они шли вдоль стоящих в ряд мужчин потерпевшей стороны и приветствовали их полуобъятиями, среди них шел и сам кровник. Он шел с накинутым плащом, закрывавшим все его тело, с капюшоном на голове. Обряд прощения заканчивался тем, что старший из потерпевшей стороны должен был снять с его головы плащ и обнять его. Это должен был сделать Магомед, отец погибшего.

Церемония прощения была завершена. И, вздохнув с облегчением, со спокойной душой, с чувством выполненного долга, люди начали расходиться по домам.

Прошло две недели. Ислам, сын Мусы, уже пошел в школу, в первый класс. Первым делом по возвращении из школы он заходил к дедушке и с огромным удовольствием рассказывал ему, как прошли уроки в школе. Магомед не мог нарадоваться им. И в то же время ему больно было смотреть в глаза Исламу. Малика осталась жить в семье Магомеда, чтобы быть рядом с сыном.

После обеда Мовсар приехал домой с работы. Он буквально вбежал в комнату Магомеда. Магомед сидел на коврике, на котором он только что совершил намаз, теперь перебирал четки.

Мовсар зашел в комнату и сел рядом. Он стал ждать, когда отец закончит молитву и предоставит ему слово. Магомед удивился его появлению дома в рабочее время. Мовсар еще ни разу не нарушал свой рабочий график.

– Что-то случилось? – спросил его Магомед после того, как закончил молитву.

– Казбек умер, – сказал тот.

– Какой Казбек?

– Который убил Мусу. Он умер от передозировки.

Магомед нисколько не изменился в лице. Он словно ждал этой новости.

– И ты этому радуешься? – спросил он Мовсара.

Мовсар не знал, что ответить, и опустил голову.

– Не знаю, – тихо ответил он. – Но нисколько не огорчен.

– Не злорадствуй. Это очень большой грех. Никогда не думал, что так спокойно приму весть о смерти человека, – сказал Магомед. – Это Божья кара. Не мог он жить счастливо.

– Он, значит, не завязал с наркотиками? Нас обманули?

– Не греши. Ты ничего об этом не знаешь. Может, он и бросил их. Но выпал случай, когда он снова мог попробовать, и он не удержался от соблазна. И даже если нас и обманули... Что ты видишь в этом плохого? Ты хотел пролить кровь? Пусть это будет на их совести. Не грех соврать с благородной целью. А Казбеку и всем нам Аллах судья.

На следующий день мужчины семьи Магомеда поехали на похороны Казбека.

Народу здесь было немного. Но и на лицах собравшихся, родственников умершего не было ни тени горя, боли утраты человека. Казбек был человеком без веры, без цели в жизни. Сначала он, возможно, принимал наркотики для удовольствия, но скоро они стали ему жизненно необходимы. И ради дозы, теперь уже не удовольствия, а просто необходимой дозы он был готов на все.

Много долгов за него родственникам пришлось возвращать людям. Конечно, о покойных или хорошо, или ничего. Никто об этом не говорил вслух, но ничего хорошего не оставил после себя Казбек. Ни доброго слова, ни доброго дела. Провел отведенный Всевышним срок на земле и ушел из жизни. Конечно, его не будут вспоминать добрым словом, но и плохого не будут говорить. А просто закопают в землю и забудут. Как будто его никогда и не было.

А стоит ли так жить? Жить, чтобы бесследно исчезнуть из нее?

Казбек жил только ради себя, ради собственного удовольствия, причиняя вред и горе окружающим. Не дай Аллах никому ни такой жизни, ни такой смерти.

Поэзи

Джебиев Хьусайн

Ойланаш къоналле кхийда

Леха ваьлча ирса седа
Яхна зама кегаеш,
Эрна дуй-те, олий, хета
Сатийсамийн хьесапаш.

Алу хилла, ц1арца догу
Карзахе сан къона дог,
Х1ора де и шелдеш дог1у,
Ирсан новкъа х1оттац ког.

Къоналлица сирла яьгна,
Дахаран шовкъ г1ийла ю,
Кхолламера ирсах хьаьгна
Кхане ларъян сецна ву.

Безамера ц1еран алу
Хьалха санна йовха яц,
Мерза хенах хилча талу
Дагна лан и атта дац.

Дерригенах со а кхета,
Вон-дика а хийцало,
Ирсе зама йоца хета,
Керара йолий, хецало.

Де кхолладеш г1ийла ойла
Ца езара йог1у гуш,
Шу кхолламо ирсе дойла,
Шеца вонаш хено хьош.

Мескита

Къоначу Кавказан
Лекхачу лома к1ел
Ма хаза йиллина,
Мескита, хьо.

Сирла малх ц1ийбелла
Рег1а д1а лахбелча
Куц хаза мехкарий
Шовданехь го.

Безамо хьоьстучу
Х1ораннан къона дог
Карзахе ойлано
Паналле хьо.

Суьйранна шовданехь
Мехкарийн тобанца
Хьоменига хиларо
Дагна тем бо.

Зурманах карзахе
Декачу шовдано
Геналлехь йисина
Къоналла ло.

Къоначу Кавказан
Лекхачу лома к1ел
Ма хаза йиллина,
Мескита, хьо!

Кхоллам, Iебий хьо соьха?

Х1инца а ца 1еба, кхоллам,
хьо соьха?
Х1ун дисна-м хаац хьан соьгара деха.
Диканаш д1адевли, ца оьшу леха,
Катуьйхи ахь царах, эвхьаза, дера.

Беральла соьгара г1ан санна ели,
Къоналле кхечира, цунах а вели,
Иза сан дахарна ца оьшуш лери,
Ца лехна къаналла т1еэца, эли.

Карзахе дагах сан сирла ц1е ели,
Безам а седанах нур эцна беги,
Ойланца массо а де карладели,
Балано хьовзийна сан кийра эги.

Дуккха а сан бевза-безараш кхелхи,
Кху т1еман къизалла 1алам а телхи,
Шийлачу узамца доьзалаш билхи,
Хийла сан б1аьргех а
дуьра хиш хьилхи.

Кхолламан къизалла
сан дахарх хьарча,
Къонанаш ма леха, суна т1е карча,
Лечкъина водур вац, ярах хьо ирча,
Д1авехахь хьайца ахь,
х1уттур вац холча.

Ма х1итта дахаро хьаьстинарш болчу,
Кхочур хьо царна а ирс эцна бевлча,
Декийла шовданаш, безаман иллеш,
Дуьне ма кхоладе
церан шовкъ г1елъеш.

Яьсси

Ламанийн дагера
Шовданаш лехьош,
Массо а тулгIин аз
Иллешка дерзош,
Даймахке тхан безам
Мукъамца бекош,
Хийла ахь хьистина,
Жималлех Iехош.

Йорт оьций, керчина,
Аренга долу,
Довха дош хьан цIарца
Хийламмо олу,
Безамо айвинарг
Хьан берде волу,
Ахь цуьнан кхолламаш
Диканца бору.

Бердийн хьо йийсарехь
Ца хилла лай,
Амалца хьох тера
Баьхна сан дай,
Хийла хьан тулгIешца
Левзина дой,
Дезачийн сий ойбуш
ХIиттийна той.

КIанта ше езаре
Безамах дуьйцуш,
Церан барт хиларе
Сатосий Iаш,
Шерашкахь хазаллин
Амат ца хуьйцуш
Доьду хьо-м, къона хан
Паналле хьош.

Со атта тийшира

Елаелла йо1 схьаьжча
Жима ойла 1ехало,
Маьлхан з1аьнарш сирла къежча
Къона дог а тохало.

Цуьнан елар, куьцехь болар –
Цара хийла 1ехаво,
Ирсах вохош, ойла кхолор
Цуьрриг бен ца хетало.

Сайга хьаьжна, веза аьлча,
Ирсан да ву моьттира,
Хьан ямартло шена хиъча
Дог ма холчу х1оьттира.

Карзахечу тулг1ех терра,
И тем байна деттало,
Со-м ма вара тохарлерра –
Хьоьха-м со ца кхетало.

Уллохь декна безам-хьоза –
И ма гена хетало…
Башха елар, хаза аз а
Кхечу даге кхийдадо.

Даймехкан г1аролехь

Даймехкан декхаро
Кхайкхамца ваьхьна,
Йист йоцу геналлин
Дозанехь лаьтта.

Карзахе шелонца
Мохо шок етта,
Эхь доццу набаро
Ийзаво метта.

Б1о эшна, къарвелла,
Шелонна хебна
Ца сецна, ларвелла
Халонах тебна.

Маьршачу дахаран
Тийналлех тешна,
Хийла ву мерзачу
Набаро хьаьшна.

Ца еъна минот а
Доттаг1ел эшна.
Олийла, аш эрна
Ас латта хьешна!

Дахарехь диканаш
Дуьсуш ду вайна.
Тешнабехк шайх булуш
Буьсийла лайшна.

Дебют

Тумчаев Адам

Ойланаш

Билгало

Билгало ю дитташ т1ерачу г1ашца, х1ора г1аца. Б1аьстенан юьххьехь делла а лой, хазачу басахь кхуьу г1а, 1уьйренан тхи муьйлуш, маьлхан з1аьнарийн аьхначу йовхонах самукъа а дуьйлуш.

Иштта д1айоьду г1ана б1аьсте… Амма, маржа я1-кха, ларамза т1екхочу гуьйре, къанло г1а, мажло г1а, макх а лой, 1аьржачу хьоькхнаша шен бос а байъина, халла лаьтта иза ганах тасаделла, дахарх дог дилла ца лууш. Амма, эххар а, чекхболу т1аьххьара ницкъ. Охьадужу г1а дитта т1ера, 1аьржачу лаьтта доьрзу иза. Иштта охьаэга дисина г1аш а. Шаьш лакхахь ду, шайна маьлхан серло а дукха кхочу бохуш, лахахь долчу г1ашна маьлхан серло кхачарна кхоьруш, цхьана хенахь шайн лакхаллех дозалла дина, куралла йина дитта буьххьера г1аш а охьаэга, чура са д1адаьллачул т1аьхьа а цхьана ганах кхеташ, вукху ганах кхеташ. Я б1аьстенан юккъехь, ц1еххьана, дагахь а догуш, ч1ог1а дог1а духу, стигал а къекъош я мох болу. Нуцкъаша г1аш шайн гаьннех доху цо, къена а, къона а, баьццара а, можа а ца къестош… Охьаэга г1аш дитташна т1ера, 1аьржачу лаьтта доьрзу уьш.

Х1инца дерриг а цхьана барамехь лаьтта уьш. Иштта, цхьатерра лайк1елла а г1ура ду уьш, цхьа лекха а я лоха а доцуш.

2011 шо. Гуьйре

Лайчимаш

Лайчимаш оьгу лаьтта, эсала, парг1ат, х1ора ша-ша, амма дерриге а цхьана, бертахь. 1алашо а ца1 ю церан – дуьне к1айдар, дуьненан 1аьржачу баланаша кхолийна долу адамийн дегнаш маьлхан з1аьнаршлахь бес-бесара лепачу жовх1аршца кхалор, къагор а. Хьалха охьакхаьчнарш, даша а деший, д1адовлу. Амма, х1етте а, къар ца луш, охьадог1у лайчимаш, х1ора ша-ша, амма, дерриге а цхьана, бертахь. Хьалха охьакхаьчначара, шайн дахар ца кхоош, латта шелдо, т1аьхьа дог1учу лайчимашна меттиг кечйеш, тоеш. Эххара а, саца дуьйлало лайчимаш лаьттахь. Кхача дуьйлало уьш шайн йоккхачу 1алашоне: к1айдан доладо цара латта, 1алам, дерриг дуьне а. Иштта, охьадуссу-кха лаьтта 1аьнан туьйра, лайчимаш къар ца далар бахьана долуш, х1ора лайчим ша-ша, амма дерриге а цхьана, бертахь.

Цхьана минотана мукъна а собаре а хилла, и дерриге а 1аламат тергал деш, ахьа ладоьг1ча, хетало оцу лайчимаша хьоьга къамел деш санна, эсала, парг1ат белшаш т1е а хуьйшуш, шайн эсалчу аьзнашца: «Варийлахь! Хьайн дикачу, ц1еначу 1алашоне кхача г1ертарехь къар ма лолахь цкъа а. Эххар а г1уллакх хир ду хьуна. Стеган ирс хьанал къахьегарца а, Делерчу дикане ладег1арца а

ма ду. Айхьа лайла ког буьллуш, тидо йиний-те ахьа цкъа а оцу лайлахь хьайн коган лар юьсуш, ша ма-ярра. Иштта, кху дуьненчохь шен-шен лар юьтуш ву хьуна х1ор а, цо дика дахь а, вон дахь а. Ткъа дуьненчохь лар юьсу бохург – наха ца дицдо цкъа а шайна дина дика а я вон муххале а… »

Алхьамдулиллах1и роббиль 1аламийн! Хастам бу Хьуна, я Аллах1, 1аламаш кхоьллина, кхобуш, кхиош волчу! Алхьамдулиллах1и роббиль 1аламийн! Хастам бу Хьуна, я Аллах1, даккхий а, кегий а 1аламаш сел хазачу кепехь, куьцехь кхоьллина волчу! Алхьамдулиллах1и роббиль 1аламийн! Хастам бу Хьуна, я Аллах1, и 1аламаш тхуна, хьайн лайшна, масалшца хьехам беш кхоьллина волчу!

2011 шо. 1а

1ожалла

1ожалла… Д1айоьдуш яц иза я сецна 1аш а яц… Т1ейог1уш ю иза, т1ейог1уш х1ора шарца, минотца, м1аьргонца. Ткъа вай идадо кху замано, дистина деанчу хино санна. Т1амарш етташ, к1елхьара довла г1ерташ, тийсало вай бахамех, хьелех, массо а дуьненан хазнех, вешан мацделлачу синошна, дакъаделлачу дегнашна парг1ато лоьхуш. Вайна ца хаьа, дицделла вайна Дала кхоьллина долу цхьа а Са парг1ат хир доцийла, Оцу Далла муьт1ахь а хилла, Делерчу дикане и Са ладоьг1уш дацахь. Иштта, дицделла вайна дуьненан бахамаш деккъа х1урдан хи хилар, мала мел молу а, кхин а ч1ог1а хьагвеш долу. Вай вешан шеконашна т1ехь деха, цхьа а шеко йоцу бакъдерг – 1ожалла – харц а йина. Вай ваьшна моттийта г1ерта, и генахь ю, и кхечарна ю даима а, вайна яц, вайна яц… Я цуьнан ойла ян а ца лаьа вайна, и т1ех генахь хетарна. Вайн цкъа хан а яц, ма-дарра дийцича, цунна кечам беш 1ан. Вай ч1ог1а сиха дохкуш ма ду… Вайн г1ишлош ю лулахойнчерал а лекха яхан езаш, ахча ду гулдан дезаш, ахча… машен а ю эца езаш. Ткъа 1ожалла… и-м соцур яра, цо-м собар дийр дара вай довллалц…

2011 шо. 1а

Ирсан дай

Аллах1а шаьш кхоьллинийла а хууш, Цуьнга шаьш доьрзур дуйла а хууш, Оцу Аллах1ах кхерарна, шайн яххьаш ц1иййелла, кортош та1ийна, дог1маш г1орасиз а хилла, Деле хьастабелла, Дала т1едиллина фарз кхочуш дарехь цхьабарт а хилла ламазе х1иттина бусалба вежарий, ма хаза ду-кха шун куьцаш, шун сибаташ, шун яххьашна т1ера нуьраш! Ма дика барт а бу-кха шун хилларг! Ма хаза ду-кха аша вовшашца лелон г1иллакх! Далла хьалха д1ах1уьттуш, аша нисдина маг1арш а ма хаза ду-кха, аша доьшу Къуръан чуьра деза сурaташ а. Шайн-шайн ирс лоьхуш, и ца карош, дукхахберш т1аьхьарчу заманчохь х1окху дуьненчохь яржинчу 1есалло, сутаралло, эхь цахетаро, къизалло, ямартлоно тилочу хенахь шу ларди-кха Дала оцу дерригенах а! Шуна хии-кха, шу т1екхии-кха: ирс – иза Аллах1 реза хиларца а бен доцийла, дуьненахь а, я эхартахь а. Цундела и Аллах1 реза вар, Цунна 1ибадат дар шайн дахарехь коьрта 1алашо а леци-кха аша, шаьш Дала оцу балхана кхоьллина долу дела! Ирс я1… ма зовкх ду-кха шуьгахь! Цу нийсачу новкъахь шуна къилба хилла, шуна и дика некъ гойтуш, хьоьхуш лаьтта-кха Дала шуна доссийна долу Сийлахь Къуръан, бода беача, серло хуьлуш, шу шелделча йовхо хуьлуш, бала беача, парг1ато а хуьлуш. Дала мукълахь, шун иштта Дела резаваран дуьхьа цхьабарт мел бу, шун дегнашкахь Аллах1 мел ву, шу 1ехон а, нийсачу новкъах шун тилон а цхьа

а ницкъ-г1ора дац-кха шуна х1окху дуьненан букъа т1ехь! Шена т1е болх а биллина, Ша х1иттийна дозанаш лар а деш, массо а дика болх, дика г1уллакх, г1иллакх Шен дуьхьа лелош верг Къинхетамечу Аллах1а лар ма во!...

2011 шо. Декабрь

Г1иллакх а, масаллин дай а

Ма дуьйцу-кха вай г1иллакх… Ма са а туьйсу вай д1абаханчу вайн дайн хазачу г1иллакхийн марзонашка, г1иллакх – иза лерам хилар диц а делла. Ма буьйцу-кха, ма балхабо вай лерам, вовшашка болу лерам г1елбелла бохуш, лерам – иза адам дезар дуй а ца хууш. Балхабо вай вовшашка болу безам а, адамашна юккъера вовший дезар д1адолуш ду бохуш, адамашна вовший ца деза бохуш, вовший дукхадезар – Ийманах хилар тергал а ца деш. Ийман а далхадо вай г1елделла, лахделла бохуш, ца хаьа-те вайна Ийманан тодалар, цуьнан кхиар Далла вай муьт1ахь хиларца дуйла, Цо де бохург дарца, ма де бохург дитарца.

Дикачу масаллин дай оьшу вайна, шайн дика масалш, цкъа мукъна а, шайн дог1машкахь хьеха ницкъ кхочур болу, маттаца хьехна а ца 1аш. Ца оьшу вай цецдийла а д1абаханчу вайн дайн хазачу г1иллакхех. Церан хаза г1иллакхаш, церан мерза и марзонаш хуьлийла а ма дацара кхечу аг1ор, эвляашна юккъехь баьхна болчу дайн, аьхкенан довхачу дийнахь ломах схьадуьйлу сирла шовда санна, дика масалш, хаза масалш шайн г1ийлачу дог1машкара схьадуьйлуш хилла болчу эвляашна юккъехь баьхна болчу дайн, Делан дуьхьа вовшийн дукхабезаш хилла болчу эвляашна юккъехь баьхна болчу дайн. Дикачу масаллин дай оьшу вайна, тешаме болу.

2012 шо. 28 февраль

Къуръан

Къуръан… Аллах1ера т1аьххьара доьссина жайна. Къуръан… Къинхетамечу Дала вай декъала хиларе кхойкхуш йиллина нуьре не1, и схьа а диллина, цо бохург дичахьана вай декъала хир долуш, вайн синош парг1ат дохур долуш, вайн баланаш д1аойбур болуш, вайн маххьаш дайдийр долуш, ирсан некъ вайна къегар болуш. Къуръан… 1аламаш кхоьллинчуьнгара т1аьххьара адамашка доьссина жайна, И вуьйцуш, вовзуьйтуш долу, Цунах кхерар, Цунна муьт1ахь хилар, хьоьхуш долу. Къуръан… Бух а боцу, йист а йоцу 1илманан х1орд, нур, дуьненан 1илманаш къагийна долу, малхо къагош долу 1аламаш санна. Къуръан… 1илманан лакхе, ша саннарг йолчу лакхене дуьненан 1илманаш кхочун доцу цкъа а, дуьненан 1аламийн малхана т1е кхача ницкъ кхочург ца хиларе терра. Къуръан… Вайна юкъахь ду иза, Т1аьххьар а ваийтинчу Элчанан (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) уггаре а доккха му1джизат*, Комаьршачу Аллах1а вайна юкъахь дитина, Шен Сийлахь Элча, Шена массо а х1уманел дукхавезаш хилла волу, Шен хаза Мухьаммад (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) д1аваьллачул т1аьхьа дейтта б1ешо даьлча а, вайна юкъахь дитина…Делан Къинхетам бу иза, цуьнан хьесап дина девр дацара вай цкъа. Х1аъ… Къуръан ду вайна юкъахь, т1аьххьара ваийтинчу Делан Элчане (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) ма-доссара, цхьа а хьаьрк хийцаделла а доцуш. Къуръан ду вайна юкъахь, и Делан Элча (Делера салам-маршалла хуьлда цунна), цуьнан асхьабаш, 1еламнах, Делан гергара нах, эвляаш цхьана

* Му1джизат – тамашийна х1ума (1арб.).

г1ийлачу суьйренашкахь дукхазза, дукхазза хийла белхийна долу. Ткъа вай ма дукха дуьйлу-кха.

Къуръан ду вайна юкъахь, шайн къиношна дохко а бевлла, кхин д1а йолчу заманна шайн 1есачу дог1мийн 1уй хилла, «Аллах1» аьлла Делан ц1е йоккхуш хезча, шайн дегнаш тохалуш болчу лайшна Ялсаманица кхаъ боккхуш доьссина долу. Ма ч1аг1делла-кха ткъа вайн дегнаш!!! Къуръан ду вайна юкъахь, Далла 1еса болчарна Жоьжаг1атица кхерам луш доьссина долу, ткъа вай ма эвхьаза ду-кха цуьнца!!! Къуръан ду вайна юкъахь, шега вирзинчуьнан Делах кхерар сов доккхий, хийла къонах эвляъан дарже хьала ваькхина долу, ткъа вай ма букъ туьйхи-кха цунна. Цундела

Серло юй ца хаьа-кха вайна бода ца беача,
Йовхо юйла ца хааь вайна шел ца делча,
Къоналлин мах ца хаьа вайна къан ца делча,
Я могашаллин мах а, цомгуш ца хилча.
Рицкъанан пусар дан ца хаьа вайна, мацалла ца х1оьттича,
Маршонан мах ца хаьа вайна т1ом ца баьлча,
Я Даймехкан сий дан а ца хаьа махках ца даьхча.
Ма вон х1ума ду-кха вайна марзделларг, вежарий, йижарий!
Эхарт а хила доллу-те тхан, Я Аллах1, иштта
Хьан ни1мате Ялсаманин мах хуур боцуш,
Цкъа Жоьжаг1атин ц1еран 1азап ца 1евшича.
Мичахь ю адамалла акхаройх къаьсташ йолу!
Мичахь ду хьекъал, 1илма вай дозалла деш долу!
Хьекъалах, 1илманах х1ун пайда бу?
Жоьжаг1атин ц1арах 1еса дег1 лардеш доцчу!
Б1аьргех х1ун пайда бу гуш ца хилча!
Ладег1арх пайда буй хезаш ца хилча!
Говза лебечу маттах х1ун пайда бу «Диканиг дейша,
Воних ма дейша», олуш ца хилча!
И вайн кхетам а х1ун ю-те кхеташ ца хилча!..

Цхьа а къа дуьсур дац юьстаха, и къа латийнарг цулт1аьхьа дохко а ца волуш. Ша хьекъал долуш верг дуьненчохь вер ву шен къина дохко шен лаамца, ткъа хьекъал доцург – эхартахь нуьцкъаша. Дохко-ма вуьйлур вара иза, амма т1аьхьа хир ду-кха эхартан 1азап д1адоладелча.

2012. Январь-Март

Нохчийчоьнан жовх1арш

Маьждиг Делан Ц1а ду. Аллах1 ца1 виначу бусалбачу нехан оцу Аллах1ана 1ибадат дарехь цхьабарт хуьлуш меттиг ю иза. Юьртахь я шахьарахь лулахой вовшах тухуш, нах гулбеш меттиг а ю, церан вовшашца йолу уьйр-марзо совйоккхуш. Уьйр-марзо совйаларо, адамашна юкъахь безам совбоккху, вовшашца безам совбаларо, адамашна юккъехь лерам кхуллу, адамийн вовшашца лерам хиларо, г1иллакх кхуллу. Ткъа г1иллакхо адамийн барт ч1аг1бо. Даржашкахь, бахамашкахь, хьелашкахь къестар доцуш, Делан лайш цхьана магг1арехь, цхьатерра Далла хьалха д1ах1уьттуш меттиг ю маьждиг. «Маьждигехь бусалба нахаца цхьана дина долу цхьа ламаз ц1ахь ша цхьамма диначулла ткъе варх1 дарж деза ду», – аьлла Делан Элчано (Делера салам-маршалла хуьлда цунна). Иштта аьлла Делан Элчано (Делера салам-маршалла хуьлда цунна): «Къематдийнахь, Делан 1аьршан 1индаг1 бен доцчу дийнахь,

оцу Делан 1аьршан 1индаг1ехь хир ву-кха дуьненчохь ша вехачу заманчохь маьждигах шен дог хоттаелла хилларг».

Оццул беркате ду маьждиг, цу чохь еш йолу 1амал а ю иштта еза. Ткъа тахана… Дала мукълахь, бусалба нах а ду вай, дуьненчохь уггаре а хаза мохк а бу вайн, хало йиц а еш еана атто а ю вайна, шийла 1а дицдеш еана сийна, аьхна б1аьсте а ю вайна, оцу аьхначу сийналлехь г1иттина, бераллин туьйранахь а бен хезна доцу, жовх1арш санна хаза маьждигаш а ду вайн. Х1инца, х1инца гуттар а т1ехь ду-кха вайна, дийнахь буса а цу чохь ечу 1амалшца и жовх1арш-маьждигаш къагор.

Ала ма аьлла Делан Элчано (Делера салам-маршалла хуьлда цунна): «Эца ма-дезза ламаз а эцца, жам1атца ламаз даран дуьхьа маьждиге а вахана ламаз дина а ваьлла, и стаг цу чура араваллалц, Делан Малийкаша Деле воьху-кха иза: «Я Аллах1, гечдехьа цунна, бехьа цуьнах къинхетам», – бохуш. Т1аккха, ма доккха х1ума ду-кха, маьждигехь ша ламазе кхойкхуш а волуш, ваха йиш а йолушшехь цига ваха а ца вахана, оцу боккхачу пайданах, Малийкин шен хьокъехь деш долчу до1анах валар. Ма ч1ог1а оьшура-кха вайна малийкийн до1анаш т1ейог1учу заманчохь, Далла герга д1аг1ур долчу.

2012 шо

Т1аьхьабисна къинхетам

Жима дийцар

Гуьйренан цхьана довхачу дийнахь Иласхан-Юьртахь Гумсан тог1ина уллерчу бежхьармана т1ехь жа дажош вара со. Де къевкъинчу хенахь уьстаг1ий дукха дох а делла, царна хи а малор аьлла Гумсан тог1ийчу воьссира со. Сан уьстаг1ий, 1еха а 1оьхуш, кортош а охкийна, мог1а бинна Гумса т1е а дахана, хи а мелла, юха уллерчу комарийн дитташна буха 1индаг1е гулделира. Хьагвеллера, мацвеллера со а. Ткъа Гумсан тог1ичохь кху хене баьлларг беккъа цхьа хьаьрса хьач бара. Т1е а вахана и баа х1оьттира со. Ас дуьххьара схьабаькхинчу хьоча т1ехь зингат дара дедда лелаш. «Х1уп» аьлла и цу т1е охьа а кхоьссина, хьач д1абиира ас. Ткъа шолг1а аса схьабаккха дагахь т1е куьг кховдийначу хьочана гонаха з1уга хьевзира, дег1е г1еххьа зуз а доуьйтуш. Сихха сайн куьг юхатуьйхира аса, цхьана м1аьргонна дагчу цуьнах баккъал а къахетар а оькхуш: «Хьажахьа, таханлерачу довхачу дийнахь, со санна мацъелла, хьагъелла еана хир ю-кха хьо, пекъар, » – аьлла. Т1аккха дагадеара-кха суна дуьххьара схьабаькхинчу хьочат1ера «х1уп» аьлла айса лаьтта охьакхоьссина долу, 1адийна, б1арзделла дедда лелаш хилла долу я къовзор а воцуш долу жима зингат.

Юха со кхийтира массо адамийн а юйла иштта амал.

Дебют

Арби Арсемирзаев

Родился в 1994 году в г. Грозном. Учился в СШ №260 (Москва). Пишет стихи со школьных лет. Студент 2 курса отделения театрализованных представлений Чеченского государственного колледжа искусств. Увлекается русской классической поэзией.

Свобода

Взлететь над облаками,
Расправить свои крылья
И землю облететь бы –
Так хочется на волю!
Но скованный цепями,
Дождем прибитый, пылью,
Душа кричит и стонет, –
Что делать с этой болью?
Мне хочется взорваться,
И кровь кипит во злобе.
Я страшным гневом движим,
Но року вопреки,
Уверен, что однажды
Взлечу с потоком ветра
И крикну: «Я СВОБОДЕН»!

***

Этот мир жесток –
Нельзя расслабляться,
За каждый глоток
Ты вынужден драться.

Возьми этот алый цветок,
От горестных дум избавься.
Надежды в сердце росток –
Защита от всех напастей!

Рукой прикоснись к рассвету,
К небывало жаркому лету.
Замри, наслаждайся ветром
И теплым солнечным светом.

Одиночество

Как трудно быть самим собой –
Играть заученную роль;
Как трудно жить, стремясь к рассвету,
Когда в душе покоя нету!

***

И небо озарит твоя улыбка,
И ночь казаться будет днем,
И сердце будет чаще биться –
От той любви, что даришь ты!

Удачи!

Жизнь коротка?
Что ж, это давно не секрет.
Живешь для себя,
Не чуя людских бед.

Забота одна – не упасть,
И времени уже нет.
«Подвинься! Закрыли пасть!» –
Вот твой на все ответ.

Что же, удачи, друг!
Может быть, в темной ночи
Ты обнаружишь вдруг
От жизни счастливой ключи.

Вот только… запомнишь ли?
Чьи-то разбив мечты,
Сможешь ты избежать
В жизни своей пустоты?

Дебют

Зезаг Хамзатова

Родилась в Грозном в 1991 году. Окончила Грозненскую гимназию №4. Учится на 3 курсе отделения журналистики ЧГУ. Любит художественную литературу, особенно творчество Гете, из современных авторов – П. Коэльо. Публиковалась в информационных жанрах в газете «Вести Республики», ИА «Грозный-информ» и др.

Письмо другу

Так много вместе пережить,
Мне не дано тебя забыть.
С тобою лучшие друзья,
Ты для меня,
Я для тебя

Не знаю, зачем я взялась это писать… Человек, которому я посвящаю свое письмо, умер четыре года назад.

Берсоев Магомед (Берс), здравствуй!

Глупо, конечно, сейчас такой взрослой девочке верить в то, что ты меня слышишь и, наверняка, будешь улыбаться, читая мое письмо. Но я надеюсь, бесконечно надеюсь, что это так.

Берси, друг мой, родной мой человек… мне так хочется сейчас обрушить на тебя кучу вопросов: как твои дела? что у тебя нового? какое настроение? скучал ли по мне? не болеешь ли? ... не болеешь, теперь нет…

Я осознаю, что тебя на свете нет, и в то же время ты рядом. Даже не рядом, а внутри моего сердца. Мой первый друг, моя первая любовь, мои первые чувства.

Школьные годы с тобой прошли так незаметно и радостно! Ничего не забыла! Ты вечно тот плохой одноклассник, который угощал меня мороженым, и я постоянно болела. Но я не выдавала тебя маме. Нет, нет. И как на катке после уроков катались на портфелях, и как на крышу домов поднимались, мечтая спрыгнуть с парашютом с 5-этажного дома. Да, что мы только не вытворяли! У нас на все хулиганства хватало времени. А вот уроки делать никто не хотел. Но я помню, ты был очень способным мальчиком, помогал мне всегда с математикой. Я благодаря тебе подтянулась в учебе, потому что хотела равняться на тебя. В какой-то момент ты стал для меня примером или я просто начала в тебя влюбляться. Да, да, влюбляться. 6 класс, урок литературы, ты сидел рядом со мной. Поскольку мне казалось, что я умею рисовать, начала выводить твой профиль на тетради. А когда закончила, показала тебе, и ты рядом написал наши имена, а потом обещал сохранить на память. В этот момент мне хотелось вскочить и пробежаться по длинному коридору школы, прыгая и танцуя. Так и случилось. Хотя после ты смеялся надо мной почти неделю. Берс, твой смех… он был таким заразительным и приятным, как звон колокольчиков. А иногда ты становился серьезным, и одна бровь красиво приподнималась вверх. Я

становилась напротив и, пытаясь тебя рассмешить, копировала твое серьезное лицо. Знаешь, Берси, поднимать одну бровь в недовольстве у меня осталось от тебя. Я действительно была твоим хвостиком.

Боже, как же я скучала, когда ты не приходил в школу и с каждым днем все реже и реже появлялся. Я обижалась на тебя, надувала щеки и сидела спиной. Но ты все равно умел меня развеселить и долго дуться не приходилось.

Берси, друг, а ведь обида, самая большая и до сих пор ноющая в душе, осталась. Твой отъезд на лечение в Москву. Ни слова, ни записки, ни намека, что исчезаешь надолго. Я плакала, радость моя, без тебя плакала и болела. Как же трудно все это вспоминать! Одна мысль о прошлом – и слезы на глазах. Откуда мне было знать, что ты заболел страшной болезнью? Почему меня не предупредил? Может быть, я бы помогла чем-то… Хотя…чем? Маленькая девочка, потерявшая бесценного друга, погасла. Погасла без своего счастья. Не смеялась, нормально не ходила в школу, все ждала тебя, верила, что приедешь домой, и я увижу своего Берса…

Проходили месяцы. Тебя все нет. Надежда рассеялась, как утренний туман. Но…в самый последний момент, когда я уже почти возненавидела тебя, ты появился вновь в моей жизни на мгновение.

Ты помнишь нашу последнюю встречу? Я возвращалась со школы, ты сидел на скамейке во дворе, у нашего дома. Только дойдя до него, подняв глаза, я увидела тебя и остолбенела. Мой Берс… не узнать моего любимого. Похудел, весь бледный, лысина, глаза впали, не светятся, как раньше, потускнели от страданий, такие грустные смотрели на меня. И тут появилась улыбка на твоем лице, слабая, измученная, немного уголки губ тронулись вверх. Я чувствовала, что ты через свою слабость пытаешься до конца устоять на ногах, пока я не подойду и не сяду рядом. Ускорив шаг, я молча подошла и села рядом на скамейке. Тишина. Боясь посмотреть на тебя, я сидела боком и мямлила что-то, пока твой, тот самый, горячо мной любимый, звонкий смех не разбудил меня от оцепенения.

– Зезаг, как твои дела? – начал ты.

– Плохо! Кидальщик! – язвила я.

– Зез, перестань дуть щеки, ты не маленькая уже. Я пришел с тобой прощаться и принес тебе подарок.

Ты протянул мне мягкую игрушку. Это была панда. С бантом на шее.

– Легко отмазываться подарком. Я все равно обижена.

– Не обижайся. Я так по тебе скучал. Я люблю тебя, глупая.

Что со мной происходило в этот момент после твоих слов, я не напишу, а то еще будешь смеяться! Земля, Берс, земля расцвела, дышать стало тяжело от переполнивших чувств, голова ловила снова и снова эту фразу. Я хотела вскочить и крикнуть «Я тоже тебя люблю!!!» но… я всего лишь улыбнулась и промолчала…

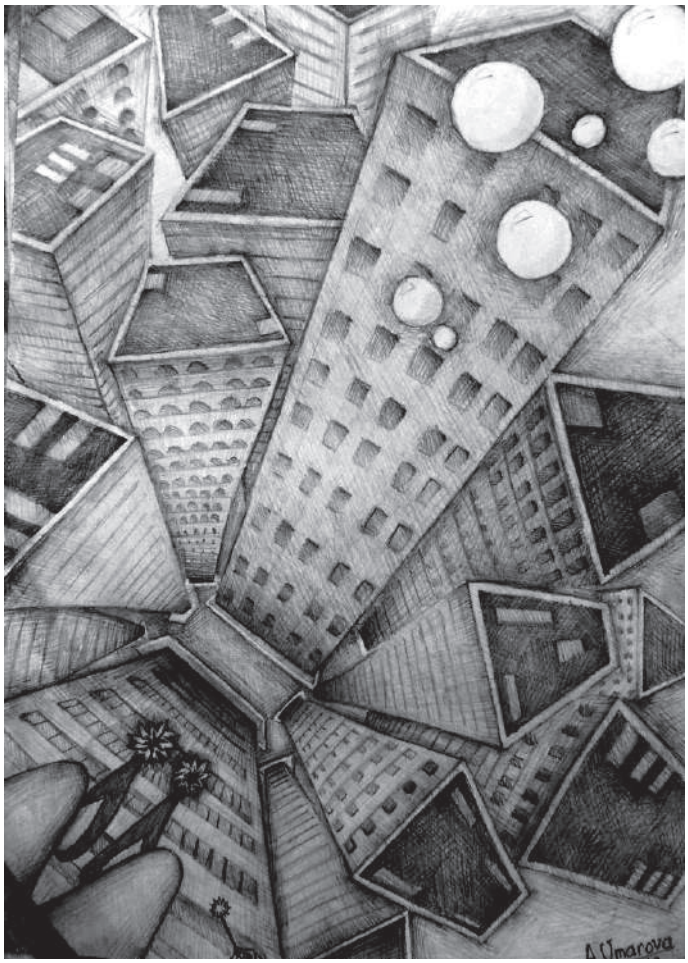
Недолгий разговор, короткая информация друг о друге. Ни слова о болезни, и ты снова ушел. На этот раз навсегда…

Берси, радость моя, пусть сейчас ты на небесах, можно я тебе скажу, что очень тоскую по тебе? Ты мне веришь, что я до сих пор храню твою игрушку и, что самое смешное, я ее настолько не разрешала никому трогать, что только спустя годы после твоей смерти узнала, что она музыкальная! Да, да! Нажимаешь на животик посильнее, и начинается песня:

Пусть только подует какой-нибудь ветер,
Тучи нагонятся и дождик пойдет,
От дождя и ветра шапочка эта,
Шапочка волшебная меня спасет
…жаль тебе шапочки этой мы не нашли.

Друг мой, моя половинка сердца, моя вторая душа, очень тебя прошу, приходи во сне. Я так редко тебя вижу. Засыпаю в надежде, что хотя бы там, в снах, мы снова встретимся, ты будешь, как раньше, здоровым и полным сил, чтоб взобраться со мной на крышу дома, спрыгнуть с парашюта или красть яблоки в соседских садах! Приди… очень тебя прошу.

С любовью, твой кактус – Зеза.



«Там, где хорошо».

Исмаил Мунаев

Магомед Дикаев – поэт и гражданин чеченского народа

Магомед Дикаев являлся ярким и самобытным чеченским поэтом. Будучи сыном талантливого и известного во всей Чечне гармониста, он обладал природным чутьем мелодики чеченского языка и его философской семантики. Магомед Дикаев рос в традиционной фольклорной среде и впитал в себя мифологические, героические и лирические представления чеченского народа, его чаяния и надежды. Все его стихи напевны и этнографически содержательны, они отражают историю его талантливого и свободолюбивого народа, которым он гордится и восхищается в своей поэзии. Поэзия М. Дикаева имела патриотический характер и формировала гражданское мировоззрение, любовь к родному языку, народу и природе у читателей и слушателей лирических песен на его стихи. В его творчестве ярко представлен обобщенный философский образ Родины – Земли отцов, традиции которых он воспевает.

Своеобразным манифестом гражданской позиции Поэта явилось его стихотворение «Нохчо ву со» («Я чеченец»), которое было написано и опубликовано в 60-ые годы XX века. Это был период откровенного системного притеснения чеченского народа. С одной стороны, на общегосударственном уровне, вроде бы, был осужден культ личности Сталина, восстановлена национальная автономия, но, с другой стороны, возвращению чеченского народа из депортации всячески противодействовала партийно-бюрократическая элита, сложившаяся в городе Грозном и Грозненской области.

Так, в самом начале 60-ых годов были организованы широкомасштабные античеченские выступления в Грозном, которые сопровождались погромами и убийствами на национальной почве, выступлениями против власти и захватами государственных учреждений. Для восстановления порядка в городе Грозном и автономной республике кремлевская центральная власть была вынуждена использовать войсковые подразделения из соседних регионов.

В последующие годы откровенные призывы к повторной депортации чеченского народа сменились на бойкотирование всех государственных программ, нацеленных на восстановление в правах чеченского народа. Чеченцев не прописывали в городе Грозном, не допускали на работу на квалифицированные рабочие и инженерные должности крупных заводов и предприятий. Не развивалась социально-производственная инфраструктура в перенаселенной сельской местности, что побуждало десятки тысяч чеченцев заниматься отхожим промыслом («шабашничеством») в отрыве от семьи и устремляться на случайные заработки, что в итоге приводило к усилению маргинальных тенденций в традиционном чеченском обществе.

Преследовались религия и священнослужители. На всей территории автономной республики не было ни одной действующей мечети. Против верующих властями устраивались провокации. Детей в школах учили доносить на родителей, которые осуществляли религиозные обряды. Преследовался чеченский язык. На родном языке запрещали говорить в общественных местах. Под запретом было издание фольклорных сборников.

И вот в этих условиях, как яркое озарение и откровение национального героя, прозвучало стихотворение Магомеда Дикаева «Нохчо ву со» («Я чеченец»). Уже в самом названии молодой Поэт бросает вызов партийно-бюрократическому мракобесию, терроризировавшему чеченский народ. Он с гордостью и ответственностью заявляет, что он Нохчо. Но важно, какое содержание вкладывает Поэт в это понятие.

Стихотворение имеет свою логическую архитектуру. Оно состоит из пяти самостоятельных частей, имеющих завершенный смысловой характер. В самом начале каждой части рефреном повторяется утверждение «Нохчо ву со», ставшее «общим местом», и следуют разъяснения автора – что он вкладывает в содержательную часть этого выражения.

Все части связаны между собой воедино идеей формулирования этического кодекса Нохчо, который существует с мифологического времени до настоящего и поможет чеченскому народу пережить все тяготы испытаний в будущем.

Стихотворение М. Дикаева имеет безусловные связи с чеченским народным лиро-эпическим узам, записанным русским исследователем А.Берже в середине XIX века. Узам был опубликован на русском языке в его знаменитой книге «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859, с.129.). Приведем его отрывок: «…как искры сыплются от булата, так мы рассыпались от Турпала Нахчуо. Родились мы в ночь, когда от волчицы родятся щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс, такими произошли мы от праотца Турпала Нахчуо».

Герой М. Дикаева «Нохчо» также рожден в ночь, «когда от волчицы родились щенки», его своим ревом поднимает барс. Это необычное рождение героя как бы определяет его предназначение – совершать подвиги во имя народа. (Подробнее см.: И.Б. Мунаев «Трансформация древнеэпического мотива богатырского рождения в героико-исторических песнях илли». В сб. Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. – Грозный, 1979. С. 86–99). Но его подвиг заключается в том, чтобы быть Поэтом, роль которого чрезвычайно велика. Ибо Поэт, как и Пророк, должен заботиться о народе и говорить правду. М. Дикаев выражает эти мысли при помощи метафорического эпитета:

Нанас, иллин накха белла,
Илли ала векалвина…
(Матерью, эпосом илли вскормленный,
Сказывать илли благословленный…)

В отличие от Пророков Пушкина и Лермонтова, герой М. Дикаева не объявлен Пророком по решению «вечного судьи» и задача у него более конкретная – спасти чеченский народ. И свое предназначение он получает с момента своего необычайного богатырского рождения, с кормлением матерью эпосом илли и ее благословением сказывать илли.

Чеченский Поэт говорит от своего имени, от имени первого лица, но по содержанию он выражает чувства и чаяния всего чеченского народа, который в своем фольклоре прославляет дружбу со всеми соседними народами. М. Дикаев, как глубоко национальный Поэт, хорошо владеет фольклорными традициями чеченского народа.

Его поэтический талант и дар философа-провидца проявились в том, что он призывает беречь узы дружбы с великим русским народом. Эти узы завязались еще в прошлые века усилиями лучших представителей русского и чеченского народов. К их числу относится и Михаил Юрьевич Лермонтов, образ которого с любовью создает М. Дикаев. М. Лермонтов, как никто другой, проникся уважением к чеченскому народу, его обычаям, традициям и фольклору, глубоко постигнул и полюбил самобытную культуру этого народа, его стремление к свободе и независимости. Это помогло ему впервые в русской литературе создать реалистические художественные образы чеченцев и всего чеченского народа.

Стихи Магомеда Дикаева мелодичны и содержательны. Как было отмечено выше, они патриотичны и формируют гражданское мировоззрение, любовь к родному языку, народу и природе. Они учат жить в гармонии с другими народами, уважая их обычаи и традиции. Особое место в его поэзии занимает образ Матери, с которым у Поэта ассоциируется все доброе и вечное.

Творчество М. Дикаева слабо изучено. В крайне неудовлетворительном состоянии находилось и издание поэтического и научного наследия Поэта. Во многом это связано с отсутствием чеченского литературоведения и слабым уровнем развития чеченской литературной критики. С этим связано и то обстоятельство, что поэзия М. Дикаева очень слабо представлена в школьных учебниках чеченской литературы. Поэтому готовящееся к изданию художественное и научное наследие М. Дикаева явится большим подспорьем в деле сохранения и развития чеченского языка и культуры нашего народа.

Особое место в данной книге занимает исследовательская часть творческого наследия М. Дикаева о жанрах и видах дореволюционной чечено-ингушской лирики. Народная лирика в чеченском и ингушском фольклоре относится к наименее изученным областям. Поэтому работа представляет не только познавательный интерес, но и научный интерес. Она не потеряла своей актуальности даже через три десятилетия своего написания.

По своей научной концепции М. Дикаев исходил из традиций первых чеченских и ингушских просветителей XIX века о неделимости фольклора двух братских народов. Эта традиция была продолжена и в годы советской действительности вплоть до последних лет XX века. Но в настоящее время ингушские исследователи фольклора и истории под эгидой Ингушского научно-исследовательского Института, который возглавляет профессор И.А. Дахкильгов, заняли псевдонаучные позиции противопоставления культур двух народов, ущемления интересов культуры, истории и фольклора чеченского народа. Это путь циничного подлога и воровства, когда общеизвестные чеченские народные произведения выдаются за ингушские и т.д.

В этих условиях также важна публикация неизвестного широкой общественности исследования М. Дикаева, в котором четко указываются паспортные данные каждого примера и иллюстрируется генетическая или типологическая общность фольклорного наследия чеченцев и ингушей.

Культура

Малика Гортикова

Вечные ценности музейного мира

Пребывание в музеях дарит необыкновенное чувство сопричастности к истории и культуре народов. Ведь музей – это кладезь материальных сокровищ, характерных для различных этносов. Кладезь, служащая образованию и воспитанию молодого поколения. Автор этих строк может судить об этом еще и потому, что с юности путешествовала по разным странам, посетив музеи мирового масштаба: Лувр, музей современного изобразительного искусства Жоржа Помпиду (Франция); знаменитый «Дворец Топкапы» (комплекс дворов, павильонов, мечетей и фонтанов, Турция) и т.д. Безусловно, знакомство с культурой других народов обогащает человека, расширяет его кругозор. К тому же музейные предметы, памятники истории и культуры, документы способны «подсказать» творческим людям новые маршруты деятельности.

Национальный музей ЧР является региональным музеем, государственным хранилищем исторических и культурных ценностей Чеченской Республики. В настоящее время в рамках Интернет-сайта Министерства культуры ЧР открыта и действует страница «Национальный музей ЧР». Национальный музей ЧР имеет и свой сайт с целью выхода в информационное культурное пространство.

Актуальная задача нашего коллектива – комплектование музейного фонда предметами, документами, представляющими историческую и культурную ценность. В связи с этим мы, специалисты Национального музея ЧР, постоянно проводим работу по их выявлению. В результате поисковой и экспертной работы выявлен, идентифицирован и атрибутирован целый ряд предметов исторической и культурной значимости.

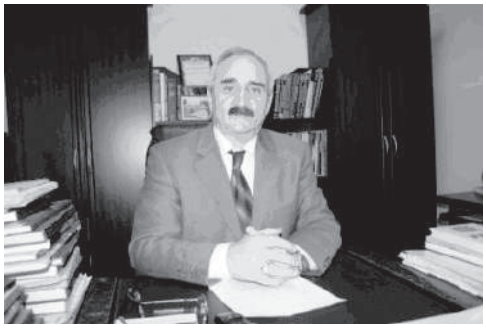
Наш рассказ – о некоторых аспектах многогранной деятельности Национального музея ЧР в современный период.

Средневековые боевые доспехи чеченского воина: возвращение в республику

Мы, чеченцы, с детства окружены привычными вещами. Звук дечиг-пондара, блеск кинжала знатного мастера, красота белоснежной бурки, очарование женского пояса… Многие интересные предметы материальной культуры чеченцев экспонируются сегодня в экспозиционно-выставочных залах Национального музея ЧР. В том числе сабля, по легенде принадлежавшая народному герою Бейбулату Таймиеву (подарок автора книги «Чеченское оружие» Исы Асхабова), ковер имама Шамиля, полученный в дар от народной поэтессы Чечено-Ингушетии Раисы Ахматовой, шашка Тапы Чермоева (1917 г., мастер Баширов), птицевидная парадная бляха кобанской культуры…

В конце прошлого года фонды Национального музея ЧР пополнились новыми редкими археологическими находками.

В декабре 2011 года генеральный директор Национального музея ЧР, заслуженный работник культуры



На снимке: В.А. Асталов, генеральный директор Национального музея ЧР, кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник культуры ЧР.

ЧР В.А. Асталов и директор Департамента по охране и использованию культурного наследия Министерства культуры ЧР Г.А. Музакаев вернули из Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве боевые доспехи чеченского воина эпохи Средневековья.

Комментирует генеральный директор Национального музея ЧР (НМ ЧР) Ваха Адизович Асталов:

– Возвращение в республику и передача Национальному музею Чеченской Республики боевых доспехов чеченского воина шестнадцатого – семнадцатого веков является для нас значительным событием, поскольку эта находка древности очень редкая не только для Северного Кавказа, но и для России в целом.

Дело в том, что в отдельности кольчуга или оголовье встречаются нередко, однако доспехи такой комплектности, когда сложное оголовье состоит из: мисюрки (тип шлема), кольчато-пластинчатой защиты для головы и шеи (бармицы) и, особенно, личины (маски в человеческом облике) встречаются очень редко. Во всяком случае, на Северном Кавказе это первый случай обнаружения таких экспонатов. Аналога нет. На территории России также по пальцам можно пересчитать подобные находки древности. В этом и заключается историческое значение этого уникального комплекса боевых доспехов.

Боевые доспехи чеченского воина, являющиеся федеральной собственностью, переданы нам Ставропольским краеведческим музеем имени Прозрителева и Праве по поручению Министерства культуры Российской Федерации. Правомерен вопрос: каким образом они там оказались? В двухтысячном году, во время земляных работ, производимых пограничниками в приграничной зоне, у селения Тусхарой Итум-Калинского района, был вскрыт склеп, в котором были обнаружены данные боевые доспехи. Военные передали эти вещи в Ставропольский краеведческий музей.

О существовании итум-калинского «панциря» мы узнали случайно. Дело в том, что наш старший научный сотрудник, известный археолог Хамид Мамаев в журнале «Военная археология» (за две тысячи восьмой год) Государственного исторического музея города Москвы познакомился со статьей исследователя Юрия Кулешова, в которой было дано научное описание данных боевых доспехов и их происхождение. С того времени, с две тысячи восьмого года, мы и начали работать над решением вопроса о возвращении этих находок древности в Чеченскую Республику.

Узнав о существовании этих предметов археологии, мы обратились в Министерство культуры Чеченской Республики с просьбой возбудить ходатайство с целью их возвращения в нашу республику. Переговоры, в которых участвовали Министерство культуры нашей республики, Министерство культуры Российской Федерации, Департамент по охране и использованию культурного наследия Министерства культуры Чеченской Республики, были долгими. В результате наши общие хлопоты увенчались успехом: в декабре две тысячи одиннадцатого года редчайший музейный экспонат стал

На снимке справа: боевые доспехи чеченского воина. XVI – XVII вв. Найдены в Аргунском ущелье, в склепе у с. Тусхарой. Национальный музей ЧР. Сложное оголовье: мисюрка, «личина»-маска, кольчато-пластинчатая защита для головы и шеи (бармица): КП – 5132. А – 226; Кольчуга: КП – 5133. А – 227

культурным достоянием чеченского народа, пополнив фонды нашего Национального музея.

Изучение итум-калинского «панциря» пока еще является неполным, однако предварительные исследовательские работы по его определению были проведены Ставропольским краеведческим музеем имени Прозрителева и Праве. В частности, в Пробирной Палате Ростовской области установлено, что прикрепленные к маске брови и усы – серебряные и, возможно, имеют более позднее происхождение, чем сама маска. В силу этого актуален вопрос о дальнейшем изучении этого музейного предмета.

На снимке: главный хранитель Национального музея ЧР, заслуженный работник культуры ЧР А.З. Муцаев.

Кстати, по утверждению наших земляков Мумы Амаева и Румана Сулаева, ныне проживающих в Серноводске, боевые доспехи чеченского воина принадлежали Амри Боке – одному из предводителей их Дышнинского рода, который происходит из поселения Тусхарой.

Амри Бока – это легендарная личность, о которой известно жителям, локализованным в данной местности нашей республики. Имя этого отважного воина и склеп, в котором он был захоронен, обозначены в работе известного исследователя Ахмада Сулейманова «Топонимия Чечено-Ингушетии».

Мума Амаев и Руман Сулаев утверждают, что являются потомками отважного чеченского предводителя Амри Боки (Боки, сына Амри) в двадцать девятом колене. По их сведениям, до начала боевых действий на территории Чеченской Республики они охраняли эти доспехи, находившиеся в склепе в селе Тусхарой. В период военных действий, когда невозможно было оставаться в горной зоне, они были вынуждены покинуть эти места и поселиться в Серноводске. Представляет интерес легенда, известная Муме Амаеву. Она дошла до нас из глубины веков и связана с именем Амри Боки.

…На стеллажах Национального музея представлено немало образцов чеченского оружия. Боевые доспехи чеченского воина эпохи Средневековья – несомненное украшение музейной коллекции горского вооружения. Полагаем, подобные уникальные экспонаты привлекут еще большее внимание посетителей к ценностям фонда музея Чеченской Республики.

Главный хранитель Национального музея ЧР, заслуженный работник культуры ЧР Альви Зайндинович Муцаев:

– Несомненно, итум-калинский «панцирь» – это уникальный предмет, яркий образец сложного вооружения средневекового периода. Следует отметить, что шлемы были характерны для всех народов в Средние века вплоть до Позднего Средневековья. Некоторые народы имели также приспособления для защиты лица – забрала. Забрала имели разное назначение. Они могли быть маскировочными и защитными.

На Кавказе подобные сложные предметы вооружения ранее не были обнаружены. Поэтому боевые доспехи чеченского воина – это уникальный, единственный случай, когда находят мисюрку вместе с бармицей (один из вариантов головного защитного убора) и личиной (защитой для лица). Притом это отнюдь не маскировочный, а именно защитный вариант. Об этом свидетельствует тот факт, что толщина и качество металла, из которого изготовлены мисюрка и личина, – идентичны.

Бармица, идущая вниз от мисюрки и защищающая голову и шею, также имеет сложную конструкцию. Обычное явление – это кольчатая бармица наподобие самой кольчуги (таких же вязки и размеров). В нашем же случае мы наблюдаем оригинальное сочетание колец и рядов пластинок из металла.

Личина также отличается своеобразием: имеет узкую прорезь для дыхания в районе рта, отверстия в носовой части и глазные проемы. Последние как бы миндалевидные, однако значительно сужены – для уменьшения размера глазниц. Таким образом достигается большая вероятность защиты воина от попадания стрелы. И другой момент: тип металлической маски (личина) необязательно должен соответствовать национальному типажу воина. Еще один важный момент: прорези глаз сконструированы так, что могут уменьшить поражаемость.

Кто же являлся мастером итум-калинского «панциря»? К сожалению, сегодня, спустя века, ответить на этот вопрос сложно. Техника изготовления кольчатого доспеха была консервативной, вследствие чего трудно этот предмет датировать. Приемы сохранялись в течение нескольких столетий. Изделия мастеров из разных стран были практически одинаковы.

По сложившейся традиции, кавказские воины носили оружие работы не только местных кузнецов, но и мастеров соседних народов. Это хорошо видно на примере Кавказской войны. Кавказские кольчуги являлись однотипными. При этом чеченские кольчатые доспехи имели несколько иную форму (покрой) ворота, чем у двух кольчуг, имеющихся в фондах Национального музея Чеченской Республики.

«Заморские» кольчуги в страну не завозили. Однако в летописях приводятся случаи, когда чеченские посольства привозили купленные или подаренные им кольчуги из России. В России кольчуги были запрещенным для свободной торговли товаром. Поэтому итум-калинский «панцирь» может представлять работу как местную, так и грузинскую, иранскую, дагестанскую.

Кольчуги изготавливались кузнецами очень высокого профессионального уровня. Во-первых, это очень трудоемкая работа: вязать кольчугу нелегко. В нашем случае вязка четырехкольчатая и соединения «на шип» (более распространенная работа). По моему предположению, кольчатый доспех итум-калинского «панциря» из состава нового музейного экспоната (комплекта доспехов) имеет более облегченную конструкцию, поскольку диаметр колец – больше общепринятого для кольчуг, а диаметр проволоки – меньше.

У нас в фондах Национального музея Чеченской Республики есть подобная кольчуга без головного убора. Вязка, ворот, рукава – однотипные, однако проволока кольца толще, диаметр кольца меньше, поэтому более усиленный. Пробить эту кольчугу, разумеется, было тяжелее.

Таким образом, кольчуга из нового музейного экспоната вряд ли могла служить надежной защитой воина. Кстати, по одной из версий современных потомков Амри Боки, этот легендарный отважный воин скончался именно от ранений, полученных в одном из боев с противником.

О легендарном чеченском воине Амри Боке

(рассказ Мумы Амаева, уроженца села Тусхарой, одного из потомков Амри Боки. Запись сделана М.М. Гортиковой в 2012 г.)

В Итум-Калинском районе находится Тусхароевское поселение, куда входят восемь крупных сел и шесть хуторов. Эти населенные пункты основали представители дышнинского рода. Общая территория поселения Тусхарой носит название Дышни-Мохк. Наибольшую известность среди жителей района имеет селение Тусхарой, где захоронен легендарный чеченский воин Амри Бока. На месте его могилы был возведен зиярат.

В давние времена средневековый рыцарь Бока, сын Амри, был одним из военных предводителей дышнинского рода. Некоторые из жителей Итум-Калинского района являются его потомками в двадцать девятом колене.

Сказания о мужественном земляке Амри Боке передавались из поколения в поколение. Отважный предводитель со своим войском часто отправлялся в походы, помогая соседним народам отражать нашествия завоевателей.

Бесстрашный военный предводитель Амри Бока был участником многих сражений. Со своим отрядом он в союзе с грузинами боролся с захватчиками из Турции и Ирана. Его авторитет в Грузии был очень высок. Он водил дружбу с грузинскими князьями. Существует легенда, что именно на грузинской земле нашел он свою погибель. Предположительно, Амри Бока был отравлен из-за юной грузинской княжны. Ее братья, опасаясь, что Амри Бока может похитить княжну, отравили его, подмешав яд в воду.

Согласно другой версии, Амри Бока погиб при взятии крепости на территории Грузии. Будучи тяжело раненным, он доехал на коне до селения Сакан-Юрт Хильдехаройского поселения Итум-Калинского района и сделал там завещание для своих потомков. Он просил похоронить его вместе с конем в склепе, возведенном в родном селении Тусхарой.

…Слава чеченского героя осталась в веках. Завещание Амри Боки было выполнено. Жители Тусхароя построили склеп. Конь предводителя был принесен в жертву и захоронен вместе со своим хозяином. По легенде, у Амри Боки был необыкновенный боевой конь, происходивший от скрещения лошади и оленя. Этот скакун не подчинялся никому, кроме своего хозяина. У Амри Боки была оригинальная уздечка со свистком на конце. Когда нужно было вызвать коня, воин Бока свистел, и конь, где бы ни находился, мчался к своему хозяину.

В могиле находились также вещи Амри Боки: боевое оголовье, кольчуга, меч, лук со стрелами, кольчатый доспех (накидка для коня), дечиг-пондар и некоторые другие предметы.

Склеп, выложенный из бутового камня, находился в земле. Одна из его сторон выходила из-под земли на пятьдесят сантиметров. Камни были сложены таким образом, чтобы в открытую сторону задувал горный ветер. Вследствие этого, склеп постоянно оставался сухим.

Представляет интерес и тот факт, что на арочной стороне выделялись петроглифы.

По традиции, каждые пять-шесть лет тусхаройцы чистили могилу Амри Боки. Лаз был таких размеров, что туда могли проникнуть только дети, поэтому процесс очистки склепа доверяли им. Происходило это следующим образом: убирали три-четыре камня у названной стороны склепа, и в могилу запускали двух мальчиков.

По свидетельству нашего односельчанина Абага Итаева, последними юными чистильщиками склепа Амри Боки были он (Абаг) и другой его сверстник. В тысяча девятьсот двадцатом году они, десятилетние мальчики, по просьбе старших залезли в склеп и вычистили его. И тогда случилось непредвиденное происшествие. Хотя взрослые строго-настрого наказали им ни к чему в склепе не прикасаться, второй мальчик, проявив озорство, схватил в руки дечиг-пондар. Предмет (точнее, большая его часть – камертон), веками пролежавший в могиле, рассыпался на глазах у ребят. У мальчика в руках остался лишь деревянный гриф.

…Выполнив завещание своего легендарного предка-воина, дышнинцы сохранили о нем память.

Публицистика

Малика Ежиева

По лабиринтам памяти

Странная вещь – память… Я помню вещи, которые, казалось бы, ничем не примечательны. Например, как малышкой меня учили ездить на трехколесном велосипеде. Как я учила подругу Иру Божко лазать по виноградной беседке и как она свалилась с нее и сломала руку. Ее мама, тетя Люба, меня отчитывала потом, а я все твердила по-детски: «Я ей казяла туда ножку не ставь». Как моя подруга Иришка пошла в первый класс, а мне сказали, что я еще маленькая и пойду в школу только в следующем году. Весь год мы играли с ней в школу: она была учительницей, я – ученицей. Потом она пошла во второй класс, а мне сказали то же самое, что и до этого. Ира перешла в третий, мне снова пообещали: через год. Ира себя считала уже взрослой и со мной не играла. К ней в гости ходили ее новые подруги, одноклассницы.

На нашей улице жили люди разных национальностей. Слева от нас – русские, справа – ингуши, позади – молдаване, украинцы, чеченцы, армяне и другие. Улица была очень дружной. Женщины разных национальностей дружно квасили капусту в двухсотлитровых бочках. Приглашали друг друга на праздники. Помню, что у нас одних на улице был телевизор, и как по вечерам в нашем «зале» собиралась почти вся улица. Приходили со своими табуретками, обсуждали вместе все увиденное: кто из артистов женат на ком и тому подобное.

Бывали и смешные эпизоды. Например, однажды мама встретила соседку, тетю Зину Вартанян, та шла с ведром мусора. Маму звали Минат, но соседи называли ее Ниной. Увидев маму, она поставила ведро на землю и жалобно сказала: «Нина, моего Юру в армию забирают, я не вынесу». Мама, прослушав начало фразы, взяла ведро и сказала: «Давай помогу». Потом этот случай рассказывали как анекдот. Однажды тетя Зина сказала маме: «Твой Зелимхан тебя не любит, ни разу в санаторий не отправил, – на что мама ответила: «Он просто не хочет со мной расставаться. А вот почему тебя Володя каждые полгода отправляет в дома отдыха и санатории, подозрительно…» Бедная тетя Зина не знала, что и сказать.

Вартаняны продали дом и уехали после первой войны, во время военных действий погиб их сын Алик, в него выстрелил российский снайпер. Сейчас рядом с нами не осталось старых соседей. Кто-то переехал в Ставропольский край, кто-то сейчас в Волгограде, наши соседи Божко – в Армавире. Из старых соседей, наверное, семьи две осталось, и все. Изменилась до неузнаваемости наша улица.

Национальный вопрос встал передо мной в первом классе. Я пошла в школу в шесть лет, уже умела читать и писать. Ростом была самая маленькая, но, несмотря на это, меня наша первая учительница усадила за последнюю парту. Частенько, проходя мимо, ни за что отвешивала подзатыльники. Как бы я ни

тянула руку, чтобы ответить, она меня не замечала. Сейчас удивляюсь, почему я не жаловалась маме? Я была единственной девочкой-чеченкой в классе, был еще мальчик Юсуп Цуцаев. В классе третьем к нам пришла новенькая – Роза Дазурабова. На перемене мы начали говорить на родном языке, за что нас наказали. Нас поставили в разные углы класса и продержали так до конца дня, пока шли уроки и «продленка». Учительница сказала, что мы не имеем права говорить на чеченском языке в стенах школы. Помню, как в классе втором наша учительница «продленного дня» Вера Адамовна, усадив меня напротив себя, странно шипела и говорила: «У-уу, чеченское отродье». В это время зашли две учительницы из других классов и вывели детей на улицу. Мы играли в «кошки-мышки» и видели издали, как Веру Адамовну ведут два человека в белых одеждах, что ее посадили в «скорую» и увезли. В тот день дома мои старшие братья рассказывали маме, что Вера Адамовна сошла с ума, и ее увезли в психбольницу. Помню, как в пятом классе учитель рисования читал нам лекцию о том, что «вы советские дети, дети советской школы, и потому не имеете права говорить на другом языке! Вы должны говорить только по-русски».

Конечно, не все учителя были такими. Многих вспоминаю с теплотой. Думаю, что и многие выпускники помнят нашу Рябцеву Валентину Ивановну, учительницу истории, Надежду Емельяновну – учительницу географии, Эмму Алексеевну Маребис – учительницу английского языка и многих других, отдававших детям все самое доброе и светлое.

Хочу немного рассказать о нашей учительнице русского языка, Евдокии Николаевне Кабанчук, которая до последнего осталась верной нашей школе. Позже, когда я уже сама была учительницей, мне довелось работать с ней в одном коллективе.

С развалом Советского Союза многие стали уезжать. А она осталась. Жила далеко от нашего поселка: чтобы доехать до нашей школы, ей приходилось делать две пересадки на транспорте. А когда в девяностые начались проблемы с транспортом и зарплату перестали платить, она ходила через полгорода пешком. Ей предлагали работу в ближайших школах от ее дома, но она не захотела бросить своих учеников.

Человек старой закалки, она проработала в образовании почти шестьдесят лет. Евдокия Николаевна еще училась в педагогическом училище, когда началась Великая Отечественная, и ее, пятнадцатилетней девчонкой, отправили работать учителем. После войны она вышла замуж за военного и уехала с ним в Ереван – на его новое место службы. Там поступила в Ереванский педагогический институт, обучалась по специальности «учитель русского языка». В 1954 году ее муж получил назначение в город Грозный. Евдокия Николаевна была дипломированным специалистом с большим стажем, но долго не могла найти работу. В 1955 году ей предложили поработать учителем группы «продленного дня» в нашей школе №35 г. Грозного, в поселке Андреевская долина. Она с радостью согласилась, и так в школе проработала до 2000 года. Из-за того что зарплату не платили, многие увольнялись. Осталось в нашей школе учителей не так много, приходилось вести по несколько предметов. Например, я, помимо своих дисциплин (истории и обществознания), вела мировую художественную культуру, рисование и черчение. Наша завуч Ирина Геннадьевна как-то сказала: «Учитель всегда работал бесплатно, вспомните народников».

Из учителей русского языка в школе осталась одна Евдокия Николаевна, и ей приходилось вести русский язык и литературу во всех классах – с пятого по одиннадцатый. Представьте, у нас у всех было по двенадцать уроков каждый день, в две смены! А она никогда не жаловалась (все-таки возраст), всегда вовремя проверяла тетради. Никогда не болела, вернее, может, и болела, но уроки не пропускала никогда, и о своих болезнях никому не говорила. После

первой войны, помню, детей перевели из пятого в шестой класс, хотя они не учились почти год из-за боевых действий. Так Евдокия Николаевна по собственной инициативе июнь-июль месяцы по три часа в день занималась с двумя шестыми классами. За это, опять-таки, не платили, и она все еще ходила из Октябрьского района к нам, на окраину Заводского района, пешком. Кто работал в школе, знает, что такое вести урок в объединенном классе, где сидит семьдесят воспитанников, а она вела такие уроки ежедневно. Как и все учителя, работавшие тогда на одном энтузиазме, близко принимала к сердцу все неудачи своих учеников. Не скупилась на похвалу отличившимся ученикам. Весной двухтысячного года Евдокия Николаевна шла в школу по тропинке, рядом с которой, в бывшем здании СМУ, располагались российские военнослужащие. Смеясь, они начали на нее, пожилую женщину, натравливать собак. Помню, как, расстроенная, она говорила: «Ну разве это военные? Это какой-то сброд. Даже внешний вид один чего стоит! У меня муж военным был, он даже дома не позволял себе такие вольности. Всегда был подтянут и аккуратен. А это не армия, а бандиты».

Осенью того же года она не пришла в школу. К ней поехали наши учителя – оказывается, она заболела. «Ноги уже меня не слушают», – жаловалась она. Той осенью она умерла, коллектив ее похоронил, потом собрали деньги и установили памятник на ее могиле. Светлая память таким, как она, – настоящим учителям с большой буквы!

Где-то однажды я вычитала, что не все из тех людей, кто учит нас, может носить имя учителя, и не всякий, у кого мы учимся, есть учитель. Думаю, нам повезло – у нас были настоящие учителя.

Сейчас все изменилось – так же, как и наша жизнь. Взрослые стали другими, и дети тоже. Когда смотрю на теперешних детей, удивляюсь тому, как они отличаются от нас. Даже перемены в школе проходят не так, как раньше. Мы в хорошую погоду на перемене все дружно выбегали на улицу. Девочки связывали две скакалки и около пятидесяти девочек из разных классов вместе прыгали на этой скакалке, играя в «часы». Мальчишки играли в «клёк», это игра – разновидность «городков». По вечерам улицы были заполнены: взрослые сидели на скамейках, обсуждая разные новости. Кто-то играл в шахматы, а кто-то – в нарды. Малыши играли в «догонялки», кто чуть постарше – в «казаков-разбойников». Подростки играли в «горячую картошку». А юноши и девушки – в волейбол. Помню, что и малыши, и подростки любили еще «выбивало» и «клёк» – почти каждый ребенок имел свою биту для этой игры. Улицы были живыми. А сейчас – и днем, и вечером на улице безлюдно. Взрослым все некогда, мы даже соседей видим только по праздникам. Детей вечером на улицу не выпускают. Да и нынешние дети совсем другие, они и на переменах в школе, и дома – сидят, уткнувшись в телефоны или в компьютеры. А если изредка и играют во что-нибудь подвижное, взрослые трясутся над ними, боясь, что они поранятся. А ведь в детстве сами ходили все в болячках и ссадинах, лазали по деревьям, ели немытые фрукты, прямо с грядки отправляли клубнику в рот. И ничего, никакой паники у родителей. Тогда никому и в голову не приходило надеть на ребенка шлем, когда он катается на велосипеде! А сейчас на детей цепляют шлемы, налокотники, наколенники и тому подобное. Родители рады тому, что подвижные игры заменило спутниковое телевидение, Интернет и компьютерные игры, но так ли это хорошо? Если раньше детей с трудом загоняли домой, то теперь проблема отправить ребенка играть на улицу.

Блуждая по лабиринтам памяти, понимаешь, как изменилась жизнь…

Хлопок

Закончила я школу двадцать три года назад, и давно уже потеряла связь со своими одноклассниками, с которыми училась здесь, в Грозном, до шестого класса, и с кем окончила школу в казахском городе Чимкент. Помню, что первые несколько лет я переписывалась с девчонками из нашего класса, а потом все повыходили замуж, и связь прервалась. Сидя у монитора компьютера, я зашла на один популярный сайт, и виртуально встретила одну из них. Зеля написала мне, что продолжает дружить с Лирой и Санией, как и в далекие школьные годы. Я решила поехать в Чимкент (теперь уже Шымкент), чтобы с ними встретиться. Договорились на первое сентября две тысячи девятого года.

И вот наша уже постаревшая школа, я смотрю на стены – они как будто поникли за эти годы. Пытаюсь разглядеть на школьной линейке знакомые лица. Никого не узнаю, и тут ко мне подходит симпатичная женщина: «Малика, ты меня не узнаешь?» Земфира сильно изменилась, я помню ее невысокой, худенькой брюнеткой с двумя длинными косичками, а сейчас наша Зеля – пухленькая женщина со стильной стрижкой. Мы вошли в школу – из наших старых учителей осталось только две: чеченка Полина Денисовна (Пайдат Денисолтовна) и русская Светлана Михайловна. Осталась еще наша, когда-то пионервожатая, Умутгуль – теперь она уже учительница и совсем меня не помнит, хотя мы были с ней дружны. Прошлись по нашим старым коридорам. Хотели пообщаться с Полиной Денисовной, но она завуч в школе и сильно была занята, у нее на приеме были люди.

Зеля позвонила нашим одноклассницам, и мы договорились о встрече. В кафе за столиком мы рассказывали друг другу о своей жизни. Жалели о том, что нас только четверо, Лира и Сания почти не изменились, повзрослели только. Вспоминали школу и истории, связанные с ней. Но больше всего историй было связано с хлопком.

Школьников из республик Средней Азии, с седьмого по десятый классы, в конце сентября вывозили на уборку хлопка. Находились ученики там до конца ноября.

Жили мы в комнате с двумя рядами нар, куда каждый клал привезенную из дома постель. Если вы вспомните фильм «Джентльмены удачи» – момент, где герои спят в камере, то это примерно те же условия, что были и в наших комнатах. Изменились они, когда мы учились в десятом классе. Какая-то военная часть подарила колхозу, в котором мы работали, списанные двухъярусные кровати. Мы с радостью распрощались с нарами. Правда, пришлось отвоевывать верхний «этаж» чуть ли не с боем. Вставать на работу приходилось в шесть утра под скрип заезженной пластинки с песней «Учкудук». На завтрак давали кусок хлеба с яблочным повидлом и кружку чая из титана[1]. В автобус КАВЗ, рассчитанный на тридцать два человека, запихивалось человек девяносто, и наш «голубой вагон», раскачиваясь по разбитой дороге, вез нас на работу. Поле находилось километрах в десяти. Работали мы до полной темноты, в Пахтарале[2] это часам к девяти. Обед, который состоял из тарелки супа и кружки чая с хлебом, привозили туда же, в поле, поэтому с собой нужно было носить свою тарелку и ложку. Но в первые же дни почти половина учеников теряла свои сумки, и в обед, человек на пять-шесть, давали огромную чашку с супом и одну дежурную ложку. Вот так, по кругу, передавая ложку, и кушали, сидя на мешках между колючими кустами хлопка. На ужин нам каждый вечер давали макароны по-флотски. Единственным ингредиентом, напоминавшим классическое блюдо, были макароны, а вместо мяса добавлялась… вермишель. То есть это была смесь обычных отварных макаронных изделий. Когда я впервые поехала на хлопок, то весила шестьдесят два килограмма, а вернулась домой – уже с сорока пятью. За такое питание с нас еще списывали по рубль

пятьдесят в день, а ведь на эти деньги в те времена можно было пообедать в хорошем кафе. Мы все с нетерпением ждали посылок от родителей, которые раз в месяц из школы привозил грузовик. Мы дружно сортировали продукты, все было общим. Весело «обстреливали» друг друга карамелью, которую потом, в «тяжелые времена», находили в углах комнаты и с радостью съедали. Были, конечно, и такие, кто припрятывал еду, за что их потом высмеивали.

Сейчас, вспоминая все это, думаешь, что своих детей ни за что бы туда не пустила. Но тогда были другие времена, отказаться от поездки можно было, только если у тебя есть справка об инвалидности или если ты лежишь в больнице. Никто из нас не думал об антисанитарии, в которой мы питались, и о токсичности[3] хлопка, о тяжелых мешках, которые носили на своих плечах. Родители были далеко, и мало кто из нас, детей, жаловался им. Было стыдно перед одноклассниками, никто не хотел прослыть ябедой или, как тогда говорили, «стукачом». Норма хлопка для семиклассников составляла шестьдесят килограммов в день, для восьмиклассников – восемьдесят – и так по возрастающей. За килограмм хлопка нам платили три копейки. Если кто не видел хлопок, объясню: это обычная вата, только непрессованная. Пройдя грядку с один километр, можно было собрать от силы килограммов десять. Не думайте, что хлопок лежал сверху и ждал, когда его сорвут – нет, хлопок нужно было рвать из колючих зарослей. Ведь мы, школьники, шли по тем полям, где комбайн уже собрал урожай.

Вспоминаю «хлопковый» скандал во время перестройки, когда следователь Тельман Гдлян вскрыл огромные приписки. Весь тогдашний Советский Союз гремел, все только и обсуждали «Хлопковое дело». Слушая выступление Гдляна по телевизору, вспоминала и наш активный труд. («Хлопковым делом» называлась серия уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях и приписках в Узбекской ССР, расследование по которым проводилось с тысяча девятьсот восемьдесят второго года, после смерти Л.И. Брежнева).

Как и положено детям, мы шалили и с помощью сухой глины «солили хлопок» – мешок, который должен был весить десять килограммов, весил пятнадцать, а то и все двадцать килограммов. Надо сказать, что мешки мы должны были еще и дотащить до весовой. Потом придумали способ еще лучше: если рядом не было местных рабочих, забирались на самый верх хлопковой горы и, как бы вытряхивая мешок, скидывали его вниз, на противоположную сторону от весов. Потом подбирали и тихонько несли обратно, немного отсыпав или добавив хлопка, чтобы был другой вес. Так что в знаменитое «Дело» внесли свою лепту и мы, школьники.

Иногда мы умудрялись, ближе к вечеру, убегать с поля, за что нас вызывали на «Полевой совет», в который входили все учителя и активисты от комсомола. Отчитывали на них каждого по отдельности, грозили исключением из комсомола, но не на всех эти угрозы действовали. Так, однажды с поля сбежала я, Лира и Сания. Пришли в наши бараки голодные и уставшие. Начали искать что-нибудь съестное в коробках из-под посылок, но ничего не нашли. Потом Лира вспомнила, как Зеля припрятала палку говяжьей колбасы, на всякий случай, и мы решили, что этот случай настал. Нас даже не смутило отсутствие самой Зели. Девочки сказали, что колбасу без хлеба кушать не хотят и пошли его искать – я же села читать книгу, кажется, это был Фенимор Купер, что-то про индейцев. А читала я в те времена «в запой», читала все подряд, и даже если видела обрывок газеты, должна была его прочесть. До того вчитывалась, что не слышала и не видела происходящего рядом. Так вот, сижу я, читаю, – так увлеклась, что девочек не слышу. Тут меня начали трясти за плечи – ничего не понимаю, смотрю на них, а они спрашивают: «Где колбаса?» Я удивленно смотрю вокруг и… нахожу рядом с собой «предательский хвостик» от несчастной колбаски. Девчонки смотрят на меня с изумлением: «Ты что, съела

ее?!» Не знаю, что их больше удивило – моя наглость или аппетит. Но я сама удивилась – честно, до сих пор не могу понять, как ее съела. Бедные девчонки сидели, давились хлебом, косо поглядывая на меня. Прошло два с лишним десятка лет, и вот, за столиком в кафе, я говорю: «Помните, как я Зелькину колбасу съела?» Лира как закричит: «Вот, видишь, Сания, а ты меня все эти годы той колбасой попрекала! А я ее и не ела вовсе!» Тут Зеля с возмущением говорит: «Что? А я все эти годы думала, кто же у меня тогда ее стащил! А это вы?! Подруги!!!» Нам стало смешно, начали смеяться над бедной Зелей, а она грозится: «Ничего, я вам отомщу», – намекая на магазин Лиры и Сании.

Тут вспомнилась осень тысяча девятьсот восемьдесят второго года: выпал снег, и в поле нас не повели. Так как работали мы без выходных, то обрадовались этому безмерно. Кто-то из наших пошел в местный кинотеатр смотреть комедию «Спортлото – 82», а там – портрет Брежнева висит с траурной черной лентой. Прибежали, говорят: «Брежнев умер». Мы помчались спрашивать у местных, а они плечами пожимают, говорят: «Не знаем». Казалось, что они даже не знали, кто такой Брежнев. Директор школы поехала в правление колхоза, вернулась заплаканная. Мы начали потихоньку посмеиваться в своей комнате, но тут вдруг в голос заплакала наша Софа Лазариди. Мы с удивлением на нее смотрим и говорим: «Ты что плачешь, как будто дядя твой умер?» А она, сквозь плач, отвечает: «Все, теперь война будет, на нас китайцы нападут!» Вот смеху было! А Софа, знай, все твердила свое.

На следующий день всех учеников школы построили в коридоре перед телевизором, где транслировалась церемония похорон Леонида Ильича. Как плакала директорша, а с ней лил слезы и директор колхоза! А мы с ухмылкой переглядывались, находя все это забавным.

Знали бы тогда, что жизнь наша действительно изменится, да не в лучшую сторону... Мы, выросшие в Советском Союзе, тяжело перенесли его развал, «лихие» девяностые… И как бы бедно ни жили наши «совковые» люди, но все же жили дружно, и не было у нас межнациональной розни. Было уважение и интерес к другим культурам. Никто тогда не считал, что «кавказцы лезгинкой помечают территорию». Мы танцевали и свою лезгинку, и сиртаки с греками, и андижанский танец с узбеками, и не было в этом унижения для других. Это было весело…

Я уже писала выше, что у нас не любили тех, кто прятал еду. Так вот, мальчишки устраивали суд над теми, кого застукали тихонько жующим под одеялом что-нибудь из своей заначки. Это не было самосудом – выбирали судью, прокурора, адвоката, были и свидетели. На этом ночном «судебном заседании» присутствовали все одноклассники. Присуждали провинившимся побег из лагеря на несколько дней, в зависимости от «тяжести содеянного». Это было чревато последствиями в школе, но «осужденным» ничего больше не оставалось, как подчиниться решению суда. Девочек никто не судил, просто это было не принято. Был только один случай, когда девочка прятала свою посылку, кушая вместе с остальными общую еду. Все знали, открыто ей говорили в лицо, что она поступает по-свински, но Наташа Ч. была непробиваемой.

Сейчас, вспоминая эту изнурительную работу с раннего утра до позднего вечера, удивляешься, откуда мы брали силы на ночные шалости? Среди ночи могли потихоньку встать, конечно, заранее договорившись, и пойти «красить» зубной пастой учеников из других комнат. Однажды я, моя двоюродная сестра, ее подруга Наташка Дробизова и наш двоюродный брат решили совершить такой рейд. Нагрели зубную пасту у печки – теплую «жертва» не сразу почувствует – и пошли. Лиза, моя двоюродная, была невысокого роста, и выбирала «жестокий» вариант раскраски: она выдавливала зубную пасту на веник и тыкала им в спящих мальчишек. Руслан и Наташа размазывали пасту в ладонях, а потом слегка хлопали спящих по лицам. Я же решила в потемках

навести «красоту». Подошла к одному (в темноте не было видно, кто это), аккуратно выдавливая пасту из тюбика прямо на лицо: нарисовала усы, брови. Но тут подошел Руслан и сказал, что так не красят. С размаху он неожиданно влепил спящему такую звонкую оплеуху, что тот аж подскочил. По его росту мы сразу поняли, что это не ученик, и кинулись вон из комнаты. Спящим оказался папа той самой Наташи, которую все недолюбливали. Оказывается, он ночью приехал навестить дочь, и ему кто-то из мальчишек уступил свою кровать. Что тут началось! Оказывается, дочка была «в папу». Он начал кричать, что на него ночью напали бандиты и что он видел нож в их руках. Наверное, «бандитом с ножом» была я, а вернее, с тюбиком пасты. Наутро он забрал дочь и уехал – как потом выяснилось, чтобы написать заявление в милицию и жалобу в газету «Южный Казахстан». К нам начали ездить с проверками, которые ничего, естественно, не дали.

Один раз жертвой оказалась и я. Было это накануне ноябрьских праздников. Снился мне в эту ночь патриотический сон: как мы спасаем красное знамя из пионерской комнаты, в город входят немецкие войска, и мы, отстреливаясь, уходим и т.п. Это ж надо было такому сну присниться, да еще мне! Просыпаюсь утром, а у меня в руке красный флажок, и пальцы ног, как каменные. Смотрю: на ступнях, наверное, по тюбику зубной пасты налито. До лица то ли не дотянулись, то ли побоялись дотронуться, а вот подошву сделали! Наверное, эта история развеселила больше всех меня. Вот уж, действительно, сон в руку!

Как-то пришлось нам работать рядом с кладбищем. Мы устраивали там экскурсии, убегая с поля. На воротах кладбища была надпись, кажется «Имынды», и полумесяц. Но само кладбище не было чисто мусульманским – там были и могилы с огромными мраморными крестами, с деревянными лестницами, и мусульманские могилы без надгробий, на восточный манер, с домиком. Мы как-то спросили у местного жителя, почему кладбище смешанное, на что он ответил: «Так решили старики – раз по земле вместе ходим, то и под ней можно вместе лежать». На вопрос, почему на некоторых могилах вместо надгробия лестница, нам ответили, что так душам легче будет подняться на небеса. В этом была какая-то философия, и мы отнеслись к ней серьезно, несмотря на наш возраст.

Брать для работы ряды возле кладбища никто не хотел, поэтому я решила взять сразу рядов восемь возле него. Кусты рядом с оградой были невысокими. Помню, как спокойно мне там работалось. Одноклассники не шумели, и я, сидя на корточках, собирала хлопок. Оказывается, я так там и уснула. Проснувшись, увидела напротив себя удивленное лицо Полины Денисовны: «Малика, ты меня напугала. Я около часа назад проходила здесь – ты сидела в этой же позе и смотрела на кладбище. Иду обратно – ты покачиваешься на носочках, с закрытыми глазами, и никак не реагируешь на меня!».

Я не знала, что ответить. На душе было как-то спокойно, и усталость куда-то ушла. Мы ведь нормально и не спали – подъем в шесть, работа до девяти часов вечера, потом ужин. Столовой у нас не было – столы стояли под навесами. В половине десятого, почти одновременно с ужином, начинали крутить кино, прямо там, на улице. А в одиннадцать часов – уже «отбой». Фильмы были старыми, советскими, почти все их знали наизусть, поэтому мало кто смотрел, но деньги за сеанс списывали с каждого. Таким был официальный распорядок. Но все интересное начиналось после «отбоя» – шалости, судебные заседания или просто посиделки. Помню, как ночью мы рассказывали страшилки, потом легли спать, а одна из девчонок (кажется, это была Света Сагирова) читала «Вий» Гоголя. Я уже спала, когда услышала голос Светки: «Малика, выключи свет, пожалуйста». Выключатель был рядом со мной, я спала на верхнем ярусе. Смотрю вниз, а Светка накрылась с головой. Говорю ей из вредности: «Что людей будишь? Сама что ли не можешь?» – а она мне в ответ: «Я боюсь

из-под одеяла вылезти». «Ладно, трусиха» – сказала я и стукнула рукой по выключателю. Утром смеялись над Светкой, а она, оправдываясь, говорила: «А вы сами ночью «Вий» прочитайте – я на вас посмотрю!».

Естественно, уставая от такого режима, мы умудрялись засыпать, стоя в очереди на весовую, – облокотившись на мешок с хлопком или сидя на нем во время обеда. Всегда это было поводом для шуток и смеха.

Когда начинаешь рассказывать про уборку хлопка, многие думают, что это что-то вроде работы в трудовом лагере. Однако я бы так не сказала. В трудовой лагерь нас тоже возили летом, и тоже на хлопок, только не на уборку, а на прополку хлопка. Возили в Пахтарал, а это жара за сорок градусов, пыльные бури и комары ночью. Из-за жары на работу выходили в половине шестого утра, а в одиннадцать шли уже домой. Тени нигде не было, очень хотелось пить. Иногда нас подвозили на тракторной тележке вместе с местными рабочими. Дойдя до лагеря, шли в душевые, потом на обед – и спать, поскольку из-за жары шалить сил не было. Учителя нас будили на полдник, и, в отличие от осенних работ, здесь кормили нормально. На полдник нам давали яблочный сок и что-нибудь сдобное. Была определенная норма. Я, ради смеха, один раз подала незнакомым поварихам литровую кружку и сказала: «На меня, на Малику и на Ежиеву», – мне выдали тройную норму. Позади меня шла Лира Хакимьянова, услышав мои слова, тоже протянула им литровую банку и сказала: «На меня, на Лирку и на Хакимьянову». Таким образом, девчонки из нашей комнаты стали брать тройные порции и угощать других, но секрета не выдавали.

Перед сном рядом с кроватью мы ставили ведра с водой, мочили в них простыни и, не выжимая, накрывались с головой. Минут через тридцать простыня высыхала, мы повторяли процедуру – и так до утра. Утром ведро было почти пустым. И еще одна очень интересная деталь запала мне в память: когда ночью просыпаешься, вдруг обнаруживаешь, что все вокруг разговаривают во сне. И каждая девчонка на своем языке. Слышалась немецкая, греческая, татарская, корейская, чеченская речь. А ведь в течение дня все говорили на русском. Это как же нас жара донимала! Вот и сравнивайте: на сборе хлопка мы работали почти по четырнадцать часов в день, а тут неполные шесть, но сил уже ни на что не оставалось.

С водой в нашем населенном пункте была, как говорится, напряженка. Для лагеря привозили огромный бак и ставили во дворе. Начали к этому баку ходить местные жители, вода быстро заканчивалась, и начинались проблемы. С трудом находили грузовик, чтобы привезти воду. Решили, что бак нужно охранять, на него усадили нашего физрука. Через некоторое время его окружили местные. Он никого не слушал. Потом сказал: «Воду вы просите, а ведро абрикосов дать вам жалко. Вон у вас с деревьев сыпятся они, гниют. А вы для детей жалеете, мы бы им компот сварили». Тут одна пожилая узбечка говорит: «Кто не дает?» – физрук рукой показывает в соседний двор. Узбечка, как бы зная наших соседей, пренебрежительно машет в их сторону рукой и говорит: «Ах, эти! Там мамушка плохой живет, я – хороший!» Физрук тогда говорит: «Хорошо, тогда меняю два ведра воды на ведро абрикосов!» Узбечка как плюнет в его сторону и с выкриком: «На!» – сунула под нос физруку кукиш. На этом разговор был окончен, местные ушли вместе с «хорошей мамушкой».

Можно было еще долго сидеть за этим столиком в кафе, блуждая по коридорам памяти, но было уже поздно. За мной приехал брат, и мы с подругами расстались, договорившись больше не терять друг друга.

---

[1] Титан – большой кипятильник для воды.

[2] Пахтарал – район южного Казахстана.

[3] Токсичность хлопка – хлопок опрыскивали ДДТ и другими опасными пестицидами, и школьники дышали ядовитой пылью с кустов и земли.

Публицистика

Муслим Гапуев

Фартовый борец

Очерк

Награждение.

Большой список регалий, если за ним не стоит человеческая личность, не очень-то и интересен. Да и память людская больше запоминает непростые судьбы, нежели благополучные. Спорт в этом плане не исключение.

История Ибрагима Магомедовича Шовхалова – это, прежде всего, рассказ о кропотливом труде, твердом характере, харизматичной личности и не раскрытом до конца спортивном потенциале.

В жизни Ибрагима Шовхалова случалось много парадоксов. Одним из них является то, что всерьез борьбой он начал заниматься в 18 лет – после призыва в армию. К этому времени другие либо добиваются успеха в спорте, либо, не добившись, уходят на другие «нивы». Хотя, справедливости ради, надо признать, что фундамент для дальнейшего роста спортивного мастерства в нем уже был заложен заслуженным тренером РСФСР по греко-римской борьбе Султаном Мамедовичем Мисербиевым из села Садовое тогда еще Чечено-Ингушетии.

О Мисербиеве – человеке, несомненно, интересном и уважаемом, можно долго рассказывать. История его родословной – это тема отдельного разговора. Одно то, что его прадед был в дружеских отношениях со всемирно известным писателем Львом Николаевичем Толстым, дед, служивший в царской армии, был полным кавалером Георгиевских крестов, а дядя геройски прошел через всю Великую Отечественную войну, говорит о многом.

Ибрагим уважает и почитает Султана Мисербиева едва ли не как родного отца. Это и неудивительно: тренер вложил в ученика часть своей души. К тому же, именно благодаря закалке, заложенной первым тренером, Ибрагим завершил выступления в большом спорте без серьезных хронических травм, что для современного спорта явление нерядовое. «В первую очередь Султан Мисербиев воспитывал в своих учениках трудолюбие и характер, закалял волю. А уж затем учил технике и тактике борьбы», – говорит Ибрагим Шовхалов. Именно благодаря этим качествам в дальнейшем он сам станет ярким и самобытным борцом.

Ибрагим Шовхалов все свои долгие годы в большом спорте, хоть он был уже далеко от своего дома, одним из своих тренеров указывал Мисербиева. Этот факт говорит о достоинстве наставника, но также характеризует Шовхалова: благодарность, как известно, черта свойственная людям сильным. Но больше всех причастными к своим победам Ибрагим считает родителей. И не потому, что дали ему отменное здоровье. В первую очередь от них Ибрагим во всех своих начинаниях чувствовал всяческую поддержку, которая сильно его стимулировала. Во времена, когда спорт считался профессией без будущего, родители Ибрагима не только не мешали ему уделять львиное время борьбе, но еще и поддерживали морально, ограждали от проблем и давали возможность тратить все силы на спорт.

Правда, до призыва в армию Ибрагим не думал выбирать спорт своей

профессией. Борьба нужна была для того, чтобы стать сильней, выплеснуть свою юношескую энергию и занять свое время. И занимался он, как принято говорить, «для себя». Но тем не менее кандидатом в мастера спорта стал и где-то в глубине души мечтал о мастерском звании.

Во время призыва в армию в 1986 году спортивная закалка Ибрагима чуть не сыграла с ним злую шутку – его зачислили в десантно-штурмовой батальон, дислоцирующийся в Туркестанском военном округе. Он прошел две комиссии и должен был вылететь в Ашхабад, а оттуда (это не было большим секретом) после краткого курса обучения – попасть в Афганистан, где до завершения бессмысленной и жестокой войны оставалось еще более двух лет. Нет сомнения в том, что и там Шовхалов проявил бы свой мужской характер, но бесспорно и то, что спорт при этом потерял бы талантливого борца.

К счастью, нашлись командиры, увидевшие в Ибрагиме Шовхалове потенциал не военный, а спортивный. Так он попал в Новочеркасск, а оттуда – в Ростовскую спортроту. Благодаря доверию и поддержке многих людей: родителей, друзей, командиров – Ибрагим стал заниматься спортом всерьез.

Ростовская школа греко-римской борьбы была одной из сильнейших в Советском Союзе и славилась она своими борцами еще с довоенной поры. Целая плеяда выдающихся мастеров греко-римской борьбы из Ростова побеждала на чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх. Такие имена, как Гурген Шатворян, Владимир Сташкевич, Валентин Николаев, Николай Яковенко, Геннадий Ермилов, Борис Крамаренко, Вартерес Самургашев, Сергей Дюдяев, Сергей Буланов и Камал Мусаев известны далеко за пределами страны. Забегая вперед, скажу, что славные страницы в летопись ростовской школы греко-римской борьбы вписали и чеченские борцы: Ислам Дугучиев и Ибрагим Шовхалов.

Ибрагим с первых дней тренировался в одном зале с чемпионами СССР, Европы и мира, о которых недавно еще читал только в газетах. Этот фактор в немалой степени повлиял на рост его мастерства. Его невероятная самоотдача на тренировках, граничащая с самоистязанием, поражала ростовских тренеров, повидавших немало «тружеников ковра». Да и местные «тяжи» с тревогой наблюдали, как на глазах растет в мастерстве их оппонент. Некоторые из них даже ушли из спорта, понимая, что первыми им уже не стать. Именно благодаря изнурительным тренировкам Ибрагим за полтора года добился феноменального прогресса, которого многие добиваются за долгие годы. А то и не добиваются вовсе…

Начало спортивной карьеры за ростовский СКА у Ибрагима Шовхалова было очень успешным: в 1987 году он выиграл алма-атинский турнир им. Мамбетова (тогда на него впервые обратили внимание специалисты греко-римской борьбы), чемпионат Вооруженных Сил СССР среди молодежи. Мог и должен был стать чемпионом СССР среди молодежи, но откровенно предвзятое судейство в финале помешало этого достичь. Много позже, уже завершив выступления в большом спорте, от главного судьи того финала Ибрагим узнал и закулисную его сторону.

В том году Шовхалова не взяли ни на один большой турнир, включая первенство Европы и Кубок мира среди молодежи, куда обычно брали вице-чемпионов страны. Возможно, причина была в том, что у Шовхалова не было своего тренера, готового, помимо прочего, лоббировать его интересы.

Вскоре, однако, состоялась его счастливая встреча с мастером спорта СССР международного класса, заслуженным тренером СССР и России Эдуардом Алексеевичем Коваленко, являвшимся старшим тренером Ростовской области. Опытный наставник поставил Ибрагиму несколько комбинаций, которые затем ставили в тупик многих именитых борцов. Результаты союза между известным тренером и жаждущим побед учеником не заставили себя долго ждать.

В 1989 году в Ульяновске Шовхалов выиграл свой первый чемпионат России.

Но на чемпионате СССР того же года в Минске он остановился в шаге от медали, проиграв первому номеру сборной страны в тяжелом весе, неоднократному чемпиону Европы, призеру чемпионатов мира, победителю Кубка мира Анатолию Федоренко из Белоруссии. Несмотря на поражение, Шовхалов уже тогда являлся одним из лучших тяжеловесов страны. На последнем перед чемпионатом Европы-89 сборе в Алуште он, к примеру, в контрольной схватке победил Вячеслава Клименко – 6:0. Именно Клименко поехал в том году на европейский чемпионат в Финляндию и стал там бронзовым призером.

На чемпионате СССР 1990 года в Ростове в категории до 100 кг, в которой боролся Ибрагим, было заявлено семь чемпионов мира разных лет и возрастных групп. И это не считая голодных до побед молодых и перспективных борцов. И среди всей этой честной компании стать бронзовым призером дорогого стоит. Надо при этом отметить, что Шовхалов к тому же был «недовеском» – его вес составлял 96 килограммов. Свою единственную схватку он проиграл чемпиону СССР, Европы и мира Гураму Гедехаури. Причем в той схватке Ибрагим вел 3:0, но при проведении контрприема неудачно подвернул ногу, на которую всей своей массой упал Гедехаури. Нога хрустнула так, что услышал весь зал. В больнице, куда Шовхалова немедленно доставили, выяснилось, что у него порвались связки голеностопа. Казалось, о борьбе надо надолго забыть.

Но Борис Григорьевич Крамаренко – тренер Шовхалова в СКА, внимательно осмотрев ногу, не счел травму достаточной для снятия с соревнования: «Шанс выиграть медаль союзного чемпионата выпадает не каждый день и не каждому – надо постараться им воспользоваться. Завтра схватки за бронзу – ты должен бороться». Ибрагим был в недоумении: как можно бороться с ногой, на которую нельзя даже ступить от боли? Но слова Крамаренко – призера московской Олимпиады и чемпиона мира 1978 года – все же вселили надежду. А слова, сказанные легендарным «супертяжем» Александром Карелиным, к тому времени олимпийским чемпионом и чемпионом мира, окончательно убедили его, что надо биться до конца: «У меня была такая же травма, Ибрагим. С ней можно бороться, а главное – побеждать». При этом он забинтовал ногу так плотно, как может это сделать сибирский богатырь. И с такой травмированной ногой Шовхалов на следующий день победил нескольких соперников, а в решающем поединке за бронзовую медаль одолел Федоренко, того самого, кому проиграл схватку за «бронзу» годом ранее.

На майский чемпионат Европы в Познань все же повезли Анатолия Федоренко. И надо сказать, выступил он там блестяще, став в третий раз чемпионом Европы.

В 1990 году Шовхалов набрал такую форму, которой, по его словам, он не достигал больше никогда. И не потому, что в дальнейшем снизил нагрузки. Такое бывает, когда за тебя молодость, не так давит груз ответственности, не мучают застарелые травмы…

Выиграв у всех главных конкурентов контрольные схватки, в том числе и у Федоренко, Шовхалов вполне обоснованно рассчитывал попасть на чемпионат мира. Но на октябрьский чемпионат мира в Италию неожиданно взяли Сергея Демяшкевича. Сборной тогда руководил заслуженный тренер СССР и РСФСР Геннадий Андреевич Сапунов. Сложно сказать, чем он руководствовался, беря на чемпионат мира в тяжелую категорию борца, проигравшего на чемпионате СССР обе свои схватки, причем во втором среднем весе. Может, решение взять белорусского борца Сапунов принял с подачи своего помощника в сборной, старшего тренера сборной Белоруссии Ивана Александровича Коршунова? Но поскольку советские борцы выиграли на том чемпионате мира шесть золотых медалей из десяти, к Сапунову никаких вопросов не возникло.

Там же, в Остиа, первую из четырех своих золотых медалей мировых чемпионатов завоевал выдающийся чеченский борец Ислам Дугучиев.

В 1991 году в Запорожье состоялась 10 Спартакиада народов СССР, в рамках которой прошел чемпионат СССР. Шовхалов стал бронзовым призером этих

соревнований. Единственное поражение он потерпел от Сергея Демяшкевича: при ничейном счете 1:1 судьи отдали победу белорусскому борцу.

Ибрагим размышлял: выигранные две подряд бронзы союзного чемпионата – это хорошо или плохо? С одной стороны – занять призовое место среди монстров борьбы совсем неплохо. С другой стороны, чеченский борец сам был тем монстром, молодым и амбициозным, который жаждал только побед. Если не в молодости дерзать, то когда еще?

В 1991 году Ибрагим выиграл все международные турниры, в которых участвовал: в Греции, Венгрии, Швеции, Спартакиаду Дружественных армий стран Варшавского Договора, чемпионат мира среди военнослужащих (в финале которого, к слову, со счетом 8:0 победил чемпиона Европы, трехкратного чемпиона мира и чемпиона Олимпийских игр, немца Майка Бульманна).

Любопытный факт: звание мастера спорта СССР международного класса Ибрагим Шовхалов получил, минуя мастерское звание.

На чемпионат Европы 1991 года, куда Шовхалов, не без оснований, рассчитывал попасть, вновь взяли Демяшкевича. Надо отдать ему должное – надежды тренеров до поры до времени он оправдывал. Вот и в апреле, в немецком городе Ашаффенбург, он, как и на чемпионате мира 1990 года, стал первым.

Но на сентябрьском чемпионате мира в Варне Демяшкевич стал третьим. Это расценили как неудачу, и в декабре 1991 года на Кубок мира в греческий город Тессалоники поехал Ибрагим Шовхалов. Он блестяще провел весь турнир, завоевав две золотые медали: в командном и личном зачете. В финале Шовхалов победил двухкратного призера Олимпийских игр, физически очень сильного Денниса Марвина Козловски из США. К слову, это был последний борцовский турнир, на котором была символика Советского Союза.

Казалось, что теперь фортуна повернулась к Шовхалову лицом. Став в 1992 году чемпионом СНГ (был такой конгломерат после распада СССР), Ибрагим Шовхалов завоевал право выступить на апрельском чемпионате Европы в Дании.

К европейскому чемпионату в Копенгагене, на котором борцы бывшего Советского Союза выступали под флагом Объединенной команды, Шовхалов подошел в оптимальной форме. Уверенно пройдя весь турнир, он вышел в финал, в котором впервые встретился с поляком Анджеем Вронски. Польский борец был к тому времени победителем Сеульской Олимпиады и чемпионом Европы 1989 года. Однако регалии Вронски не смутили Шовхалова. Пять предупреждений за пассивность, вынесенных судьей поляку, против трех – россиянину говорят о большей активности Ибрагима. Но, несмотря на сильный прессинг, Вронски удалось сдержать натиск Шовхалова. По правилам тех лет, если в основное время не было трехбалльного разрыва в счете, то назначались дополнительные две минуты. За пять секунд до конца схватки Шовхалов, решив все же трансформировать свою активность в победу, пошел на решительный штурм. После его стремительной атаки оба борца вылетели за ковер. Но, к огромному удивлению и разочарованию Шовхалова, арбитр встречи трактовал действия российского борца как «умышленное выталкивание соперника за пределы рабочей зоны ковра» и присудил победный балл Анджею Вронски. Более нелепого решения трудно было себе представить. Видимо, на судью магическим образом повлияли регалии поляка.

Ибрагим не мог поверить в случившееся. Несколько секунд он находился в прострации. Многие борцы не любят серебряные медали из-за осадка на душе: их завоевывают, проигрывая последнюю схватку. В случае с Ибрагимом Шовхаловым можно добавить – проигрывая незаслуженно. И вполне естественно, что серебро европейского чемпионата он расценил как явную неудачу.

Оглядываясь с высоты времени назад, он убежден, что, выиграй он тогда тот европейский чемпионат, его спортивная судьба могла сложиться совсем иначе.

Главное спортивное разочарование для Шовхалова в 1992 году было связано не с поражением на чемпионате Европы, а с тем, что он не попал в Барселону на Олимпийские игры. Хотя, может, эти неудачи и взаимосвязаны между собой, и как раз из-за досадного поражения в финале чемпионата Европы-92 он и не попал на Олимпийские игры. Как бы то ни было, это стало сильным ударом для Ибрагима, который находился в отличной форме. Отсутствие травм, 24-летний возраст – оптимальный для покорения любых вершин, победы над прямыми конкурентами в стране позволяли надеяться на то, что именно его повезут на главные соревнования в жизни любого спортсмена. Но большой спорт, ко всему прочему, это и большие интриги – тренерский штаб вновь предпочел ему Сергея Демяшкевича, ставшего на Олимпиаде лишь третьим. Кстати, финалистом Олимпиады в Барселоне стал американец Деннис Марвин Козловски, которого полугодом ранее Шовхалов победил в финале Кубка мира со счетом 8:0.

А с Демяшкевичем, бывшим партнером по сборной СССР, а после развала Союза лидером сборной Белоруссии, Шовхалов встретился в 1993 году в финале 40-го чемпионата Европы в Турции. В одном из эпизодов схватки Ибрагим провел перевод рывком за руку. Он настолько резко дернул руку Демяшкевича, что у того вылетел локоть. Громкий хруст был слышен даже на трибунах. Выскочивший сустав вставили на место. На что рассчитывали врачи, разрешая белорусскому борцу продолжить схватку, сказать сложно. Но факт остается фактом: морщась от боли, Демяшкевич вышел на ковер и продолжил схватку, убрав травмированную руку за спину. Хотя борьбой это уже сложно было назвать. В решающей схватке такого уровня, как чемпионат Европы, нет времени думать о том, какими способами добыть победу. И не всегда используемые способы подходят под категорию «фэйр плэй». Шовхалову, который проигрывал по очкам, не составило бы большого труда, воздействуя на травмированную руку, одержать победу – любое прикосновение к ней вызвало бы болевой шок у соперника. Но Ибрагим ни разу даже не попытался коснуться болевого очага. Он посчитал ниже своего достоинства побеждать таким образом. Счет так и остался без изменений. Заполненный до отказа зал стамбульского Дворца спорта «Абди Ипекчи» стоя аплодировал российскому борцу за его благородный поступок. Подошел к Шовхалову и Демяшкевич со словами благодарности.

Чемпионат мира 1993 года, прошедший в сентябре в Стокгольме, Ибрагим Шовхалов запомнил на всю жизнь. И не потому, что он впервые участвовал в столь крупных соревнованиях, а из-за непередаваемой атмосферы и накала страстей на борцовском ковре и вокруг него.

То, что судьи могут быть предвзяты на ковре, Ибрагим уже знал по своему опыту. Но после стокгольмского чемпионата мира он понял, что «подковерные игры» и несправедливость начинаются еще до схваток. При жеребьевке Ибрагим вытащил номер 111. Не верящий в суеверия, он этот номер, тем не менее, посчитал для себя счастливым, ибо соответствовал числу и месяцу его рождения – 11 января. «Ты вытянул хорошие цифры: три единицы – это первые места, которые ты займешь на чемпионате Европы, мира и Олимпийских играх. Этот чемпионат твой», – подбадривали его товарищи по команде. При жеребьевке Шовхалов попал в группу «А», в которой, так уж совпало, не оказалось ни одного борца с мировыми регалиями. В группе же «В», напротив, собрались два олимпийских чемпиона и четыре чемпиона мира разных лет и возрастных категорий. Группу «В» сразу окрестили «группой смерти».

Откровенно говоря, Шовхалову повезло с жеребьевкой. Было ясно, что если не случится какой-нибудь форс-мажор, он выйдет в финал чемпионата. При этом будет намного свежее своего соперника, который к решающей схватке придет выжатым, как лимон, так как все его поединки будут крайне сложными.

Но вскоре благодушное настроение Ибрагима рассеялось, как утренний туман: воспользовавшись небольшой заминкой с оформлением документов киргизского борца, организаторы поменяли местами Шовхалова и хозяина

На снимке слева: И. Шовхалов.

соревнований Микаэля Лунгберга. Теперь уже Ибрагим был в «группе смерти».

«Миша, я же при жеребьевке попал в группу «А», что происходит?» – недоуменно спросил Ибрагим у главного тренера сборной России. Многоопытный Михаил Мамиашвили понимал, что решение, принятое на уровне организаторов соревнований, отменить невозможно. «Ничего не поделаешь, Ибра, – ответил он, – это издержки большого спорта – надо бороться». И Ибрагим боролся. Боролся мощно и самозабвенно.

В групповом турнире он провел четыре схватки. В дополнительное время он победил участника Олимпийских игр Хелгера Халлика из Эстонии; призера чемпионата мира Маджора Шандора из Венгрии победил на туше. Особо запомнился его поединок с победителем Панамериканских игр американцем Джэймсом Джонсоном. Даже среди других участников соревнований, которые тоже были не из кружка юных натуралистов, темнокожий борец из США выделялся своей фактурой – под два метра ростом, с длинными до колен руками, бицепсами, как у Кинг-Конга. Неспроста в кулуарах его прозвали Гориллой. Кстати, тренером американца был выходец из Баку Анатолий Петросян.

Когда Шовхалов выходил на ковер, Сергей Демяшкевич шепнул ему: «Не знаю, как ты с ним справишься». Сопротивление американца Ибрагим сломил лишь в дополнительное время. Но каких усилий это ему стоило, знает только он один.

Заключительный поединок подгруппы с Анджеем Вронски состоялся на следующий день. То, что Вронски был в хорошей форме, было ясно по его победе во втором круге над Сергеем Демяшкевичем из Белоруссии.

«Бросковым» борцам, к категории которых относился Шовхалов, сложно было бороться с такими высокими и вязкими борцами, как Вронски. Тактика борьбы поляка была построена на защите. Длинными руками он вязал соперника, не давая ему проявить свои лучшие качества. Но стоило его оппоненту сделать нерасчетливое движение, как поляк моментально этим пользовался.

Очередная схватка Шовхалова и Вронски получилась крайне напряженной. Никто не хотел уступать. В ходе схватки Шовхалов применил неожиданный тактический ход: отдал инициативу сопернику. Поляк, привыкший вести

оборонительную борьбу, все же пошел вперед. Этого и ждал Ибрагим, за 15 секунд до конца поединка своим излюбленным приемом «нырок» выигравший победный балл.

Надо сказать, что этот прием Шовхалов отрабатывал несколько лет и довел практически до совершенства. Причем, все знали про его «коронку», но, тем не менее, регулярно попадались на это – настолько отточен был прием. Его невысокий для тяжелой категории рост, конституция тела, резкость, взрывная сила – все способствовало качественному выполнению этого технического действия.

Этот прием много раз спасал Ибрагима в самых сложных ситуациях на ковре. Благодаря ему, он и вышел в финал чемпионата мира 1993 года.

Финальная схватка состоялась вечером того же дня. Соперником Шовхалова, естественно, был хозяин ковра Микаэль Лунгберг, без особых проблем прошедший групповой турнир.

Если после казуса с жеребьевкой могли возникнуть сомнения в отношении чемпионской перспективы Шовхалова, то после выхода его в финал в поражение российского борца верили только шведы. Михаил Мамиашвили перед финальной схваткой в небольшом интервью даже обмолвился, что Шовхалов – сто процентов чемпион мира. Объективно российский борец был сильнее шведа как физически, так и технически.

Как вспоминает Ибрагим, он выходил на финальную схватку с желанием сделать эффектный бросок. Проигрыш он даже в мыслях не допускал. Возможно, эта недооценка и сыграла свою роль…

Для шведа же выход в финал чемпионата мира уже был большим успехом. До этого его самыми большими титулами были победы на Играх стран Балтийского моря, чемпионате Северных стран и молодежном первенстве Европы.

Лундберг был единственным шведом, вышедшим в финал чемпионата мира, и «поболеть» за своего любимца в «Глобен-Арену» пришло 20 тысяч человек. Зал был переполнен.

Люди стояли даже в проходах между рядами, что для западной страны является крайне редким явлением. Трудно было представить, что обычно сдержанные и невозмутимые скандинавы могут так неистово кричать. Посмотреть финальную схватку пришел и король Швеции Карл XVI Густав.

Борьба (особенно греко-римского стиля) очень популярна в Швеции. Достаточно сказать, что первые два трехкратных олимпийских чемпиона по борьбе были шведы. В последние годы они, правда, утратили свои ведущие позиции в борьбе, но в тяжелых категориях в греко-римской борьбе зачастую в списках призеров крупных турниров можно видеть шведские фамилии.

Выходя на финальную схватку чемпионата мира, Шовхалов учел все, кроме формулы: дома и стены помогают. Помимо стен, активно помогали и судьи. Ибрагим в начале схватки накрыл шведа, но заслуженные два балла судьи ему не начислили. Лунгберг, как хороший легкоатлет, все время бегал от него, но в партер за пассивность ставили российского борца. Причем сделали это пять раз, чтобы сбить его атакующий пыл. Из партера Лунгберг и набрал победные баллы.

После завершения финала Михаил Мамиашвили скажет Ибрагиму: «Сегодня ты не выиграл бы ни при каких раскладах».

Золотую медаль своему подданному вручал король Швеции. Судьи тоже люди, и их желание сделать приятное монаршей особе и зрителям, сидящим на трибунах, понятно. Но Шовхалову, у которого украли зарабатываемое потом и кровью звание чемпиона мира, от этого не легче.

…Микаэля Лунгберга ни эта победа, ни все последующие счастливей не сделали: в 2004 году он закончил жизнь самоубийством. А Ибрагим еще раз задумался над вопросом: фартовый ли он борец?

Он еще не знал, что главное испытание спортивная судьба уготовит ему на чемпионате мира в сентябре 1994 года в Финляндии. Хотя его начало было обнадеживающим: в групповом турнире Шовхалов уверенно победил

нескольких соперников. В их числе был и Сергей Лиштван – еще один представитель сильной белорусской школы, еще 2–3 года назад входивший с Шовхаловым в одну команду – сборную СССР, а ныне оказавшийся «по другую сторону баррикады». К слову, счет личных встреч Шовхалова с Лиштваном – впоследствии финалистом Олимпийских игр в Атланте и трехкратным чемпионом Европы – стал 6:1 в пользу чеченского борца.

За выход в финал Шовхалов вновь сошелся с Анджеем Вронски. Без преувеличения можно сказать, что это был скрытый финал того чемпионата. Имя одного финалиста к тому моменту было уже известно: им неожиданно для всех стал борец из Грузии Бакури Гогитидзе – победитель первенства мира среди юниоров. Выход в финал «взрослого» чемпионата мира был для Гогитидзе «звездным часом»: больше он ни разу не стоял на европейском и мировом пьедестале.

Очередная встреча Шовхалова с Вронски получилась невероятной по накалу и очень драматичной. Ставка была слишком велика. Казалось, еще немного и они сойдутся в рукопашной схватке. Шовхалов доминировал весь поединок, но поляк хорошо оборонялся. Однако при всей закрытости польского борца Ибрагиму все же удалось дважды пройти ему в корпус, но оба раза судья по непонятной причине останавливал схватку. Российский борец был явно активнее Вронски, которому судья дал пять предупреждений. Но эта его активность в итоге сыграла против него же. В одном из эпизодов он попытался вытянуть Вронски из партера на обратный пояс. Этим приемом в совершенстве владел выдающийся борец Александр Карелин. Но и Ибрагим, проведший много лет с ним на сборах, в нюансах изучил это движение. Он до сих пор недоумевает: как судья не заметил того, что поляк накрыл его после того, как подсек опорную ногу. Но как бы то ни было, Вронски получил два балла.

В дополнительное время ценой неимоверных усилий Ибрагиму удалось сравнять счет. Когда Вронски в очередной раз был в партере, Шовхалов сымитировал обратный пояс, а затем, захватив шею, сделал «лампочку», поставив поляка в опасное положение. Теперь уже при равном счете, но по количеству предупреждений побеждал Шовхалов. «Ничего не делай! Ничего не делай!» – надрывался у кромки ковра главный тренер сборной России Михаил Мамиашвили.

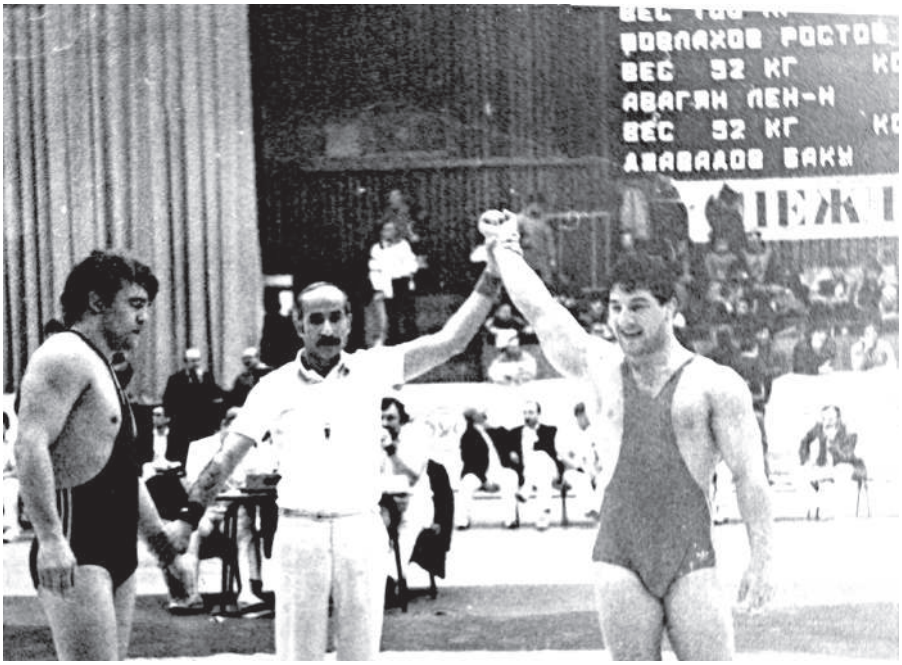
…Но Ибрагим сделал. Позже он объяснял свою активность желанием поставить жирную точку в противостоянии с Анджеем Вронски. Эмоциональное состояние Шовхалова было до такой степени взвинчено, что он не мог просчитать возможные варианты развития событий. Желание не просто победить, а морально сломать соперника перевесило логику. За несколько секунд до конца схватки польского борца поставили в партер. Ибрагим не стал «убивать» оставшиеся секунды, а снова выдернул соперника на обратный пояс. Опытный поляк будто ждал этого: он незаметно надавил на бедро российского борца и лишил его точки опоры. В итоге Вронски оказался сверху Шовхалова. Такие действия в греко-римской борьбе, естественно, запрещены Международными правилами борьбы. Момент был динамичный, но в этой ситуации судья быстро разобрался, присудив два балла Шовхалову, а Вронски – пятое предупреждение. А это означало выход в финал российского борца. На видеозаписи этого поединка видно, как ликует Ибрагим и как недовольны решением судьи польский борец и его команда.

Финальная схватка с Гогитидзе должна была состояться в вечерней программе соревнований. Ислам Дугучиев, ставший в Тампере в четвертый раз чемпионом мира, шутливо советовал своему другу:

– Ты, Ибрагим, все подарки в прошлогоднем финале раздарил, поэтому спокойно забирай сегодня свою золотую медаль.

– Не сомневайся, – вторил ему Шовхалов, – на этот раз я свой шанс не упущу.

В номере гостиницы Ибрагим по новостям слышал свою фамилию: мол, еще один российский борец поборется за золото чемпионата мира. Настроение было



На снимке справа: И. Шовхалов.

лучше не придумаешь: семеро российских борцов в вечерней программе будут бороться за золотые медали мирового чемпионата и среди них он, Ибрагим Шовхалов!

Принимая душ, он начал даже напевать. В своей победе он нисколько не сомневался. Неожиданно в дверь громко постучали. Этот стук не предвещал ничего хорошего. На душе стало немного тревожно. «Наверное, финалы начались раньше времени», – екнуло сердце Ибрагима. Он даже в страшном сне не мог предположить того, что сказал ему стоящий на пороге взволнованный Эдуард Коваленко:

– Немедленно собирайся. Тебя сняли с финала, и ты прямо сейчас должен бороться за бронзу.

У Ибрагима подкосились ноги. Ислам Дугучиев, видя, как он на глазах бледнеет, дал ему успокоительное лекарство. Ибрагим долго не мог собраться с мыслями и понять, что случилось. Как выяснилось, сразу после финального свистка его поединка с Вронски поляки подали протест на решение судьи по последнему эпизоду схватки. И случилось невероятное. Судейская комиссия Международной федерации объединенных стилей борьбы, которая решения своих судей никогда не отменяла (в редких случаях дисквалифицировала арбитров, которые были замешаны в серьезных скандалах), в данном случае приняла протест на рассмотрение (что бывает в крайне редких случаях) и с удивительной поспешностью удовлетворила его. Никогда в истории борьбы не было такого, чтобы борцу подняли руку, вписали его победу во все протоколы, объявили об этом на весь мир, отправили его готовиться к решающей схватке, а затем откатили ситуацию назад.

Немного схожий случай был с российским борцом Николаем Моновым, когда он пробыл чемпионом Европы-98 всего 15 минут. За это время в статусе чемпиона континента счастливый Монов даже дал несколько интервью. Четверти часа оказалось вполне достаточно, чтобы пострадавшая в схватке турецкая сторона подала протест на действия судьи, который, увы, был апелляционным жюри удовлетворен. И на пьедестале Монову вручили серебряную медаль. Но все же ситуация с Шовхаловым была намного нелепей и трагичней, так как он

вместо одного шажка до золота должен был в нескольких схватках биться за бронзу, причем с сильно подавленным настроением.

Если бы после финального свистка судья объявил победителем Вронски, Шовхалов высказал бы свое недовольство по поводу судейства, но больше был бы зол на себя. Но в данном случае все было иначе. Судейская комиссия в крайнем случае должна была дисквалифицировать судейскую бригаду, а не наказывать спортсмена. Но фарс в том и заключается, что судью, отсудившего тот полуфинал и по решению которого разгорелся весь сыр-бор, никак не наказали. Случай беспрецедентный, что и говорить. Российским борцам баллы за красивые глаза никто никогда не давал. Тем обиднее было воспринимать решение об аннулировании результата полуфинала.

После вердикта судейского корпуса у российской стороны попросту не осталось времени на подачу своего протеста. Да и не рассматривают обычно жалобы российских тренеров. За многие десятилетия протесты советской, а затем и российской стороны по всем видам спорта были удовлетворены считанное количество раз. В борьбе же протест на необъективное судейство приняли во внимание и удовлетворили лишь раз: в 1993 году Сергей Мартынов стал чемпионом Европы после рассмотрения протеста, поданного главным тренером сборной России Михаилом Мамиашвили.

…Бороться в утешительном турнире за третье место у Шовхалова не было ни эмоций, ни желания. Но тренеры сборной в интересах команды уговорили его выйти на ковер. До Дворца спорта доехали на такси, трико он натягивал на бегу. О разминке не было и речи. Когда Ибрагим выходил на ковер, с его непросохшей после душа головы еще падали капли. И в таком разобранном состоянии он выиграл первую схватку со счетом 15:0. Ко второй схватке начало сказываться действие лекарства. Вялый и сонливый Шовхалов, находясь в полуобморочном состоянии, тем не менее сумел отбороться с Георгием Солдадзе, представлявшим Украину, вничью – 3:3, но по предупреждениям победу присудили Солдадзе. Когда Ибрагим вернулся в гостиницу, он, даже не снимая борцовки, лег и проспал до самого отъезда российской сборной. Так для Ибрагима закончился чемпионат мира, на котором он мог и должен был стать победителем, а в итоге не стал даже призером.

Объяснять можно победы. А поражение нужно просто пережить. И Ибрагим переживал свою неудачу и переживал очень тяжело. Из-за мощного стресса он потом долго болел.

Судейские предвзятости в борьбе стары, как мир. Чеченские борцы нередко на себе ощущали весь произвол, творимый «блюстителями правил». Как тут не вспомнить финалы Олимпиад 1988 и 1992 годов, когда судьи приняли активное участие в поражениях Адлана Вараева и Эльмади Жабраилова.

Но обвинять кого-то или искать виноватых – это удел слабых людей. То, что ты лучше, надо доказывать на ковре. И Ибрагим доказал: в декабре того же года в Москве на матчевой встрече сборной России против сборной Мира он убедительно победил Вронски со счетом 7:2. И обратный пояс, который дважды не прошел в Тампере, на этот раз у него получится как по учебнику – мощный и амплитудный. Всю свою накопившуюся спортивную злость вложил Ибрагим в этот бросок. Ни до, не после Анджея Вронски – двукратного олимпийского чемпиона, чемпиона мира и трехкратного чемпиона Европы – не втыкали головой в ковер.

Еще одно серьезное разочарование ждало Шовхалова в год Олимпиады в Атланте. К чемпионату России 1996 года в Краснодаре, как к отборочному соревнованию к Олимпийским играм, Шовхалов подошел на пике своей формы. Он легко стал чемпионом России, не отдав соперникам за весь турнир ни единого балла. В финале он со счетом 6:0 победил Теймураза Эдишерашвили. Но именно Эдишерашвили доверили право представлять Россию на Олимпийских играх. К сожалению, надежд он не оправдал, оставшись за чертой призеров.

Тяжело осознавать, что время беспощадно: позади остались молодые годы,

а с ними и жаркие баталии на ковре. Шовхалов не всегда побеждал, но и в проигранных схватках его борьба была яркой и остроатакующей.

Ибрагим не любит вспоминать свое спортивное прошлое – слишком много заноз в душе оставил большой спорт. Хотя порой наиболее яркие фрагменты отчетливо встают перед глазами. Например, турнир «Гран-при Иван Поддубный» 1997 года, который прошел в Перми. Особенностью его было то, что победителям вручали медали из чистого золота. Впрочем, спортсменов мотивировало не это, а высокий престиж самого турнира. Шовхалов после травмы набирал форму и сгонял излишек веса. Чтобы войти в «свою» категорию, ему осталось согнать два килограмма. Не самая сложная задача, решение которой он отложил до прибытия в Пермь. Но из-за того, что самолет опоздал на два с половиной часа, у Шовхалова осталось всего сорок минут для сгонки лишнего веса. Проведя все это время в сауне, он вновь встал на весы – они показали сто килограмм и сто грамм. Казалось бы, излишек веса небольшой, но главный судья турнира, заслуженный тренер СССР Анатолий Винник не допустил его на соревнования борцов категории до 100 килограмм. Даже на уговоры Мамиашвили не поддался. Между тем, время, отведенное для взвешивания, закончилось.

– Ничего, Ибра, в следующий раз выиграешь, – подбодрил Мамиашвили.

– А зачем ждать до следующего раза – до 130 килограммов я же могу бороться?

Повисла пауза. Бороться, конечно, можно, но стоит ли идти на заведомый проигрыш. Так, наверное, думали все, кроме самого Ибрагима.

В категории до 130 кг безраздельно царствовал Сан Саныч Карелин, но и в его отсутствие (как на этом турнире) в супертяжелом дивизионе было много больших парней с недюжинной силой и немягким характером. Невероятно, но факт: Шовхалов победил на этом престижном турнире. Причем сделал это убедительно, не отдав соперникам за весь турнир ни одного балла. Достижение воистину феноменальное. В полуфинале он со счетом 3:0 победил спарринг-партнера Карелина Андрея Гришина – неоднократного призера Кубка мира, победителя многих международных турниров, а в финале сломил сопротивление чемпиона Азии корейца Йонг-Жин Янга – 8:0. Многие специалисты борьбы не могли в это поверить. Шовхалов и в своей-то категории был намного ниже соперников, а в супертяжелой казался вовсе малышом.

26 февраля 1999 года в Москве в легкоатлетическо-футбольном манеже спорткомплекса ЦСКА чеченский борец Ибрагим Шовхалов, выступавший за Ростовскую область, стал чемпионом России. Казалось бы, этот факт ничем не примечателен со спортивной точки зрения. Но если знать подоплеку событий, эта победа вызывает восхищение.

В 1997 году на учебно-тренировочных сборах сборной России во время спарринга у Ибрагима Шовхалова порвалась мышца задней поверхности бедра. Два года он не мог не только нагружать ногу, но даже нагибаться. Вполне естественно, что за это время он ни разу не ступил на борцовский ковер. Многие даже посчитали, что Шовхалов завершил спортивную карьеру. Сам же Ибрагим в тот период был занят делами весьма далекими от спорта. Мысли его также были далеки от борьбы: Чеченская Республика тогда переживала смутное время, наступившее после первой войны. В этой ситуации думать приходилось о близких людях, проживающих на родине. Да и травма не позволяла всерьез говорить о спорте. Но неожиданно даже для самого себя, за 27 дней до начала чемпионата России, Шовхалов решил принять в нем участие. Его вес к тому моменту составлял 116 кг, и надо было сильно попотеть в прямом и переносном смысле, чтобы войти в тяжелую категорию.

Не на руку Ибрагиму явилось и упразднение категории до 100 кг – в 1997 году вместо нее ввели категорию до 97 кг. Если учесть, что спортсмены с огромным трудом сбрасывают даже сотни граммов, можно представить, какая дополнительная нагрузка выпала на его организм. Как Шовхалов тренировался – это тема отдельного разговора. Впрочем, работоспособность

его всегда поражала. Превозмогая боль, ему приходилось разрабатывать и травмированную ногу. Мало кто верил, что возвращение Шовхалова в спорт принесет ему лавры.

Надо сказать, что отбор на чемпионат России борцам уровня Шовхалова не требовался. Но при этом статистом быть он не хотел, а иначе не стоило возобновлять тренировки.

Хотя сгонка веса для борца – это часть профессии, тем не менее, мало кто любит «сушить» себя. Любой борец скажет, что согнать десять килограммов сложнее, чем бороться.

А Ибрагим Шовхалов за 26 дней сбросил 15 кг. За эти три с половиной недели съеденные им продукты поместились бы в маленький пакет. И при этом каждый день проводились каторжные по своему напряжению тренировки, включающие многокилометровые кроссы, велокроссы, занятия с тяжестями, канат и турник.

Оставшиеся пять килограммов Шовхалов согнал в день взвешивания: в 9 утра он зашел в баню, а вышел в час дня. Функциональная подготовка, конечно, важна, но еще большую роль играет сила воли, уверенность в своих силах. А с этим у чеченского борца всегда был полный порядок.

Несмотря на все мыслимые и немыслимые сложности и коллизии, Шовхалов на одном дыхании прошел весь чемпионат. В финале он выиграл у обладателя Кубка европейских чемпионов, мастера спорта международного класса Вячеслава Бельмаса 3:0.

Это был пятый выигранный им титул чемпиона России. Ибрагим Шовхалов триумфально вернулся в большой спорт. Вернулся, чтобы вскоре окончательно уйти из него. В борьбе спортивная доминанта нередко уступает околоспортивной.

По отношению к себе некоторых высоких спортивных функционеров Ибрагим понял, что на Олимпиаду в Сидней ему не попасть. А без олимпийской цели он не видел смысла в занятиях борьбой.

После завершения спортивной карьеры Шовхалов не ушел из области спорта. В настоящее время он является президентом Федерации греко-римской борьбы Чеченской Республики. Его огромный опыт должен помочь в восстановлении в республике прежних победных традиций в греко-римской борьбе.

Шовхалов считает свою карьеру не самой удачной. Практически всех чемпионов Европы, мира и Олимпийских игр своего времени в тяжелой категории он побеждал, но сам тем не менее ни разу не поднялся на вершину мирового или хотя бы европейского пьедестала. «Потому что я не фартовый борец», – говорит он.

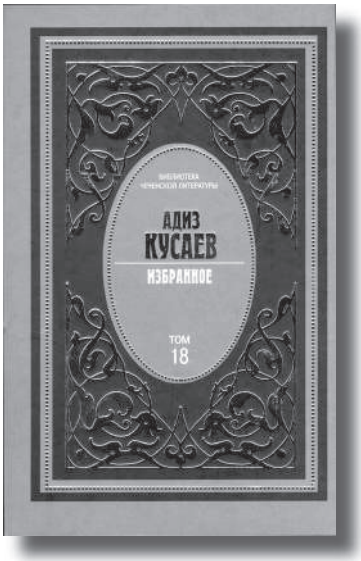
Необходимо ли стать чемпионом Олимпиады, мира или хотя бы Европы, чтобы считать спортивную карьеру успешной? На этот риторический вопрос у каждого свой ответ. Лично я убежден, что человек, выигравший пять чемпионатов своей страны, 4 раза – очень престижный турнир «Гран-при Иван Поддубный», ставший призером чемпионатов Европы и мира, обладателем Кубка мира, имеющий более шестидесяти медалей разного достоинства со многих крупных международных турниров, не может считаться неудачливым спортсменом. А если к этим наградам добавить уважение, завоеванное им на ковре и за его пределами, и любимую работу, сопряженную с борьбой, то Ибрагима Шовхалова можно считать успешным человеком.

К спорту можно относиться по-разному, но значимость его в современном мире сложно отрицать. «Престиж нации по-настоящему определяют две вещи: полет на Луну и золотые олимпийские медали», – сказал как-то Президент США Джон Кеннеди.

И пусть Шовхалов не выиграл олимпийскую медаль, но он был одним из тех, кто на самом высоком уровне защищал престиж чеченского народа и Российской Федерации, а такие люди будут в почете всегда.

Книжные новинки

Избранное. Мой путь



Продолжая знакомить широкий круг читателей Чеченской Республики и всей России с богатой духовной культурой чеченского народа, Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы осуществляет издание многотомной библиотеки, в которой представлены все ведущие чеченские писатели и поэты от представителей старшего поколения – Халида Ошаева, Магомеда Мамакаева, Раисы Ахматовой, Саидбея Арсанова – до молодых авторов, в творчестве которых отразились как вечные темы, так и злободневные вопросы современности.

Настоящий 18 том «Библиотеки», под названием «Избранное. Мой путь», полностью посвящен поэтическому творчеству современного чеченского поэта, писателя и журналиста Адиза Кусаева. В книгу вошли стихи и поэмы разных лет, а также авторские переводы произведений чеченских поэтов.

В предисловии к сборнику директор Института проблем образования РФ, член-корреспондент РАЕН Абдулла Арсанукаев так отзывается об известном чеченском литераторе и журналисте: «Адиз Кусаев – один из немногих современных чеченских писателей, которые одинаково свободно чувствуют себя и в поэзии, и в прозе. Он автор семи замечательных поэтических книг и четырех книг в жанре документальной и художественной прозы. Это книги «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный, «Писатели Чечни» и др. За что бы Адиз Кусаев ни брался, за документальные ли вещи или художественное произведение, он это делает после тщательной подготовки, пропуская наработанное через свое сердце и душу… Являясь журналистом и на протяжении десятилетий работая на телевидении и радио, в редакциях республиканских газет, Адиз Кусаев встречался, близко общался, брал интервью, приглашал на телевизионные передачи, имел дружеские, профессиональные или просто человеческие связи со многими героями своих очерков и поэм. Наверное, поэтому они выглядят не сухим документальным повествованием, а живым рассказом о хорошо знакомых и близких автору людях. Автор рассказывает о героях своих очерков и поэм тепло и сердечно, он как бы гордится ими и своим знакомством с ними… и находит светлые, добрые слова, окружает его удивительно дружелюбными чувствами, которые передаются и читателям».

Обет

В Грозном вышел сборник стихов и рассказов известного в нашей республике писателя и поэта Шамсуддина Макалова – «Обет».

Ш. Макалов, уроженец Чеберлоевского района Чеченской Республики, по профессии врач. Однако, по собственному признанию писателя и поэта, интересы его «рано замкнулись на книгах». В годы своего студенчества Ш. Макалов сотрудничал с молодежной газетой «Комсомолец Дагестана», где впервые были напечатаны его стихи и рассказы на русском языке. Незадолго до окончания института в Махачкале вышла небольшая юмористическая повесть «Малярные кисти». Ш. Макалов был близко знаком с известным советским дагестанским поэтом Расулом Гамзатовым, а также с чеченскими поэтами и писателями, чье творчество ныне стало частью сокровищницы классической чеченской литературы: Шимой Окуевым, Мусбеком Кибиевым, Хусейном Сатуевым, Шайхи Арсанукаевым и многими другими. С 1965 года он начал писать стихи и рассказы на родном языке. Впервые они были опубликованы в журнале «Орга». В 1974 году в Чечено-Ингушском книжном издательстве вышел первый самостоятельный поэтический сборник Ш. Макалова на родном языке – «Счастье шагать», а в 1983 – повесть «Первые шаги», рецензентом которой был известный чеченский писатель Абузар Айдамиров.

В настоящем сборнике читателю будет интересно познакомиться с рассказами из цикла «Записки врача», а также поэтической подборкой, посвященной чеченскому народу, его истории, благородным обычаям вайнахов и суровой красоте природы нашего края.

Подготовила Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Роза Талхигова. Окончила Литературный институт им. Горького в Москве (1990). Поэтесса, член Союза писателей РФ (ЧР). Стихи начала писать со школьной скамьи. Дебютировала в 1982 году (стихи в респ. газете «Комсомольское племя»). В начале творческого пути являлась членом литературно-творческого объединения «Искры Прометея». Стихи издавались в коллективных сборниках «Утреннее эхо» (1982), «Восхождение к корням» (1985), а также в периодической печати в Москве, Кабардино-Балкарии; переведены на чеченский, балкарский и кабардинский языки. В Пятигорске (2007) вышел сборник стихов «Оглянувшись в листопад».

Эльбрус Минкаилов (1955). В 1979 году с отличием окончил филологический факультет ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. С 1980-го по 2010-й годы преподавал литературу в том же университете. С 2002 года работает в литературно-художественном журнале «Орга» (с апреля 2003 года – главный редактор), издающемся на чеченском языке. Автор более 60-ти публикаций по различным вопросам литературы и фольклора. Перевел ряд повестей и рассказов с русского на чеченский язык, в том числе и повесть «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого, а также с чеченского на русский язык. Минкаилов Э.С. известен как прозаик, пишущий на чеченском и русском языках, он является автором двух повестей и десятков рассказов. Член Союза писателей и Союза журналистов РФ.

Руслан Юсупов (1955). Филолог по образованию. Много лет проработал в сфере журналистики. Победитель целого ряда профессиональных конкурсов республиканского, регионального, и международного уровня. Лауреат премии Интеллектуального центра Чеченской Республики, обладатель «Золотого пера» на международном конкурсе журналистов им. А.А. Кадырова. Стихи пишет со школьных лет. Печатался в газетах и журналах. Выпустил 2 поэтических сборника «Дорога из ада» и «Огонь души». Член Союза писателей ЧР (РФ). Награжден медалью Лермонтова за пропаганду миротворческих идей в литературе.

Сулиман Мусаев (1972). Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 года. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации – в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборнике «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009), «Новые писатели» (М. 2010), готовятся к изданию две книги в Грозном и Москве. Участник семинаров молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик, 2008–2011), VIII, IX и X форумов молодых писателей России в Липках (2008–2010). Лауреат премии «Магистр литературы» в номинации «Малая проза» по итогам Всероссийского форума молодых литераторов в 2009 году.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился 10 ноября 1951 года в Казахстане. В 1964 году окончил Зоновскую восьмилетнюю школу Советского района. Среднее образование завершил в Ростовской области в 1968 году. Служил в армии. В 1988 году окончил Литературный институт имени М. Горького в Москве. Работал учителем, актером в драмтеатре им. Х. Нурадилова, сотрудником газеты «Ленинец» Советского района. Писатель, поэт. Автор книг: «Пространство души», «Горсть», «Грани», «Путешествие в полдень», «Линии», романа «Имя Родины» (2011г.). С 1995 по 2008 год проживал в Абхазии. Преподавал в Абхазском госуниверситете культурологию. Один из создателей общественной организации «Академия культуры Кавказа». Член Союза писателей Абхазии, России и Чеченской Республики.

Исмаил Мунаев (1949). В 1972 году окончил национальное отделение филологического факультета ЧИГУ. В 1981 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького защитил кандидатскую диссертацию по специальности «фольклористика». Автор более 30 научных статей, книг «Вопросы поэтики чеченских героических песен илли. Опыт комплексного исследования» (1983), «Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли» (1984). Зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований АН ЧР, доцент кафедры чеченской филологии ЧГПИ.

Малика Гортикова. Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия (2005), заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2009). Окончила филологический факультет ЧИГУ в 1974 году. Участница первого Всесоюзного совещания молодых журналистов (г. Москва). Многие годы возглавляла один из ведущих отделов Чечено-Ингушской молодежной газеты «Комсомольское племя». В период известных событий в ЧР в середине 90-х годов выпустила два номера женского журнала «Малика», посвященного духовным ценностям чеченского народа (московское издательство «Некос», печать – Финляндия). С 2007 года – заведующая отделом древней, средневековой и новой истории Национального музея ЧР. Соискатель ученой степени кандидата исторических наук. Автор ряда научных работ (Грозный, Ростов-на-Дону, Краснодар).

Малика Ежиева (1968). В 1994 году закончила Чечено-Ингушский государственный университет по специальности «историк, учитель истории и обществоведения». В 1996 году – Международный институт управления, бизнеса и права, по специальности «юрист-менеджер» с получением степени бакалавра экономики. В журнале «Вайнах» публикуется с 2011 года.

Муслим Гапуев (1965). Родился в г. Грозном. Окончил нефтепромысловый факультет Грозненского нефтяного института. Писать рассказы начал после окончания первой войны 1994–1996 гг. Его статьи, очерки, рассказы публикуются на страницах республиканских газет. В журнале «Вайнах» его рассказы впервые опубликованы в январе 2008 года. В настоящее время является главным редактором спортиваного журнала «Борцовский круг».